Г. А. Калиняк

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

ИСТОРИЯ РАБОЧЕГО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«История» Г. А. Калиняка – настоящая энциклопедия жизни простого советского человека. Записки рабочего ленинградского завода «Электросила» охватывают почти все время существования СССР: от Гражданской войны до горбачевской перестройки.

Судьба Георгия Александровича Калиняка сложилась очень непросто: с юности она бросала его из конца в конец взбаламученной революцией державы; он голодал, бродяжничал, работал на нэпмана, пока, наконец, не занял достойное место в рядах рабочего класса завода, которому оставался верен всю жизнь.

В рядах сначала 3-й дивизии народного ополчения, а затем 63-й гвардейской стрелковой дивизии он прошел войну почти с самого первого и до последнего ее дня: пережил блокаду, сражался на Невском пятачке, был четырежды ранен.

Мемуары Г. А. Калиняка – честный рассказ о людях, составлявших плоть и кровь страны Советов, бывших участниками радостных и трагических событий ее истории, трудами и подвигами закладывавших основу жизни и благосостояния нынешнего и грядущих поколений граждан нашей страны.

Книга адресована широкому кругу читателей.

- Георгий Александрович Калиняк
  - Предисловие
  - Герой советского времени: история рабочего
  - К читателю
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58

- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75

Георгий Александрович Калиняк Герой советского времени: история рабочего

Предисловие

1

Мы предлагаем вниманию читателей записки Георгия Александровича Калиняка. Без преувеличения можно сказать, что автобиографическая проза Г. А. Калиняка – явление уникальное в отечественной мемуаристике. Уникальность ее заключается прежде всего в том, что она от первой до последней буквы принадлежит перу простого советского человека, который сам о себе сказал так: «Я стал просто рабочим, потом солдатом и снова рабочим».

Немногие авторы, писавшие историю России XX в., могут похвастаться такой простой и одновременно такой замечательной биографией. Воспоминания Г. А. Калиняка охватывают практически всю историю СССР; в этом смысле его биография – это биография советской страны, самым что ни на есть искренне преданным гражданином которой был Георгий Александрович.

Сейчас, когда советский период нашей истории все более и более уходит в прошлое, очень важно не потерять свидетельств людей, которые творили и воспевали эту историю. В том числе и самых простых, нечиновных граждан, на плечах которых тем не менее покоились слава, величие и мощь сверхдержавы, которые, «не щадя своей крови и самой жизни» (слова из советской военной присяги), обеспечивали ее победы на фронте и достижения в мирном строительстве.

Постижение психологии советского человека очень важно для осознания феномена грандиозных успехов советской власти, высвободившей и направлявшей энергию десятков миллионов людей, подобных Г. А. Калиняку. Можно сказать, что самым главным результатом революции 1917 года было то, что в сопровождавших ее и последовавших за ней суровых лишениях закалились и огранились те сильные и цельные русские характеры, которые впоследствии удивили мир своим несгибаемым мужеством и стойкостью, упорством и целеустремленностью.

«Да, были люди в наше время», – невольно хочется воскликнуть, читая мемуары Г. А. Калиняка. Не может не вызывать изумления, что человек, рано перенесший утраты близких, в детстве и юности нередко голодавший, фактически бродяжничавший, видевший кровь и смерть на фронте и предательство в тылу, человек с очень непросто складывавшейся

личной жизнью, добывавший хлеб воистину «в поте лица своего», сохранял способность так тонко чувствовать, поэтично переживать и преданно любить. И вместе с тем, в этом человеке в равной степени уживались испепеляющая ненависть и к явным врагам своей Родины, и злоба и презрение к тем, кто хотя бы на йоту не разделял привычного для него образа мыслей и жизни, кто хоть немного отступал от проложенной партией и принятой им «генеральной линии», полной сурового спартанского самоограничения.

Могущая ужаснуть сегодня нетерпимость советского человека, которая недоброжелателями трактовалась в сторону ограниченности и ущербности «совка», на деле была естественным следствием полной борьбы и лишений его жизни, которая не оставляла места и времени на рефлексию, отдаваясь в сознании только слабыми отзвуками потревоженного нравственного чувства. Да и могло ли быть иначе, если стране за десятилетие надо было «пробежать» (как говорил ее вождь и учитель) те 50 лет развития, которые отделяли ее от «цивилизованного человечества» (как принято выражаться теперь).

Но эта свирепая, не останавливающаяся ни перед чем гонка вызывала и законное опасение и даже испуг у этого самого человечества, столкнувшегося с необъяснимым ростом могущества Советской страны советов. А страх и взаимное недоверие – плохие советчики. Вот и принималось человечество отгораживаться от подозрительного «совка» всевозможными линиями, кордонами, пактами, блоками, а то и не брезгуя подтолкнуть в его сторону не менее беспокойного соседа. Все это, как известно, ничего, кроме ответной ненависти и подозрительности, у советского человека не вызывало.

Но не эти чувства склоняли на сторону социализма сердца миллионов простых людей на всех континентах, и даже соблазнили немало европейских интеллектуалов. Исключительная честность, отзывчивость, доходившая до забвения собственных интересов, бессеребреничество, принципиально-идейная духовность, непоколебимая верность своим – вот те черты настоящего «совка», которые мы без труда можем разглядеть в портрете Г. А. Калиняка, что придавали человеческое лицо (и лицо, надо сказать, весьма симпатичное) стране победившего социализма.

Собственно говоря, советский строй и держался на этих атлантах, и по мере ухода их в силу объективных причин из деятельной общественно-политической жизни, мельчало и неумолимо деградировало советское государственное устройство.

Сам Г. А. Калиняк с тревогой отмечал характерные признаки этого процесса, как водится, объясняя негативные явления коварными происками западных спецслужб, нацеленными на советскую молодежь – «как самую нестойкую и податливую часть населения». Отчего же это, однако, советская молодежь к 70-м годам XX века вдруг утратила железную монолитность прежде крепко спаянного страхом (перед всевозможными врагами) и лишениями (в ожидании светлого будущего) советского общества?

Вспоминаю застольный спор, внезапно разгоревшийся примерно в это время, между моим дедом, в 1941 году ушедшим на фронт добровольцем, прошедшим через почти четырехлетний ужас немецкого плена, и отцом – молодым коммунистом. «Твои коммуняки слетят, – безапелляционно заявил дед. – Народа они не понимают». Отец, конечно, так и взвился. Но дед непоколебимо стоял на своем. И слова его запомнились мне, тогда еще совсем шкету. Добавлю, что и отец и дед были потомственными рабочими, токарями высочайшей квалификации, настоящими представителями рабочей гвардии тогдашнего класса-«гегемона», неоднократно награжденными высокими правительственными наградами «за успехи в социалистическом строительстве». И вот такое разное восприятие жизни.

А уже в конце 80-х и отец покинул ряды КПСС. Правда, дед торжества своей точки зрения не увидел; в 1985 году он умер в госпитале для ветеранов войны.

Коммунисты не понимали народ в главном: невозможно требовать от всего населения того, что только отдельные личности способны добровольно приносить в качестве величайшей жертвы – права на обычную жизнь и простое человеческое счастье. Никакие политические ставки не покроют отсутствия нормальных условий жизни маленького человека. Пружину его терпения, конечно, можно с большим или меньшим успехом заводить действием трескучей пропагандистской фразы или страхом репрессий, но результат накопленного противодействия рано или поздно скажется в стремительном раскручивании всевозможных гаек государственного механизма подавления личности.

А понять маленького человека власть не может, потому что не слышит; поскольку этот человек оказывается просто-напросто лишенным права голоса. Если голос его совпадает с общим хором – то и слушать его неинтересно, а если уж чуть фальшивит – то спасти человечка может только чудо, как чудом спасся в развернувшихся после убийства Кирова репрессиях Г. А. Калиняк, «дело» которого к счастью для него кануло в архив. А люди

вокруг него, заметим, пропадали. И пропадали, как многократно отмечается в мемуарах, от рук своих же «товарищей».

В таких условиях Великая Отечественная война стала великой очистительной жертвой народа, как ни парадоксально, продлившей существование советского строя еще почти на полвека. Велась она народом, конечно, совсем не под знаменем советских ценностей. Об этих ценностях на страницах воспоминаний о войне коммуниста Калиняка мы не найдем ни строчки. Стиль его «окопных» сюжетов совершенно ремарковский: все внимание уделяется друзьям-товарищам, мелким деталям фронтового быта и редкому по своей обнаженной искренности описанию страшных боев «местного значения».

Фронтовое товарищество, святой долг перед жертвами войны стали после ее окончания беспроигрышной картой, разыгрываемой властью в целях консолидации значительно повзрослевшего, во многом прозревшего советского народа. В рвущем жилы послевоенном труде, как и в бою, бывших фронтовиков объединяли и поддерживали тоже не советские лозунги, а плечо друга, память о совместно пережитом лихолетье. Пережили и это.

Но вот после… После Г. А. Калиняк с удивлением обнаружил, что жизнь его, полная лишений, щедрая на пролитые кровь, пот и слезы, оказалась удивительно бедна любовью, которая все как-то проходила мимо, оттесняемая на второй план постоянными трудами и общественными обязанностями. А любовь такого отношения к себе, как известно, не прощает. И снова безропотно взялся неутомимый Георгий Александрович за дело – теперь уже не в дымном цеху, а на приусадебном участке, целину которого он «поднимал», как в молодости, с упорством Павки Корчагина.

И только после инфаркта, когда старый рабочий окончательно «стал не нужен цеху», вышибленный на пенсию, он вновь, теперь уже в мыслях и мечтах бессильного и мало кому интересного (это читается между строк) пенсионера встретился с самой главной любовью, которую рано или поздно ощущает человек с чистым сердцем – с любовью к Жизни. И страницы его воспоминаний, посвященные этой встрече, дышат почти религиозным смирением и являются, наверно, самыми трогательными и волнующими во всем его повествовании.

По ним можно точно судить, что Георгий Александрович достиг в своей жизни главного – вырастил в себе Человека. И это было самое ценное, с чем он смог бестрепетно предстать перед лицом приближавшейся вечности.

Изучать советского человека, читая мемуары Г. А. Калиняка, необходимо и нам, обществу, и людям власти. Для нас это важно

в плане самопознания, чтобы не успокаивать себя постановкой памятников пророкам, которых избили отцы наши, но отдавать себе отчет, что мы их наследники и носим в себе очень многое из того, о чем писал Георгий Калиняк. Государственным мужам читать эту книгу нужно, чтобы не обольщаться мнимым безмолвием народа, не обманываться кажущейся эффективностью пропагандистской промывки мозгов, но помнить, что каждый, даже самый маленький человек, быть может, таит в себе семена истинного величия мысли и духа, подобные тем, что были щедро посеяны в душе Георгия Александровича Калиняка. Его воспоминания – лучшее свидетельство того, что власть должна *уважать* народ.

2

«История моей жизни» Г. А. Калиняка написана необыкновенно занимательно. Можно сказать, что это настоящая энциклопедия советской жизни. Вот почему его воспоминания мы выпускаем под названием «Герой советского времени», – подобно тому как известный роман М. Ю. Лермонтова выразил состояние общественной жизни и духа николаевской империи, скромные мемуары Г. А. Калиняка, по нашему мнению, могут смело претендовать на то же самое в отношении империи советской.

В 20-е гг. XX в. ветры Революции – это слово Георгий Александрович всегда писал с заглавной буквы – носили его из конца в конец взбаламученного моря российской глубинки: от Белоруссии до Сибири и обратно. Он жил жизнью больших и маленьких сел, уездных, губернских и столичных городов; изучал страну, путешествуя по железным дорогам, когда дороги эти предоставляли еще минимум удобств для вольного пассажира.

Он жил в условиях голода и разрухи, выжить в которых, наверно, мог только русский человек, причастный «музыке Революции». Он, как и многие после окончания Гражданской войны, бродяжничал, искал любую работу, по поводу чего даже безуспешно стремился попасть на прием к «всесоюзному старосте» М. И. Калинину, проделав немалое путешествие из Ленинграда в Москву без гроша в кармане; скрепя честное пролетарское сердце работал на нэпмана, пока, наконец, не занял почетное место в рядах рабочего класса завода «Электросила», которому оставался верен всю свою жизнь.

Выражение «заводская семья» в 30-е годы было не пустым звуком. Как в любой семье, жизнь младших подчинялась строго установленным старшими товарищами правилам, сохранившим

отголоски дореволюционных, почти цеховых порядков, преступать которые не мог без ущерба для себя ни один новичок. Воспитанных в таком духе молодых рабочих привязывали к родному заводу, его трудовому коллективу сильные узы, вполне сродни семейным. И ради этой семьи люди были готовы идти на тяжелые жертвы. Воспоминания Г. А. Калиняка о командировке на заготовку леса весьма напоминают аналогичные страницы романа Н. Островского «Как закалялась сталь».

Но жизнь советского рабочего складывалась не только из трудовых будней. Сегодня вызывает удивление, что рабочие «от станка» могли быть и театралами, и книголюбами, и любителями искусства, гордо перечислявшими имена великих артистов, творивших *для них*. Такое высокое самосознание рабочего человека было прямым следствием не успевшего еще забыться в СССР принципа *диктатуры пролетариата,* на котором строилось советское государство. Провозглашенная гегемония рабочего класса в общественной жизни ко многому представителей этого класса обязывала. Способствовало воспитанию чувства рабочей гордости и само индустриальное общество, которое усиленными темпами строилось в СССР, с характерной для него реальной осязаемостью, зримой «вещностью» результатов труда.

Рабочее братство сильно поколебали годы репрессий, воспоследовавших за убийством в 1934 году С. М. Кирова. Откликаясь на эти события, мемуары Г. А. Калиняка наполняются гневным обличением Сталина, которого, тем не менее, автор судит на редкость умно и непредвзято, с учетом будущих заслуг, во многом обеспечивших победу в Великой Отечественной войне. В такой трактовке, конечно, кроется секрет популярности имени Сталина до сего дня. Победы, как известно, покрывают очень и очень многое. И вопрос о цене победы неизбежно отходит на второй план, доставаясь на обсуждение *больному, слабому потомству*.

Тема войны, занимающая центральное место в истории России XX в., сохраняет его и в истории жизни Г. А. Калиняка. С проходной завода «Электросила» он в 1941 году ушел на войну, и туда же через четыре года в рядах 63-й гвардейской стрелковой дивизии вернулся награжденный двумя медалями «За отвагу» и медалью «За оборону Ленинграда» старший сержант Калиняк.

Сегодня, когда напечатано множество мемуаров, передающих события войны без ретуши официоза, трудно, кажется, ожидать чего-либо нового от фронтовой «кочки зрения» простого солдата. Тем не менее, воспоминания Г. А. Калиняка содержат интереснейшие подробности формирования дивизий народного ополчения, их участия в боях по защите Ленинграда, простые и

страшные факты, говорящие об условиях жизни солдат и населения блокадного города.

Ему повезло, как он сам об этом многократно пишет. Вообще, в воспоминаниях Г. А. Калиняка мы не найдем описаний выдающихся подвигов. Его война – это прежде всего немыслимый, превосходящий человеческие силы труд, «просто трудная работа», как писал М. Кульчицкий: тонны перелопаченной в обороне земли, сотни отмеренных натруженными ногами в наступлении километров.

И все же перед нами обыкновенный герой. Раненый менее чем через неделю после начала боев, он, однако, не эвакуировался в тыл, а остался долечиваться в осажденном Ленинграде. Как он сам бесхитростно поясняет, «из чувства привязанности к родному гнезду». Но было и другое, более глубокое и сильное чувство, и это было ощущение дезертирства перед лицом опасности, не позволившее ему уехать их прифронтового города в глубокий безопасный тыл. Вот это, собственно, и называется героизмом и высокоразвитым чувством гражданской ответственности.

Но героизм этого советского человека был очень русским по духу, неброским, как писал Толстой, чуждым всякой позе, всякому фразерству, всякому желанью славы и отличий. Этот героизм питался любовью жертвы за други своя; недаром в записках находится место только одному факту награждения медалью «За оборону Ленинграда» – города, которому с юности было отдано сердце Г. А. Калиняка – и совсем не упоминается о награждениях самой почетной солдатской медалью «За отвагу».

То, что каждый день в блокадном Ленинграде был подвигом, давно стало расхожей фразой. Но даже в череде этих дней бывали такие, которые иначе как концом света не назовешь. На долю отдельно взятого солдата их обычно выпадало не так много, потому как очень немногие переживали даже один из таких дней. Георгию Александровичу довелось участвовать в тяжелейших боях на Невском Пятачке у д. Арбузово в июле-августе 1943 года. О масштабе наших потерь дают представление такие его строки: «От полка в две с лишним тысячи человек осталось триста, это если считать солдат и офицеров тыловых подразделений». И там, как он пишет в первом варианте своих записок, он спас жизнь десяти раненым.

Работа «братом милосердия» наводит мысль сержанта Калиняка о нелегком труде девушек-сандружинниц, которым уделено немало строк, проникнутых тронутым горечью утрат лиризмом. Вообще, тема женщины в его воспоминаниях занимает особое место; из отношения к Женщине виден огромный

потенциал нерастраченной любви и нежности, чуждой, если можно так выразиться, всякой вещественности, утоленности чувства и тем более пошлости. Даже краткие упоминания о фронтовых романах окрашены у Георгия Александровича пронзительным чувством эфемерности счастья, когда «любовь, война и смерть» очень недолго ходили рука об руку.

Значительно чаще в мемуарах встречается тема солдатской дружбы. Они были очень разными – эти люди, которых судьба сводила в одной землянке, в одном окопе, в одной стрелковой цепи. Но у них было и нечто общее – стремление выжить и победить, вернуться к привычной мирной жизни, дорога к которой, как пелось в известной песне, легла через войну.

Первое десятилетие послевоенной жизни, когда порой приходилось тяжелей, чем на фронте, сменила в кои-то веки более сытая и спокойная жизнь. У нашего автора, особенно с выходом на пенсию, появилась возможность оглянуться и поразмышлять над прожитым. Поработать над записками, которых было минимум две редакции. Видно, что он в это время (70-80-е гг.) упорно работал над собственным слогом, в чем преуспел настолько, что местами он поднимается до уровня хорошей художественной прозы.

В целом воспоминания Г. А. Калиняка можно охарактеризовать одной фразой: это подлинный гимн *человечности.* Помимо фактологической ценности свидетельства очевидца, его мемуары обладают огромным воспитательным значением для потомков. Несложную мораль, которая читается на каждой их странице можно передать известной фразой Хемингуэя: «Человек один не может ни черта».

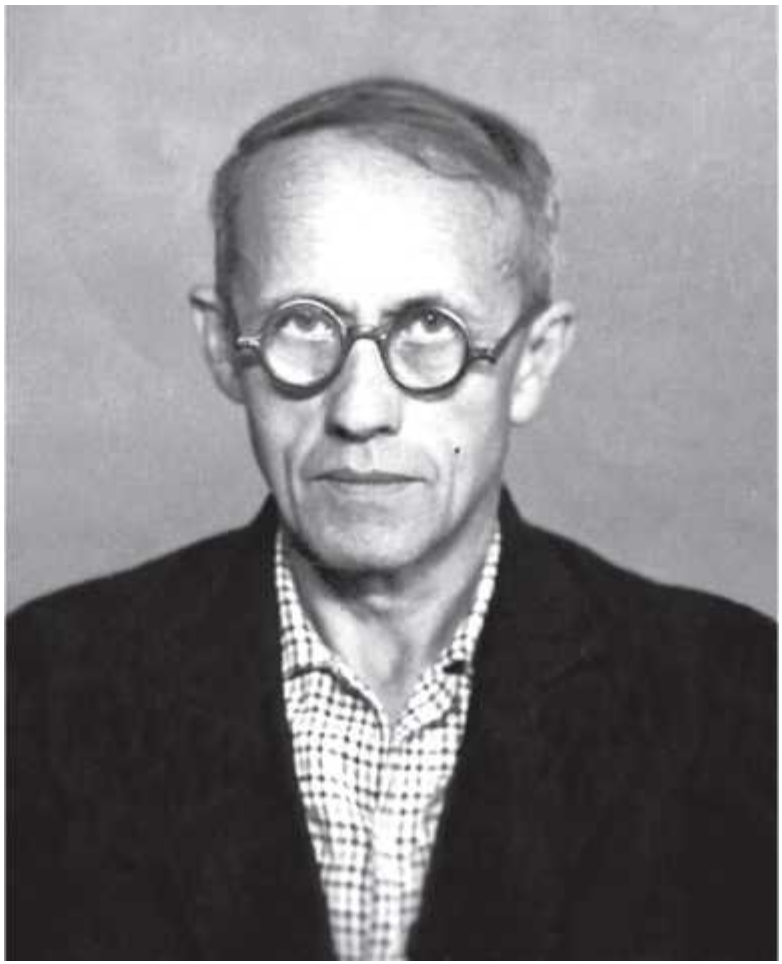
Об этом в современном, полном холодного эгоизма мире, насаждающем культ индивидуализма, корысти и расчета мы, к сожалению, очень склонны забывать. Но присмотримся: в трудных жизненных обстоятельства, которыми была полна жизнь нашего героя, как, впрочем, и большинства наших соотечественников, всегда находился кто-то, подставлявший свое плечо. Школьный друг, напарник, однополчанин. Недаром столько тепла и любви слышится в словах Георгия Александровича, обращенных к тем, кто был с ним рядом в труде и в бою. Щедрая человечность выступала залогом нравственности, которая до определенной степени компенсировало отсутствие религиозного воспитания в СССР. Теперь, когда религия прочно вошла в нашу жизнь, важно помнить, что простое ее исповедание не приведет автоматически к формированию высоконравственной личности и не решит всех проблем человеческого общежития. Дл этого требуется и

ежедневное, ежечасное упражнение в человечности. И в этом мы можем учиться и учиться у своих предков. Воистину, человечество живо одною круговою порукой добра.

Говорить об автобиографической прозе Г. А. Калиняка можно долго. Но мы не хотим отнимать у читателя радости открытия и встречи с автором. Взгляд на поистине эпохальные исторические события глазами человека из народа может очень много прибавить к восприятию потомками истинного значения этих событий, следа, который они оставили в народной жизни, а не только на страницах учебников истории. Авторы, соединяющие в себе исключительную честность, тонкую, живую наблюдательность, пытливый ум, незлое остроумие – немалая редкость в мемуарной литературе. Всеми этими качествами был наделен Георгий Александрович Калиняк.

Сергей Эдуардович Зверев профессор кафедры организации и методики образовательного процесса Военно-морской академии кандидат педагогических наук, доцент

Герой советского времени: история рабочего



Георгий Александрович Калиняк (1910-14.09.1989)

Родился в 1910 г. в г. Гродно. В 1927 г. окончил 7 классов средней школы г. Витебска. С 1928 года жил в Ленинграде. В 1928 г. начал работу в артели «Кожметаллоштамп» прессовщиком, затем с 1929 г. по 1970 г. трудился на заводе «Электросила»; прошел путь от ученика до старшего мастера. Был рабкором заводской многотиражки.

28 июня 1941 г. вступил добровольцем в 3-ю дивизию народного ополчения. С 11 июля 1941 г. и до конца войны на фронте. Начал службу рядовым, закончил – в звании гвардии старшего сержанта командиром отделения взвода химической

защиты 63-й гвардейской стрелковой дивизии. Был четырежды ранен.

Член ВКП(б)/КПСС с 1930 года.

Награды: орден Отечественной войны I степени (награждение 1985 г.), 2 медали «За отвагу», медали «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», юбилейный знак «50 лет в КПСС».

Похоронен на Волковском (лютеранском) кладбище.

1

В конце 1980 года Совет ветеранов нашего 188-го гвардейского полка поздравил меня с семидесятилетием, и я с грустным удивлением почувствовал, что прожита почти вся жизнь. Мне захотелось оглянуться, мысленно пройти по прошлому, пока не подведена последняя черта.

А прошлое далеко и близко. Иногда так далеко, что смутно угадываются первые детские шаги, первые впечатления, а в памяти о месте рождения присутствует только запах свежеиспеченного хлеба, который остался в русской печи, – так поспешно бежала наша семья от немцев в 1915 году. Шла Первая мировая война.

Мы влились в поток беженцев, который донес нас до городка Мосальск Калужской губернии. В 1914 году волна беженцев прокатилась по стране. Возникшая раз, она еще долгие годы прокатывалась по необъятным просторам России. Сначала бежали от немцев, потом от голода, а затем от фронтов Гражданской войны и снова от голода.

В Мосальске я услышал о Февральской революции 1917 года и там же впервые познал голод. Голод погнал нас в далекую Сибирь. Это был тяжелый, скорбный путь. Он состоял из долгих ожиданий на узловых станциях, где среди здоровых корчились в муках холерные больные. Никто из ожидавших не знал, когда пойдет нужный поезд, как не знали и того, сумеют ли они уехать на попутном эшелоне.

После долгих железнодорожных мытарств, мы, наконец, прибыли в город Мариинск. Это был небольшой деревянный городок, расположенный на великой Сибирской железной дороге, достопримечательностью которого была тюрьма – трехэтажный централ, обнесенный высокой кирпичной оградой, и похожий на тюрьму спиртоводочный завод.

Это была действительно сытая земля. В деревнях стояли пятилетней давности необъятные склады пшеницы, а в городе

свободно продавалась белая мука, крупчатка и сеянка, и пшеничный хлеб.

Наша семья поселилась в стареньком домишке, ветхие стены которого промерзали насквозь в суровые сибирские морозы.

Это было время революционного взрыва. Старое цеплялось за порушенное прошлое и не хотело признать свою неизбежную гибель. Тогда модным был романс «Ты сидишь у камина и смотришь с тоской, как печально камин догорает». Я не знаю, кто сочинил этот романс, но бывшие «сливки общества» пели его с надрывом, и это отвечало их новой неустроенной жизни.

2

Летом 1918 года восстали чехи. Их корпус размещался в эшелонах на всех крупных железнодорожных станциях Сибирской магистрали от Казани до Иркутска. Восставших чехов поддержали местные формирования контрреволюционеров. Во время восстания чехов появились красные – наши и белые – гады. Еще говорили о каких-то большевиках. Это тоже были наши. Так в моей памяти отложилась политическая расстановка сил.

Между красными и белыми (чехами) несколько дней шли бои.

Мы жили в ста метрах от берега реки Кии. Эта тихая, светлая, не особенно широкая река, в весенние дни становилась неузнаваемой. Толстые, зеленоватые льдины со скрежетом громоздились друг на друга, срывались и исчезали в глубине, а на месте их возникали новые ледяные холмы и скалы. Река, сдавленная скопищем льда, выступала из берегов и на глазах заливала окрестности. Вода почти вплотную подходила к нашему домику, хотя он стоял на высоком берегу в ста метрах от реки. Вот такой мощью наливалась Кия в весенние дни.

Но летом река была спокойной, неторопливой, зато на ее берегах грохотало половодье страстей. С противоположного берега красные строчили из пулеметов. А чехи из орудий бронепоезда швыряли через нас снаряды по берегу, занятому красными. Силы были не равны, и красным пришлось отступить в тайгу.

Вспоминаю, как жарким днем по нашей улице вели небольшую группу пленных красноармейцев, а разная буржуазная сволочь, стоя на деревянных тротуарах, грозила пленным палками и зонтиками.

Кончилась мирная жизнь. В Сибири воцарился Колчак. Началось кровавое лихолетье. Тысячи людей, особенно горняков

на угольных шахтах, стали жертвами белого террора.

Мои средние братья работали продавцами газет. Старший брат служил телеграфистом на почте. Он состоял в подпольной организации большевиков. В летнее время, придя поздно с работы домой, брат уходил в конец огорода и прятался в кустах. Огород выходил на берег реки, где была спрятана лодка. В случае налета контрразведки брат надеялся на лодке переправиться на другой берег реки и скрыться в лесу. Так тревожно мы жили в дни колчаковщины.

Осенью потихоньку начали напевать немудреную песенку:

Эх, яблочко,
Куда котишься?
К Колчаку попадешь,
Не воротишься.

Обычно в таком духе начинают петь в народе, когда власть начинает угрожающе качаться. Эти частушки выражали истинное отношение населения к правителю Омскому.

Всему приходит конец. В суровую зиму 1919 года началось массовое бегство колчаковской армии. Неделями шла пехота и бесконечные армейские обозы. Колчаковское воинство бросало в городе тифозных больных и истощенных лошадей, а заодно оружие и боеприпасы.

И наконец наступил тот день, когда в городе не осталось ни одного белого солдата. Это было удивительное утро. Город вымер, затаился. Даже мы, ребятишки, не высовывали носа за калитку. Стояла настороженная тишина, которую не могли нарушить бродящие [по улицам] голодные лошади, брошенные беляками.

Несмотря на запрет мамы, я все же немного побродил по соседним улицам. Но мертвая их пустота загнала меня домой.

Ах, мама, мама! Почему ты так рано ушла из жизни. Даже облик твой не сохранила память. Только помню твое желание [привить мне] доброту и человечность, потому что ты учила меня утром и вечером молитвам, из которых в памяти осталась начальная фраза «Отче наш».

И еще вспоминаю твою озабоченность, когда ты смотрела на больного отца, обросшего седой бородой и усами. Тебя мучило, что его подушка примерзла к стене, а ты ни чем не могла ему помочь и облегчить его последние дни.

В полдень тишина взорвалась от бешеного галопа десятка всадников, у которых на шапках пламенели широкие красные ленты. Это мчалась разведка красных к железнодорожному мосту,

чтобы предотвратить его подрыв [белыми].

Тогда еще у красноармейцев не было выраженной формы. Донашивали обмундирование Первой мировой войны. Отличительным признаком новой армии было отсутствие погон, красная лента на шапках или красный бант на груди. Только немного позже, в 1919 году, появилась новая форма: шапка буденовка в виде шлема русских витязей с красной звездой, а на шинели и гимнастерке так называемые «разговоры» – три поперечные красные полосы на груди.

Эту форму придумали еще при царе, только без звезды на шапке. Хотели такой формой подчеркнуть историческую народность армии и ее преемственность от древних княжеских дружин. Было нашито много такой формы, но одеть в нее армию помешала мировая война. Чтобы не пропало добро, Советское правительство узаконило эту форму для Красной Армии. При нашей тогдашней бедности эта форма еще долго служила солдатам.

А потом пошли и поехали бойцы и командиры полка Вострецова, которого я имел возможность встречать позже в Белоруссии. Комдив Вострецов был одним из восьми[1] командиров, награжденных четырьмя орденами Красного Знамени. И первый свой орден он получил в Мариинске.

С приходом Красной Армии народ тепло встречал своих освободителей. Это был радостный день в нашей жизни. В конце этого тревожного и радостного дня пришел домой брат Владимир, исчезнувший из дома за три дня до прихода красных.

Оказалось, они [с группой] подпольщиков, переодевшихся в форму колчаковских солдат, проникли в тюрьму, разоружили охрану, освободили политзаключенных и оставались три дня в тюрьме, ожидая прихода наших войск. Их счастье, что в суматохе отступления про тюрьму беляки забыли. На станции стоял бронепоезд чехов, который из орудий мог разгромить тюрьму.

Отступая, беляки разбросали на путях железнодорожной станции снаряды и всю станцию залили водой. Чтобы пустить поезда, нужно было сначала убрать этот смертоносный студень и разморозить паровозы и вагоны.

Брошенным белыми оружием и боеприпасами мы, мальчишки, были вооружены до зубов. У меня было три винтовки, шашка, несколько сот патрон (часть японские), мешочки с порохом и граната-лимонка. Я даже стянул у ночевавшего у нас офицера револьвер. Не знаю, какой он был системы, но вид его был шикарный. Он сиял от никелировки, и это решило его судьбу в мою пользу.

3

Становление новой жизни шло трудными дорогами. Слишком много было порушено Гражданской войной. Стояли мертвыми угольные шахты. Некоторые из них были забиты [трупами] шахтеров, расстрелянных беляками. Деревня не хотела сеять хлеб. Все равно осенью продразверстка выметет все из амбаров. Даже уцелевшие предприятия не работали. Не было топлива и сырья. Еле-еле шло движение на железных дорогах. Не было новых хозяйственных кадров. Да и откуда они могли взяться. Слишком мало времени прошло после Октября.

Это было время военного коммунизма, который был необходим во время Гражданской войны, но в мирное время тормозил экономическую жизнь страны. В 1919 году была национализирована промышленность. Предприятиями стали руководить директора-выдвиженцы из передовых рабочих. Главными инженерами при них были специалисты еще старой выучки.

Все члены партии, занимавшие руководящие посты, получали независимо от должности так называемый партмаксимум[2]. Было голодновато. Город освещался скудно. Когда работала электростанция, лампочки горели вполнакала.

И все же не было унылой безнадежности. Была уверенность в том, что все наладится и придет в норму. Главное, нет царя и исчезли беляки.

Один из братьев уезжал работать в деревню за сто двадцать километров от Мариинска. С ним поехал и я.

Это была таежная глубинка, где деревни стояли в 30–40 километрах друг от друга. Зырянка, в которую забросила нас судьба, была большим селом с площадью, в центре которой стояла церковь. Это был волостной центр, расположенный на реке Чулке[3], притоке Оби.

Тут тоже не было большого изобилия, но было все же сытнее, чем в городе.

Но в Зырянке было тревожней. По тайге бродили банды из разбитых беляков. Они совершали налеты на населенные пункты, где зверски расправлялись с советскими работниками и их семьями. Однажды в Зырянку привезли восемь погибших товарищей, у которых были выколоты глаза, вырезаны звезды на теле. Восемь гробов с погибшими стояли на снегу, и, прощаясь с ними, мы видели это изуверство.

Недобрая молва ходила о банде Лубкова, бродившей в окрестностях. Для ликвидации банд из Томска приходили военные части. Как сейчас вижу матроса в бескозырке. Из-под

распахнутого бушлата синеют полоски тельняшки. На боку весит блестящая бомба-бутылка. Какой он был молодой и красивый! Ветры какого моря занесли его в нашу таежную глушь? Но в большинстве приходящих частей были обычные солдаты-пехотинцы.

Летом нам, ребятам, было раздолье. В лесу можно было поозоровать с любопытным барундуком. На реке – рыбалка. Настоящие мужики-рыбаки ловили даже стерлядь. Делали набеги на поля, засеянные горохом, который тщательно маскировали от нас, ребятишек.

А как здорово было на лугах! Выезжали туда на несколько дней. Ночевали в шалашах. В это время поспевала земляника и брусника. Вечером сумерничали у костра и слушали ночную жизнь окрестной тайги. Когда кричали филины, по телу бегали мурашки. Гудели комары. От костра тянуло дымком. Слабый отблеск ушедшего дня делал таинственной наступающую темь.

Ближе к осени пропадали в зарослях дикой черной смородины. Перед самыми заморозками лакомились черемухой. Она тогда теряет оскомину и становится сочной и сладкой. Поздней осенью, когда березы отзвенели золотой листвой, а вода в реке становилась затаенной и молчаливой, к нам приходили пароходы за пшеницей. В Зырянке были большие амбары, куда свозили со всей округи зерно, сдаваемое по продразверстке.

Пароходы, как в сказке, выплывали гордыми лебедями из-за поворота реки и, уходя, скрывались за ним. Это было плавающее чудо, которое манило за собой и обещало в неведомых далях большие чудеса.

Зимой было хуже. Коньков и лыж у нас не было. Делали самодельные санки, а вместо железа полозья обмазывали коровяком[4] и поливали водой. На морозе все это становилось крепким и гладким. И на таких санках можно было кататься с крутых речных берегов.

Вечером к нашей хозяйке приходили соседки со своей куделью и прялками и при свете лучин занимались прядением. У многих были самодельные ткацкие станочки, на которых из этой пряжи ткали холсты. Весной холсты расстилали на траве, и солнце хорошо отбеливало их.

Спать ложились рано. Кто на деревянных кроватях или нарах, а любители погреться – на лежанках.

Хозяйка, у которой мы жили, сорокалетняя женщина, была вдова. Муж погиб на германском фронте. У нее было восемнадцать детей, но в живых осталось только трое: две дочери и семнадцатилетний сын – глава семьи.

Вообще в Сибири рожали много детей, но выживало мало.

Медицина отсутствовала. Зимой в деревню забегали волки. В тайге было много этих беспощадных разбойников.

Летом в лес ходили в валенках из опасения быть укушенным змеей, которых было много в тайге. Ближайшая деревня так и называлась – Змеинка, там было особенно много этих пресмыкающихся.

Деревенскую жизнь зимой разнообразили свадьбы и Масленица.

В Масленицу целую неделю катались на разукрашенных лошадях, запряженных в розвальни[5]. Всю неделю в деревне стоял [шум] и гам. Звенели песни. В конце недели зажигали большие костры, в которых жгли чучела надоевшей зимы, и прыгали через костры.

На свадьбу к хозяйке двора собиралась вся близкая и далекая родня. Любители зрелищ заранее занимали все подходы к свадебному двору, ожидая молодых из церкви.

В Зырянке была первая моя школа. Одна учительница обучала школьной премудрости ребят разного возраста.

4

Зимой 1921 года я оказался в Томске у братьев и сестры, которые к этому времени перебрались туда из Мариинска.

Большой губернский город Томск стоял на холмистом берегу полноводной Томи в ста двадцати километрах от Сибирской магистрали. От станции Тайга к нему была проложена железнодорожная ветка. Тут я впервые увидел многоэтажные дома и татарский район с мечетями.

Мы жили в домике, стоящем на холме, у подножья которого протекала речушка Ушайка. В летнее время это был просто широкий мелководный ручей. Но весной Ушайка разливалась так бурно, что к нам домой можно было попасть только кружным путем.

Недалеко от нас кто-то держал ишака, и живущие вокруг могли каждый вечер наслаждаться его концертами. А может быть это [была] ишачья вечерняя молитва, в которой он благодарил судьбу за прожитый день, за то, что хозяин был добр, и его палка редко гуляла по ишачьим бокам.

В то время Томск, как большинство русских городов, на три четверти был деревянным, с множеством частных домов, владельцы которых отгораживались от улиц и соседей заборами.

Это обстоятельство послужило хорошую службу тем, у кого не было дров. С наступлением темноты на улицах стоял треск.

Это выламывались заборные доски. Подвоз дров был плохой и многие, в том числе и мои братья, занимались заготовкой заборной древесины, к огорчению хозяев оград, и к удовольствию заготовителей даров пана[6]. Мои старшие братья также занимались этим промыслом.

Летом начинала гореть тайга, и город на недели оказывался в дымном плену. Скверы заполнялись белками, спасавшимися от огня.

По-прежнему было плохо с продовольствием. Иногда на паек выдавали одну рыбу. Случалось, день-другой, кроме кипятка с сахарином, в желудке ничего не было. В те годы в Томске вместо сахара широко применяли сахарин. Достаточно было в кружку бросить крупинку сахарина, как напиток становился сладким. Этим снадобьем торговали китайцы, привозя его контрабандой. Говорили, что сахарин вреден для здоровья, но его активно применяли за чайным столом. Когда выдавали муку, наступал настоящий праздник. Я превращался в кулинара-кондитера и пек лепешки прямо на железной времянке-буржуйке.

Жизнь с полупустым желудком не мешала братьям мечтать и спорить о будущем нашей Родины. С тех пор память сохранила: военный коммунизм, продразверстка, НЭП, продналог, Черемховский угольный бассейн. Тогда это были полутаинственные понятия, и только значительно позже я понял их настоящее значение и глубину.

В Томске я приобщился к чтению. Читали все, что попадется под руку. Во всяком случае «Жизнь» и «Милый друг» Мопассана я прочитал на пять лет раньше, чем «Робинзона Крузо».

По вечерам читать было трудно, лампочки горели вполнакала. Но я ухитрялся заниматься чтением. На стол ставил табуретку и, забравшись на такую пирамиду, оказывался у самой лампочки.

Моим воспитанием никто особенно не занимался. Мы, дети тех огневых лет, сами воспитывали себя.

В это время неведомым для меня путем стало известно о том, что самый старший брат Михаил вернулся на Родину из немецкого плена. В 1914 он был мобилизован в армию и в первых же боях попал в плен. Вернувшись, он обосновался в Белоруссии в городе Витебске. Узнав из наших писем, что в Томске голодновато, он настойчиво предлагал приехать к нему нескольким из нас. На семейном совете было решено, что в Витебск поедут трое, в том числе и я.

Я с нетерпением ожидал отъезда. Нетерпение подогревалось разговорами о том, что там растут яблоки и их едят, как картошку. Я не представлял этих яблок, но они мне снились то в

виде кедровых шишек, продающихся на рынке, то в виде черемухи с картошку величиной.

Осенью 1922 года, после долгой, нудной дороги мы наконец прибыли в этот сказочный край. И действительно на деревьях висели краснобокие яблоки. Была пора созревания плодов.

Витебск – старинный белорусский город. Кроме белорусов в нем проживает много русских, евреев и поляков. Город надвое разделяет река Западная Двина и соединяет один мост, если не считать железнодорожного. Тогда по Двине ходили неуклюжие пароходы с высокой, фабричного вида трубой на корме. Всю весну по реке шли плоты в Латвию и на витебские деревообрабатывающие заводы.

В городе была довольно развитая промышленность, но предприятия были небольшие, с малым количеством работников. И только на чулочной фабрике и машиностроительном заводе их было много.

Я часто ходил мимо машиностроительного завода. Его одноэтажные корпуса выходили на улицу, и через окна просматривались темноватые цеха, горящие горны, стоящие около них наковальни и кузнецы. Кузнецы грохотали молотами по малинового цвета полосе железа, и оно задорно отфыркивалось фонтанами золотистых искр.

Я уже тогда решил, что мой путь будет лежать только на завод. И я не изменил своему детскому решению.

В Витебске было несколько кожевенных заводов, а также несколько деревообрабатывающих и кирпичных. Очковая и игольная фабрика, спиртоводочный завод. Было много кустарей: выпекающих хлеб, сапожников, портных, канатчиков – вообще людей нужных профессий.

На окраине города стояло несколько неработающих кирпичных заводов. От былой заводской жизни остались только высокие захолоделые трубы, внутри которых были заделаны скобы, и мы, мальчишки, по этим скобам забирались на самый верх. С высоты было страшно смотреть на маленькие человеческие фигурки внизу и было страшновато видеть под собой пустоту.

Самой высокой точкой в городе была Успенская горка, названная так по имени стоящего на ней Успенского собора. Старожилы вспоминали, что в соборе останавливался со своими лошадьми страшно культурный император французов Наполеон Бонапарт, когда он в 1812 году шел на Москву.

К моменту нашего приезда Успенский собор был в заброшенном состоянии. От былого величия остался только высоко взметнувшийся позолоченный крест да туча галок,

населявших звонницу собора.

Витебск в большей своей части был застроен деревянными домами, имеющими приусадебные участки земли. Брат жил в таком доме, принадлежавшем родителям жены брата. На приусадебном участке росли великолепные груши дюшес, бессемянка, яблоки апорт, белый налив, хинин и огородная зелень.

Эта тихая улочка, на которой стоял дом, заросшая травой, как [и] ряд соседних улочек, одним концом выходила на берег речушки Витьбы. На том участке, где стояли две водяные мельницы, река была полноводной и глубокой; можно было купаться и плавать. Ниже плотин бежал слабенький ручеек, в котором даже в самом глубоком месте вода не доходила до моих мальчишечьих колен. Высокие берега Витьбы были [особенно] живописны в последний четверг перед Пасхой. Тогда верующие возвращались из церкви с запасенными свечками, и в густом мраке весенней ночи на разных уровнях двигались, плыли трепетные огоньки, делая ночь очаровательной.

Днем берега Витьбы, усеянные всяким хламом и заросшие бурьяном, были абсолютно непривлекательны.

В семье, где жил брат, главой правительства, диктатором была теща Мария Афанасьевна. Эта пятидесятилетняя женщина небольшого росточка, крепко сбитая, с устоявшимися взглядами на жизнь, людей и обстоятельства, правила в доме железной рукой. Только ее муж, добрейший человек с белой шикарной бородой, выходил из повиновения на короткое время, когда приходил ночью под хмельком. Он работал официантом в ресторане. Но это были мимолетные бунтарские вспышки. Под руководством Марии Афанасьевны я проходил хорошую школу трудовых навыков.

В мои обязанности входило обеспечить семью водой. Колонка была в 150 метрах, и нужно было с двумя ведрами не раз туда прогуляться.

Вместе с Иосифом Прокопьевичем мы заготавливали дрова. Прокопьевич был муж Марии Афанасьевны. Мытье полов. Зимой уборка снега. Работа в саду. А когда родилась у брата дочь, приходилось нянчить племянницу. И вообще, работы по дому хватало. Самой неприятной работой было раз в году чистить выгребную яму.

В воскресенье часов в восемь утра я отправлялся за хлебом к Давиду Марголину. При подходе к его дому-пекарне меня встречал вкусный запах свежевыпеченного хлеба. Ради праздника я покупал пеклеванный[7]хлеб. Приходилось экономить. Хлеб был с румяной корочкой и тмином. Очень аппетитный и вкусный.

А какие Даня выпекал кухены – лепешки из белой муки, покрытые растопленным сахаром. Это была розовая мечта каждого витебского мальчишки – раздобыть нужную денежку и полакомиться кухеном.

Вечером в воскресенье меня посылали на центральную Замковую улицу. Там, сияя витринами, находился колбасный магазин Ленке, так называли розовощекую, статную, в хрустящих белых одеждах мадам – хозяйку этого магазина. От разных колбас и ветчин накапливались обрезки, и она их продавала значительно дешевле основной продукции.

Теща и ее семья уважали старые традиции и религиозные праздники. Нет, они не особенно верили в Бога и боженят, но праздники отмечали обязательно.

Эти торжества являлись первопричиной того, что на Пасху, Рождество и Масленицу жарилось и выпекалось много вкусного, и часть годовой экономии уходила на эти торжества. Было у Марии Афанасьевны умение принять гостей, организовать стол, и к этому столу приготовить все своими руками без рецептов Молоховец[8].

И это делал человек почти безграмотный. Не могу понять, где и как она научилась кулинарному мастерству. Видимо в таких делах нужно, кроме умения, иметь талант, вдохновение и божью искру в руках.

Все живущие в этих домах, на этих улочках пожилые люди трудились, иногда немного воевали друг с другом и соседями, но кровопролитных баталий не происходило. Было у них больше мира, чем войны.

Эта улица и этот дом стали на пять лет моим пристанищем.

5

На следующий год я пошел в школу в четвертый класс. Это была вновь организованная неполная школа-семилетка, в которой не было первых двух классов, а старшим был пятый класс. С признательностью и нежностью вспоминаю простое деревянное сооружение, населявших его учителей и ораву шумливых школьников. Тогда школы были платные.

Мы тогда еще были очень бедны и далеки от нынешних новых светлых школ с десятками классов, спортивным залом, столовой и другими нужными помещениями.

Мы только иногда мечтали о дворцах просвещения, но зримо не представляли их. Но и в нашей скромной школьной обители, где частично еще занимались по старым учебникам Киселева,

Малинина и Буренина, мы учились не хуже нынешних школяров. И дружба между нами была крепкой, хотя порой мы критиковали в стенной газете своего ближнего. Я уже не говорю о снежках зимой. Тут война шла каждую большую перемену.

В основном, все школяры были учениками-тружениками. Заметной фигурой у нас был только Изя Лабковский, которого ничто не интересовало, кроме математики и физики. Он поклонялся формулам и символам, выражавшим их. У него был философский ум.

Не дай Бог было встретиться с Изей, прогуливаясь по Замковой, Смоленской или Вокзальной улицам. Это были прогулочные магистрали для всего города. Так вот, при встрече с Изей своими математическими выкладками, своей философией, он превращал собеседника в подопытного кролика, в пигмея, потерявшего представление, где этот пигмей находится, в каком мире он существует. Изя, как паук, опутывал свои жертвы паутиной математических рассуждений и [собственных] домыслов. Когда мы заканчивали семилетку, то простую задачу с одним неизвестным Лабковский решал по правилам высшей математики и забрался в такие дебри, что задача так им и не была решена. Вот так он обогнал нас всех, изучая математику. Так со славой и [одновременно] бесславно прошел для Изи этот экзамен.

Лабковский был гордостью не только нашего класса. К сожалению, дальнейшая судьба его мне не известна. Думаю, он погиб в 1941 году, когда немцы захватили Витебск. В 1944 году город был освобожден Советской армией от фашистов. Из двухсоттысячного населения к моменту прихода нашей армии оставалось только 198 человек. Остальные лежали во рвах-могилах за Ветеринарным институтом.

Выдающимся маменькиным сынком у нас был Саша Мармыж. Его мать была портниха и имела хороший доход от своего мастерства. Отца у него не было. Жили они в собственном домике. У Саши была отдельная комната. Одеждой он был обеспечен на все времена года. Да и всем остальным был не обижен. Саша был единственной отрадой у матери.

Но главное богатство Мармыжа были книги приключенческого характера, над которыми он дрожал, как скупой рыцарь. Жюль Верн, Майн Рид, Буссенар, Конан Дойл, Уэллс; журналы «Всемирный следопыт», «Вокруг света», и даже выпуски Пинкертона и Ника Картера. Где он брал этих сыщиков – было секретом фирмы. Выпросить что-либо почитать стоило больших трудов.

Но нам с Левантом[9] все же удавалось почитывать книги

Мармыжа. Мы по его просьбе помогали ему готовить школьные уроки. Но книги доставались нам нелегким трудом. Объяснять Саше приходилось не раз. И если через час мы просили его повторить пройденное, то он начинал излагать несусветную отсебятину, при этом краснел и обиженно смотрел на своих мучителей. Но это не было признаком его тупости.

Просто он так привык к тому, что за него все делает и решает материнская голова, так был набалован мамой, что всего опасался, боялся утруждать свой мыслительный аппарат. Ему казалось, что любое [его] слово, любая мысль, выраженная вслух, уже звучит неправильно и далека от истины.

И нам приходилось снова и снова пережевывать учебную жвачку. Вот за эти натаскивания ему приходилось давать нам книги. Какой при этом у Саши был несчастный вид – точно с каждой книгой он расставался навеки.

Чем Саша мог гордиться, так это каллиграфическим почерком. И мы этим пользовались. Мы заставляли его переписывать заметки в стенную газету, которую оформлял Левант.

По своей инициативе Саша переписал в общую тетрадь мои несовершенные стихи. В начале шестидесятых годов я сжег эти осколки юности. Пепел пошел на удобрение сада. Это было прощание с далеким детством и юностью, с далеким прошлым, которое даже костер не мог выжечь из памяти.

Не знаю, как сложилась дальнейшая судьба Александра. В сущности, по способностям мы были все обычными школярами, кроме Лабковского и Гордона. Никто из нас не стал выдающимся, но я уверен, что все мои одноклассники честно прожили жизнь.

Тогда наша молодая Республика бредила разными идеями, экспериментами, открытиями. И это понятно и естественно. Сотни лет быть под царским сапогом – и вдруг получить свободу мысли, общения, творчества.

Не обошлось, конечно, без перегибов. Было много излишне горячих голов, кипевших космическими планами. Почти все, что происходило и существовало до Революции, отвергалось. Даже на Пушкина поглядывали косо. Его защищали злейшие враги поэта: царь Николай I, жандармы и Дантес[10].

Это было не только в городе, но и в деревне. В 1926 году я видел следы крестьянской расправы с прошлым. Летом я был у сестры в деревне Грудиновке в тридцати километрах от Могилева и там увидел барский дом, разгромленный окрестными селянами. Прекрасный двухэтажный белый особняк стоял в парке, и кругом благоухали красные и белые розы, а он смотрел пустыми проемами окон на серебряную чашу озера. Не было и дверей. И

внутри все, что можно было выломать, было выломано вплоть до полов. Вот такое было проявление ненависти к барину-помещику. Думаю, впоследствии в этом доме был открыт клуб.

Так и в народном образовании старались отвергнуть проверенные временами традиции. В школе ввели так называемый план Дальтона[11]. Кто этот был Дальтон, я не знаю. Может быть, он был отпрыском трех мушкетеров. Сущность плана заключалась в том, что класс делился на добровольно созданные группы учеников, которые самостоятельно изучали предмет в классе. Преподаватель присутствовал на уроках в качестве консультанта. Видимо мы, несмышленыши, должны были перещеголять студентов. Им все же читают лекции. Это новшество продержалось один учебный год, а после стало достоянием пыльных архивов.

Несколько слов о сестре, у которой я гостил. Сестра и ее муж всю сознательную жизнь прожили в деревне. Они внешне и внутренне мало чем отличались от местных сельских жителей. Им уже было за сорок. Все свое душевное и умственное богатство они отдавали обучению маленьких деревенских граждан. Это были русские интеллигенты, сроднившиеся с деревенской школой и не мыслившие жить без нее. В период ежовщины[12] какая-то подлая рука настрочила донос на мужа сестры, и он был арестован. Больше его никто не видел, и не было о нем никаких известий.

В январские дни 1924 года страна осиротела – умер Владимир Ильич Ленин. В эти скорбные дни над городами и селами, над всей нашей страной нависла тишина. Все верили и все отвергали случившееся. Люди разные по возрасту и положению размышляли – как жить дальше.

В сумрачный, по-зимнему студеный день, в минуты последнего прощания с Ильичом, мы стояли за партами, под печальное пение заводских и паровозных гудков. И не знали мы, что впереди нас ожидают десятилетия горьких испытаний, неисчислимых жертв и смертей.

6

Дружная семья наших педагогов (тогда их называли шкрабами – школьными работниками) была разной по возрасту и характеру. Самому старшему, если судить по белому пуху на голове и складкам кожи на шее, было за восемьдесят лет. Это Андрей Петрович Смолич, преподаватель русской литературы. Возраст его чувствовался во всем. У него были блеклые,

выцветшие глаза. Когда он излагал свой урок, то мне казалось, что это он делает машинально, как хорошо заученное за долгие годы своей педагогической деятельности.

Мы понимали, что к нему нужно относиться бережно, а поэтому пытались не выходить за рамки пристойности.

Не то было на уроках немецкого языка. Уже не молодая, но еще молодящаяся Анна Генриховна, несмотря на попытки держать нас в строгости, добивалась лишь того, что во время ее уроков в классе стоял ровный шумок, перекатывающийся из одного угла к другому. Относились мы к немецкому языку прохладно. Настоящее изучение немецкого началось значительно позже, когда мы практически узнавали название немецких самолетов, танков, пушек и автоматов. Когда немец стал фриц или ганс и еще гад проклятый.

К тому же до конца учебы нам не пришлось изучать немецкий язык. За год до окончания семилетки отдел народного образования решил, что мы великие лингвисты. И если твердо усвоили слово *элефант,* то и весь немецкий язык для нас – открытая книга.

Мы стали изучать французский. Учительница была старенькая, и ее часто одолевали болезни, а в ее отсутствие мы занимались чем угодно, но только не французским языком. Отсюда и соответствующие результаты. Какой-то остряк самоучка подытожил наше знание французского языка следующим образом:

Кэскэсэ?
Комар муху укусэ.
Муха лапкой потрясэ,
Вот и вышло Кэскэсэ?

Грозой нашей школьной республики был директор школы Калинин. Среднего роста, в неизменной серой или черной толстовке (такова была мода), в галифе и сапогах. С четкими движениями и формулировками математических истин, он был похож на офицера и действительно служил офицером в царской армии.

Калинин никогда не кричал. Не повышал голоса, но стоило ему посмотреть на разбушевавшихся школяров, как мы затихали, как мыши. Высокий, голубоглазый, с пышной шевелюрой, с римским профилем, физик за все в совокупности был любим всеми девочками нашего класса и пользовался уважением всей остальной мальчишеской половины. Он мастерски вел все свои уроки, и вообще мы питали к нему добрые чувства, к этому

великолепному представителю человеческого рода.

К несчастью, в годы сталинских репрессий подлая рука наклеветала на него, и он погиб без вести.

Нудноватым был географ с пиками усов, Петр Иванович, которого мы немного недолюбливали.

Добрая душа Лариса Васильевна Веселова преподавала естествознание. Мы себя чувствовали с ней, как под материнским крылом.

Когда я был в шестом классе, она мне поручила сделать доклад о дне леса. По молодости докладов я еще никогда не делал, и только одно слово «доклад» приводило меня в священный трепет. Целую неделю я ходил в поту и муках. Возможно, из-за этого весна была холодной и дождливой.

За три дня до моего выступления я забрел в городской сад. На открытой эстраде лектор докладывал о дне леса. Как говорили в старину, это был подарок богов. Наверно, никто из сидящих не слушал лекцию так внимательно, как я. После доклада я вдруг увидел, что расцветает весна, и услышал, как лукаво перешептываются молодые листочки на деревьях и кустах. Мне даже показалось, что воробьи стали чирикать соловьиными голосами.

Пришел день моего выступления… К моему удивлению, Лариса Васильевна отнеслась к докладу прохладно, и я заработал только «удочку»[13]. Но я не был в обиде на нее. Откуда ей было знать, что она ставит тройку не мне, а большому дяде из городского сада.

Степан Никифорович Бядум преподавал белорусскую литературу. Это он открыл нам народных поэтов Янку Купалу и Якуба Колоса.

Своеобразным очарованием был наделен учитель пения Иван Сергеевич Самойлович. Грузный, с большим животом, с розовым лунообразным лицом, с подушечками щек, из которых еле-еле проклевывался нос пуговкой. Его добродушия хватило бы на пять математиков. Смеялся он со вкусом, и в этот момент его маленькие глазки совершенно скрывались в глазницах.

Он пиликал на своей скрипочке, задавая тон нашему хору. Если его еще было одеть в необъятные запорожские шаровары, да вместо черной толстовки на нем была бы вышитая красными узорами белая рубаха, и болталась бы на боку сабля, а на медной цепочке люлька, – так это был бы настоящий Тарас Бульба. Так я представлял казацкого полковника.

Правда, наш Самойлович не красовался великолепным чубом. Его голова была гладкой, как бильярдный шар. Ну что же, чего нет – того нет.

Наш хормейстер по совместительству был режиссером школьных спектаклей. В одном из них я играл Самозванца из пушкинского «Бориса Годунова». Во время представления, когда прошла примерно половина сценического действия, я вспомнил, что у Гришки одно плечо [было] ниже другого, и стал выправлять это упущение. Наверно, сидящие в зале зрители удивлялись, почему Самозванец стал клониться на одну сторону, точно у него на руке вдруг повисло ведро с водой.

Такими выкрутасами можно заниматься только в юности. Уверен, что если бы мне тогда предложили сыграть Александра Македонского, или на худой конец Нерона, я с величайшим нахальством стал бы перевоплощаться в эти персонажи. Но даже вооруженный таким нахальством, я бы не рискнул воскликнуть как Нерон: «Какой артист погибает!», – когда его кололи и кромсали мечами. Навряд ли это отвечает исторической действительности. Нерон был кровожадный трус, а трусы героями не бывают.

Счастье для меня, а больше выиграло наше искусство, что это была первая и последняя роль, сыгранная мной на сцене.

Любимым моим учителем был Николай Иванович Орлов – преподаватель обществоведения. Я с нетерпением ожидал его уроков. Он не просто пересказывал учебник, а жил в тех формациях общества, о которых сообщал нам.

Была у меня первая любовь – сероглазая, с длинной русой косой девочка-одноклассница. Я никому не говорил об этой сердечной привязанности. Но потом узнал, что эта тайна была известна не только нашему классу. Я и сегодня не могу понять, почему это получило такую известность. Ведь я ее не выделял, не отдавал ей предпочтение, хотя и смотрел на нее как на высшее существо, которому можно поклоняться только издали. Или любовь так ослепительно сияет, что ее не скрыть за любыми завесами?

Задушевным моим другом был Яша Гордон. Это был красивый юноша, умный товарищ и безусловно талантливый человек. Он писал стихи, и был напечатан в «Комсомолке»[14]. В дальнейшем Яша мог вырасти в большого поэта. Но в период репрессий ему что-то приписали, и он исчез бесследно.

Часто вечерами мы с Гордоном приходили на виадук. Под нами на железнодорожных путях мерцали огоньки на стрелках. Зычно перекликались паровозы. Запах горевшего каменного угля будоражил воображение. Мы молча впитывали в себя жажду странствий. Знали, что скоро разбредемся по чужим краям. Нам нужно было завоевывать и создавать собственную жизнь. Мы уже выходили из детства. Приближалась пора расставаний.

Хотя исчезли миллионы и миллиарды[15], которые царили в первые годы Революции, и на которые мало что можно было купить; хотя продналог, сменивший продразверстку, улучшил продовольственное снабжение страны, и на рынке можно было купить по бешеным ценам любую деревенскую снедь; хотя многое из разрушенного было восстановлено и работало на социализм, но годы империалистической и Гражданской войны давали еще себя знать. Еще многое лежало в руинах. Сотни тысяч безработных изнывали на биржах труда, ожидая хотя бы временной работы. В Витебске на получение работы рассчитывать было бесполезно. Предприятия были небольшие, с малым количеством работников.

7

Мы, школяры, многое уже понимали, потому что многое успели повидать на своем коротком веку. Знали соленый и сладкий вкус хлеба, которым нас не баловала жизнь. Не избалованы мы были и игрушками. Их тогда никто не делал. Страна добивала беляков и вышибала интервентов. В Мариинске на свалке мы собирали бабки от свиных ножек. Игры в бабки, прятки и в чижика были нашими развлечениями. Нам в четыре года не покупали велосипеды и коньки, а в девять лет – часы и костюмы, а в четырнадцать – магнитофоны и мотоциклы. Мы не знали изобилия вещей, которыми теперь заваливают детвору. Теперь этот маленький человек пресытился игрушками, и каждая новая его занимает день-два.

Хорошо, если в праздники нам давали покрасоваться в штанах из чертовой кожи. Был такой текстиль, рассчитанный на непоседливых мальчишек. Это была железная материя. В основном мы донашивали перелицованное старье старших родичей. А теперь штаны, которые недавно носили на заводе как спецовку и [которые] стоили 15–20 рублей, возвели в ранг наимоднейших[16]. Заботливые мамы покупают эти штаны у спекулянтов за 200 рублей для своих сверхмодных чад.

В свое время английский писатель Бернард Шоу сказал: мода выдумана для дураков. Лучше придумать и сказать нельзя. Мне становится смешно и тошнехонько, когда я читаю причитания педагогов, социологов и психологов о бедных подростках, которым негде убить время. А если есть детские кафе, то их очень мало. И это говорится в наше время, когда настроено домов культуры, клубов, а в каждой школе спортивные залы, помещения, где можно проводить занятия кружков, была бы

охота.

Мы же в детстве были рады, если раз в месяц получали 20 копеек, и в связи с этим решали задачу как их использовать. Или пойти в кино на Игоря Ильинского[17] или Дугласа Фэрбэнкса[18], или купить кухен у Дани Марголина. И всегда культурные развлечения брали верх над желудком. Мы уже в детстве ценили копейку. Знали, как ее трудно заработать. Мы сами мечтали о заработанной денежке, чтобы иметь собственный символ своего труда.

Противно слушать причитания над бедными недорослями, слушать сюсюканье родителей над своими чадами. Все это порождает сытую беспризорность и иждивенческие замашки у подростков.

Если после Гражданской войны семь миллионов беспризорных ребят – грязных, вшивых, голодных, не имеющих пристанища, бродило по стране, то теперь это сытое стадо в двухсотрублевых джинсах, в рубашках, размалеванных иностранной блевотиной.

В первые годы Революции мы были бедны материально, но были несравнимо богаче духом нынешней молодежи. Эти нынешние деточки очень часто с седьмого класса, а то и раньше бросают школу, живут, не работая, на доходы родителей. Ударяются в фарцовку[19], в разные спекуляции. Катаются на машинах, купленных папами. Делаются завсегдатаями ресторанов и прочих злачных мест и от духовной пустоты становятся пьяницами и наркоманами. А когда для разгульной жизни не хватает денег, они идут на любые преступления.

Однажды в очереди слышал разговор: послали восьмиклассников на уборку в совхоз. Так двум девочкам мамы на легковых машинах привозили обед каждый день. Одна мама приезжала на служебной машине. Видимо, папа в больших чинах, а поэтому ему все можно. Таких бы пап я бы немедленно снимал с любой работы и посылал на завод в качестве простого рабочего.

В ленинградской газете «Смена» прочитал следующее: на станции Москва-Сортировочная в 1982 году было задержано 20 подростков, грабивших вагоны. Вместо того чтобы их сразу отправить в колонию, изолировать от остальных ребят, с ними вели душещипательные беседы, а потом с миром отправляли домой. Такой либерализм и слюнтяйство дали богатые всходы. Уже в 1984 году там было задержано 320 юных грабителей.

Сколько впоследствии этих сытых беспризорных сядет за решетку. Сколько до конца жизни станут тунеядцами, привыкнув жить за чужой счет. Их уговаривают, ставят на учет в милиции, а они плюют на все. Они видят: все им сходит с рук, и продолжают

свои грязные дела.

Давно пора как при Дзержинском без всяких судов забирать шатающихся недорослей и отправлять в колонии. И чем раньше мы это сделаем, тем лучше. Уже эти бездельники объединяются в банды фанатов, панков, металлистов, рокеров и уверенно идут в объятия мафии, которая руководит ими и получает с них доходы.

Если не сделать энергичных, решительных шагов в отношении этих несовершеннолетних преступников, то нас захлестнет мафия. Этого, собственно, добиваются заграничные доброхоты. Я уверен, что в этих темных делах участвуют грязные руки американской, немецкой и японской разведок, [которые работают] в качестве консультантов. Они стараются взорвать наше государство изнутри и делают ставку на молодежь, как самую нестойкую и податливую часть населения. Глядя на теперешних молодых, мне хочется сказать: нет, в наше время в двадцатые и тридцатые годы мы были чище.

Разве в то время можно было услышать такое: в одной ленинградской школе завелся ученик-ростовщик, дававший деньги в долг под большие проценты. И если должник не отдавал деньги в срок, то его избивала банда учеников, которая находилась в услужении у ростовщика. Или в одной из школ обнаружили заражение венерическими болезнями всех школьниц начиная с четвертого класса по восьмой. А о том, что пьют вино и курят – это общеизвестная истина.

Ученица одной из московских школ просила отца не подвозить ее к школе на машине. Причина: над ней смеются одноклассники, потому что у отца «Запорожец»[20], а у их родителей «Волги», «Жигули», «Мерседесы». Эти папы – грабители и взяточники, собственники «Волг» и «Мерседесов», мало того, что сами преступники, но уже своих детей воспитывают в духе пренебрежения и высокомерия к сверстникам.

Что можно ожидать от этого человеческого подлеска. Вырастут такие же хапуги без стыда и совести, станут достойной сменой своих мародеров-родителей, ушедших в мир иной по закону природы.

Разве в наше время доходило до того, что делают сейчас школьницы в Москве? У дома, где живет хулиганствующая певица Пугачева, годами сидят поклонницы. От безделья курят и пьют вино. Так проходят впустую их школьные годы. Вот этими дурехами в будущем пополнятся ряды проституток. Так рождается у нас каста бездельников, отбросов общества, которые станут фашистами на нашей земле. Эти доморощенные фашисты в определенный критический момент будут стрелять нам в спину за побрякушки и тряпки.

Отцы и матери этих молодых паразитов жрут и пьют самое лучшее, одеваются в наимоднейшее. Это для них чуть ли не каждую неделю в журналах печатают, а по телевидению показывают новые моды. Это только такие грабители и толстосумы могут позволить себе так часто менять шикарные одежды.

Она, эта каста, уже не хочет ездить на отечественных машинах. Им подавай «Мерседесы» и «Вольво». Жены и любовницы этой касты отсвечивают золотом и камушками. Эта банда занимает лучшие места в театрах, на курортах, в ресторанах, в гостиницах. Они смотрят на нас, нормальных людей, как на стадо, как на рабов, которые обязаны обеспечить их сладкую жизнь.

Ненавижу всю эту накипь рода человеческого, всю эту банду, присосавшуюся к народу. Ненавижу всех этих гадов, которых в эпоху военного коммунизма уничтожали, потому что и тогда и теперь они не достойны иной участи.

Кроме дома и школы, на дорогу жизни нас выводила пионерская организация. Тогда это еще было новое дело. Пионерские отряды создавались при заводах и фабриках. Еще не было опытных кадров руководителей и материальной базы.

Я был в отряде при деревообрабатывающем заводе. Своего определенного помещения у нас не было. Наше звено устраивало свои сборы в полупустом сарае, где среди штабелей досок стоял блестящий легковой автомобиль. Он никого не возил, а мирно покоился под крышей несколько лет.

Тогда шли горячие споры между сторонниками автомобилизации и их противниками. Первые доказывали: когда авто не работает, то его не нужно кормить. Да и груза он перевозит больше, чем одна лошадиная сила, на приличной скорости. Лошадники заявляли: лошадь питается дешевым кормом, и зарплата возчика ниже, чем у шофера. Пока противники выясняли отношения, моторная телега стояла на приколе.

Эти споры происходили на фоне нашей тогдашней бедности. Время рассудило эти воюющие племена.

С каким трепетом мы, пионеры, ожидали революционных праздников: Первое Мая и Октябрьскую Революцию[21]. В эти дни в заводском клубе нас принимали в пионеры. Нам вручали на сцене красные галстуки и значок «Будь готов»[22]. С этого дня ты становился настоящим пионером, потому что всенародно давал клятву быть верным делу Ленина.

Это было чудесное время. Время постижения тайн природы, познания большого окружающего тебя мира, открытия

неповторимости жизни.

Что из того, что у нас не было пионерской формы, лагерей и многого другого. Но как хорошо пелось про картошку у настоящего костра. Мы были счастливы, наверно, больше, чем нынешние артековцы.

В 1927 году я окончил семилетку. Выпускной вечер был скромным семейным праздником, несравнимым с нынешними балами. Не было бальных платьев у девушек и парадных костюмов у мальчишек. Об этом тогда никто не думал и не мечтал. Скромное угощение с лимонадом и, как апофеоз изобретательности наших подружек, в конце вечера – мороженое.

[Мы чувствовали себя] раскованно, было хорошо и весело. С нами были наши умные, добрые учителя. По молодости мы не чувствовали их немного грустных сердец. Они прощались с нами и с частью своей жизни навсегда.

Какое удивительное сердце у педагога! Каждый из них отдает своим ученикам знание и силу жизни, и каждый год, как птица Феникс, возрождается вновь, чтобы отдавать негасимый пламень знаний ученикам, сидящим за партами.

Это много позже, когда отцвела мальчишеская весна и пришло знойное лето возмужания, в какую-то годину я вспомнил последний школьный день и только тогда по-настоящему ощутил неповторимость расставания и рождение нежности к далекому прощальному вечеру.

Как быстротечна и коротка летняя ночь. Когда мы расставались и расходились по домам, город еще спал. Он не чувствовал, что из гнезда собираются улететь его питомцы.

Мы выходили из школы веселой гурьбой, и перед нами лежали десятки дорог. И нужно было каждому выбрать свою дорогу, единственную и прямую. Уже золотились от восходящего солнца легкие, как паутинка, облака и вершины высоких тополей. В розоватом свете рождающегося дня таяла ночная тень.

В нашем сердце лучший уголок всегда будет принадлежать месту, где детство встретилось с юностью, и откуда ушли мы в чужие края.

Таким местом стал для меня Витебск, который я покинул первого марта 1928 года. Немного раньше в Москву уехали Мессерман и Яша Гордон, а в Ленинград почти все остальные одноклассники и моя сероглазая богиня Женечка.

8

Эх, расскажи, расскажи, бродяга…[23]

Город на Неве встретил сыростью, туманной дымкой, серыми шеренгами домов Загородного проспекта. Во всяком случае, так мне показалось по выходе из Детскосельского вокзала (теперь Витебский).

Меня встречали школьные товарищи. К одному из них, Павлу Креславскому, мы отправились на квартиру, за что приношу ему великую благодарность, иначе мои первые шаги в самостоятельной жизни были бы еще тяжелее.

Павел жил в комнатке, отгороженной от широкой прихожей. Но у него я не мог долго оставаться. Дело в том, что в то время жилую площадь, квартиру снимал один человек, и уже он распоряжался этой площадью. На мое постоянное проживание хозяин квартиры согласия не давал.

Хотя в Ленинграде в университете учился брат Александр, но я намеренно не взял его адреса, чтобы все пути к помощи родни были отрезаны. Вот почему, прожив у Павла несколько дней, я перешел на кочевой образ жизни. С Пушкарской я перебрался на Васильевский остров, затем на улицу Плеханова, на Театральную площадь и еще во многие места.

Холод заставлял бродить всю ночь. Только утром, когда открывались церкви, можно было зайти [туда] погреться.

В общем, я рановато выехал на дачу. На дворе стоял март, а в Прибалтике и в мае дуют холодные ветры. Это был далеко не Крым или Черноморское побережье Кавказа.

В конце апреля основной базой стала сапожная мастерская на улице Жуковского, где единолично стучал молотком наш витебский Петя. Я приходил к нему часам к семи вечера. К этому времени он заканчивал работу и уходил домой, а меня оставлял в закрытой мастерской.

Иногда я ночевал в доме ночлега, прозванного народом «гопом», а населявших его бездомников гопниками. Это был приют для бездомных, для всякой воровской нечисти. Но туда я особенно не стремился по двум причинам. Во-первых, там нужно было платить пять копеек. А во-вторых, меня не привлекало жулье.

Когда к часам десяти вечера наполнялась палата этого приюта, то начиналось обсуждение прожитого дня, порой с большой дозой фантазии. Один воришка похвалялся тем, как он ловко обманул погоню, став у тумбы с объявлениями и делая вид, что изучает театральную афишу. Другой рассказывал о своих успехах в театральных гардеробах, где он по подложным номеркам получал великолепные шубы.

Кто-то сообщил, что видел на Невском Коську Рыжего. Коська катил на лихаче в шляпе, при хорошем костюме и галстуке, а рядом с ним сидела Нюська-Бородавка. Это значило, что Коська удачно запустил в карман нэпмана свою ухватистую руку и теперь неделю гуляет, не показываясь в ночлежке. А еще через три дня этот гулена явился ночевать в замызганной кепочке, в ветхой одежонке. Он пропил и прогулял свой шикарный наряд вместе со шляпой и галстуком.

В часов восемь вечера на подоконнике лестничного окна усаживался Музыкант с мандолиной в руках. Так называли парня лет двадцати пяти. Настоящей [его] фамилии никто не знал. Как не знали и того, чем он промышляет. Парень красив. Черные, слегка вьющиеся волосы подстрижены под бокс. Аккуратно одет. С лондонкой[24] на голове. Мандолина у него «государственная» – принадлежит ночлежке. Играет он хорошо, все народные мелодии. Концерт продолжается около часа, и все это время рядом стоит пацан лет десяти, который влюбленно смотрит на музыканта, зачарованный его искусством. Музыкант, играя, смотрит куда-то вдаль, не замечая поклонника Лешу-шкета, который благодарно слушает чудесные напевы. Наверно, Леше Музыкант кажется волшебником в этом сером, вонючем доме ночлега.

В ночлежке всю ночь играют в карты. Страсти доходят до белого каления. Кажется, вот-вот вспыхнет потасовка. Но этого никогда не случалось. Все знают, что скандалисты будут выкинуты на улицу в любое время ночи и неизвестно, пустят ли их завтра ночевать.

На третьем этаже (если считать подвал) были комнаты на четыре человека. Их занимали за особую плату сезонники, приехавшие из деревень. Перед тем как лечь спать, они в подвале раздевались до белья и все свои пожитки сдавали до утра в гардероб. Мы в гардероб не ходили. Наши наряды никого не могли соблазнить. Да и спали мы, не раздеваясь. На нарах блаженствовали постоянные ночлежники, а такие, как я, гастролеры, устраивались под нарами. Таким образом в сравнительно небольшой палате помещалось около ста человек. Сезонники в одном белье, как приведения, мчались по лестнице на свою верхотуру, а наше палатное население принимало самое горячее участие в этом галопе призраков.

– Эй, скобарь, не туда скачешь, тебе на бега нужно.

– Сморчок губастый, отдай мошну по-хорошему.

– Ваньке! Сколько за бороду, и ж. у тебе сегодня отвалили в кине?

Этот Иван, как-то придя с работы, кому-то похвастался, что за

участие в массовой съемке киношники заплатили ему три рубля. Взяли его туда за дремучую бороду. В первое время он пытался объяснить, что заработал только бородой, и никакая другая часть тела не входит в эту оплату. Но куда там!

Эти грубоватые шутки повторялись часто, но в них проглядывала и гордость за нашего товарища, который на короткое время был маленьким артистом.

Этот «гоп» был рядом с Невским на параллельной улице. Теперь там размещается контора. Такая же ночлежка была и за Московской заставой. В общем, Ленинград двадцатых годов выглядел бедно и запущено. Даже в центре на бульваре Профсоюзов целый квартал Конной гвардии[25] стоял разгромленным, и летом там ютились бездомные ребята.

Мостовые были булыжные. Только Невский проспект, Литейный, набережная Невы от Адмиралтейства до Прачечного моста на Фонтанке, улицы Белинского и Моховая, часть улицы Красных Зорь (теперь проспект Кирова) были покрыты деревянными плашками-торцами. Во время наводнения торцы всплывали, и мостовую нужно было перемащивать. Садовая и Вторая Советская улицы были покрыты диабазом. Часть небольших улиц, примыкающих к Железнодорожной улице в Невском районе, не имели вообще покрытия. Там ходили и ездили по земле, помнившей еще Петра I.

Транспорт состоял из легковых (ваньки) и ломовых (гужбаны) извозчиков. У некоторых гужбанов телеги были на резиновом ходу, и их называли качками.

Среди легковых извозчиков была небольшая группа аристократов, так называемые лихачи. Лошади у них были рысистых пород с великолепной упряжью; экипажи на резиновом ходу, называвшиеся дутиками[26]. На лихачах раскатывали нэпманы и подгулявшие деловые люди, а также фартовые ребята. Были лихачи и у солидных учреждений.

В общей сложности в городе было около тридцати тысяч таких колесниц, и грохотали они мощно по булыжникам копытами лошадей и колесами экипажей. Котомки[27] были разбросаны по всему городу, но самые большие были на Расстанной, Глазовой, Разъезжей улице и на Лиговке.

Грузовых и легковых машин было мало. Их было трудно встретить, как теперь трудно увидеть лошадь и телегу. Да это и не удивительно. Основным транспортным средством был трамвай, который ходил в сцепке до трех вагонов. Но уже в 1927 году начали курсировать семнадцать автобусов; в 1938 году было уже 311 автобусов.

Еще от царских времен в городе осталось много темных

углов, где гнездились преступные элементы. У Московского вокзала, на Лиговской и Пушкинской улицах хозяйничали вольные ночные барышни. В два часа ночи, группами по 2–3 человека, они шли после «работы» по домам распевая блатные песни. В Нарвском районе (ныне Кировский) такими местами были Обводный канал и улицы, примыкающие к площади Стачек. У Детскосельского вокзала (теперь Витебский), на Рузовской, Можайской и еще на нескольких рядом лежащих улицах царила свободная любовь, и процветали притоны всяческого жулья.

В 1927 году в одном из домов на Рузовской улице агентом уголовного розыска третьего разряда был убит знаменитый бандит Ленька Пантелеев. Этот Пантелеев с двумя помощниками ходил по ресторанам и, угрожая оружием, грабил посетителей. Пойманный, он сумел бежать из тюрьмы и снова взялся за свое грязное дело, пока не нашел свой конец около Технологического института.

В Московском районе против Новодевичьего монастыря (там теперь склады), находилось так называемое «горячее поле» (ныне трампарк им. Калинина), мимо которого и днем было опасно ходить.

Рядом на Смоленской улице стояли два дома близнеца: «Порт-Артур» и «Манчжурия». Строили эти дома во время Русско-японской войны, и поэтому они получили такое название. Это были пятиэтажные, так называемые, доходные дома с коридорной системой и сотнями отдельных комнатушек. В них ютились рабочие Московской заставы, густо нашпигованной деклассированными элементами.

Такие же темные углы были на Васильевском острове в Гавани и на Выборгской стороне. Вообще в городе оставалось много дореволюционного мусора. Так, на углу Невского и Литейного проспектов у кинотеатра «Паризиана» («Октябрь») несколько лет стоял высокий, худощавый продавец газет. В старомодном пенсне со шнурочком. В обтрепанной шляпе. Чисто выбритый. Он смотрел поверх голов прохожих и только изредка не говорил, а вещал: «Красная вечерняя газета». Все это произносилось с паузами, с превеликим пафосом.

Я не знаю, кем он был до Революции. Может быть чиновником или бездельником-дворянином, а возможно блестящим офицером гвардии. Но грянула революция, подул очистительный ветер Октября, и он оказался у разбитого корыта. Не умея ничего делать, пошел в продавцы газет, чтобы заработать на хлеб и воду.

Тогда газетных киосков не было. Газеты продавали мальчишки, шнырявшие по улицам и трамваям. Они задорно

кричали: «Дневник княгини Вырубовой!», «Черная кошка!» Ах, эти мальчишки! Они отвергают привычное, обыденное. Им подавай только яркое, фантастическое. Самое малое, на что они согласились, так это на графский титул автора каких-либо мемуаров. Тогда часто печатали воспоминания и исповеди «бывших»[28].

Новое поколение людей, живущих в благоустроенных квартирах, почти забыло страшные рубежи прошлого. Ну и отлично, что это почти забыто.

9

Но наступил бархатный сезон. Вместе с сиренью расцвели белые ночи. Я стал ужасно гордым и самостоятельным. Постелив газеты в зарослях любого парка, я безмятежно засыпал. Хотя моя спальня была открыта всем ветрам, я не боялся ограбления. Это широкое общение с природой благотворно действовало на мой организм. Меня не мог одолеть даже самый захудалый насморк. Возможно, что такой спартанский образ жизни наложил отпечаток на всю дальнейшую жизнь.

Все эти ковры, хрусталь, серванты с показной посудой не производят на меня неотразимого впечатления. Все это суета и стяжательство, отнимающее у людей в жилище воздух и пространство. Была бы чистая комната, немудреный стол и пара стульев (один для гостей). Ложе для спанья. Ну, и как признак зажиточности – пара кружек (одна для гостей) и хватательные и режущие инструменты в виде ложки, ножа и вилки.

Для моего гардероба хватит трех крючков на вешалке (один для гостей) и чемодана для белья.

Вот за полки с книгами и за цветы на подоконнике голосую обеими руками и даже за герань, ошельмованную критиками всех времен.

Я понимаю, что в этом вопросе безнадежно отстал и недалеко ушел от бочки Диогена. Но уже поздно прививать себе вкус нэпмана и менять свое обывательское существо. А по совести сказать, такого желания никогда не имел и не имею.

В тот период своей разгульной жизни я питался за счет нарпита[29]. Тогда столовые имели неплохую привычку держать на столе, покрытым белой скатертью, нарезанные черный и белый хлеб, горчицу, соль, перец и графин с кипяченой водой в содружестве со стаканом.

Предполагалось, да это так и было, что ко всему этому посетитель попросит первое, на второе свиную отбивную и

завершит пиршество стаканом киселя. И все это ему обойдется в 35 копеек. Но такие посетители, как я, считали безнравственным обременять такими просьбами официанток из уважения к их женскому существу. Да можно было и обождать обслуживания. Нужно было только немного вооружиться терпением.

Перец, соль и горчицу я не употреблял, великодушно оставляя столовой. Бухгалтерия могла смело заносить мою щедрость в графу прихода или прибылей. По моему разумению, хлеб и вода были дешевле всего остального и являлись продуктами отечественного производства.

Но я не финансист, а поэтому, возможно, допускаю грубую ошибку в подсчетах. И если это так, то остается только просить дирекцию столовых простить мне это заблуждение. Я очень надеюсь на снисходительность, потому что в дирекции сидят и кормятся не мелочные люди. С тех пор многое изменилось в общественном питании. Возможно, доля вины в этом лежит и на моей совести.

В июле, выйдя из столовой на Петроградской стороне, после такого необременительного обеда, я был остановлен братом Александром. Он удивился, увидев меня. Брат считал, что я по-прежнему обитаю в Витебске.

Вот появилось и еще одно пристанище на Мытнинской набережной в студенческой республике Ленинградского университета.

В это время ближайшим моим другом был одноклассник Нисон Левант. Он тоже приехал в Ленинград и жил на птичьих правах, как и я. В поисках работы мы еще больше сблизились. У него по сравнению со мной было одно важное преимущество. Он хорошо рисовал, и ему удавалось кистью подхалтурить в клубах.

Мы с ним бесполезно клянчили на бирже труда, чтобы нас поставили на учет. Но кто из чиновников биржи мог это сделать, если мы не были даже членами союза[30]. Это тогда имело решающее значение.

В один из дней мы решили, что я должен ехать в Москву на прием к М. И.Калинину.

Мое путешествие началось великолепной белой ночью. Минуя билетные кассы, я сел на скорый поезд, но так же скоро меня попросили о выходе. Пришлось пересаживаться на товарняк. Но там мы не сошлись характерами с кондуктором.

Это был страшно сварливый, неуживчивый человек, который во время движения поезда по крышам вагонов добрался до тормозной площадки, где я уютно устроился. Он не мог примириться с тем, что я еду без билета, хотя великолепно знал, что на товарный поезд билетов не продают. Проводник, наверно,

сразу после рождения привык забавляться не погремушкой, а солидной железякой. Поигрывая этой железякой, он предложил мне сматывать удочки, хотя такая рыболовная снасть ожидала меня в магазине. При этом он наговорил столько душевных пламенных слов, которых хватило бы на поддержку паровозной топки на нужной температуре, по меньшей мере, на сто километров пути. Я из скромности не вспоминаю эти задушевные слова. Пришлось на ходу поезда распрощаться с товарняком.

Когда мне надоело шлепать вдоль железнодорожного полотна, я свернул в сторону и завалился в душистую траву. Ночь была теплой, и под балакающие напевы кузнечиков я беспробудно спал до встречи с отдохнувшим солнцем. Было чудесное настроение: я не опаздывал ни на один поезд, проходивший мимо.

Все шло нормально для такого туриста как я. Теперь бы сказали для «дикаря». Но я решительно отвергаю этот титул. Ну какой я дикарь, если окончил семилетку и не бегаю в одних трусах с копьем в руках по лесам Среднерусской возвышенности.

И все же в Вышнем Волочке, где я остановился, чтобы духовную жажду к путешествию подкрепить чисто материальным, я привлек к себе внимание официального лица. На привокзальной площади меня остановил молодой, энергичный товарищ, одетый в цивильное платье. По его манере разговаривать я понял, что это агент уголовного розыска. Он мне откровенно заявил, что встречаться со мной больше не желает, не только сегодня, но и всю последующую жизнь. Он убедительно советовал продолжать прерванное путешествие. При этом он как-то странно смотрел на мой костюм, больше чем на меня. Видимо, в этом городке моды значительно отличались от покроя моей одежды.

В этом откровении мне было неясно только одно: если этот городок перестанут посещать туристы подобные мне, то отпадет необходимость существования учреждения, в котором молодой товарищ получает зарплату. Но наверно, даже в таких городках хватает забот не только о путешествующих, но и о других гражданах, одетых в абсолютно модные одежды.

Мне, наконец, подумалось, что работник уголовного розыска обласкал меня этим заявлением из личной неприязни ко мне. Но скорее всего, это было следствием семейных осложнений, а не отсутствия гостеприимства. Во всяком случае, даже по непроверенным до конца летописным данным, этот славный городок славился гостеприимством во время правления княгини Ольги в 964 году от Рождества Христова[31].

Человек я покладистый и люблю человечество. Поэтому без особой печали (я решил сделать приятное [работнику уголовного

розыска]) покинул этот городок с первым попутным товарняком, оставив несъеденный завтрак в Вышнем Волочке.

Таких путешественников-«дикарей» много бродило по Великой железнодорожной державе.

На четвертый день я прибыл в столицу – город Москву. Почему-то никто не встречал меня с цветами. Я даже не упоминаю о ковровой дорожке, медноголосом оркестре, почетном карауле, да и о всех прочих атрибутах встречи высоких гостей. Наверно, Москва надеялась, что я проследую с песнями в другой город.

Даже носильщики, на что обходительные чиновники, равнодушно пробегали мимо меня точно я человек-невидимка. Правда, багажа у меня не было даже в карманах. Он даже не прорисовывался в туманной дымке будущего. Но все же из вежливости они могли [бы] предложить мне свои услуги.

Вообще, железная дорога относилась к нам, вольным странникам, довольно прохладно.

На товарный поезд нужно было садиться на ходу и обязательно с противоположной стороны по отношению к вокзалу. И нужно было угадать тормозную площадку, не занятую кондуктором. То же самое нужно было проделывать, садясь на пассажирский поезд, с той разницей, что следовало оседлать лестницу (подножку) первого вагона после почтового.

Ехать на подножке, когда поезд мчится больше шестидесяти километров в час, – приятного мало. Тело немеет от напряжения, и ты ждешь и ждешь остановки, чтобы передохнуть. Но паровоз не обращает на это внимания и знай себе накручивает на колеса километры. Одно хорошо при такой езде: в самую жаркую погоду не нужно вытирать пот, и не кусают комары.

Но теперь такое путешествие невозможно. На товарных вагонах ликвидируют тормозные площадки, а на пассажирских вагонах лестничка закрывается заподлицо. Так что любителям-туристам нужно приспосабливаться ездить в вагоне зайцем. А это создает неудобство для пассажиров с билетами, а вольного туриста лишает романтики при передвижении по железной дороге.

Михаил Иванович Калинин принимал недалеко от Кремля во Втором доме Советов. Несколько дней мне пришлось дожидаться приемного дня вместе с десятками ходоков из деревень.

Время ожидания ушло на знакомство со столицей. Особенно сильного впечатления она на меня не произвела. На ней лежал отпечаток нашей тогдашней бедности и неухоженности. Чувствовалась хаотичность дореволюционной застройки. Необлицованные камнем набережные Москва-реки производили

грустное впечатление. И только Красная площадь и Кремль, храм Василия Блаженного оставляли неизгладимое впечатление. Это был чудесный, неповторимый дар наших далеких предков нам, живущим в двадцатом веке.

В конце долгого июльского дня я приходил в Александровский сад и садился на скамейку, возможно, на ту, где сидели Маргарита и Азазелло, и ожидал звонков сторожей, призывавших покинуть сад в связи с наступлением ночи.

Услышав колокольчики сторожей, я исчезал в зарослях кустов, где меня ожидало газетное ложе. Под мелодичный перезвон Кремлевских курантов я спокойно засыпал. Погода благоприятствовала моим дачным наклонностям. Стояла июльская сушь. Такой ночлег мне обходился дешевле, чем тем, кто ночевал в самых дешевых гостиницах. К тому же я находился под покровительством зеленого друга. Мой пустой карман не становился еще более пустым от пребывания в столице.

В день приема в секретариате товарищ с иконописным лицом старого большевика мне популярно объяснил, что товарищ Калинин по вопросам трудоустройства не принимает.

Я примерно представлял результаты поездки, а поэтому без особой печали отправился в Питер, не беспокоясь о том, что мой проездной билет остался в кассе Ленинградского вокзала города Москвы.

Не хочу кривить душой. Некоторое огорчение я все же испытывал. Во-первых, я не смог засвидетельствовать глубочайшее уважение всесоюзному старосте (так часто именовали тогда Калинина). А товарищ Калинин из-за усердия секретарей лишился общения с будущим законным гражданином прекрасного города на Неве.

И еще одно обстоятельство заставляло меня сожалеть о несостоявшейся встрече. Если бы она состоялась, то при случае в году воробья, можно было бы сообщить собеседнику о том, что в году соловья[32] я встречался с М. И. Калининым в Москве. Мы тогда обсудили международное положение, но время было ограничено и встречу пришлось сократить. Это бы подняло меня в глазах собеседника, да и я сам почувствовал бы, что подрос на целый миллиметр.

Вот такие удары по человеческим страстям получают молодые люди в больших приемных у секретарей.

Не спеша, пересаживаясь на узловых станциях, я к концу третьих суток возвратился в Ленинград и встретился с Левантом. На совместном заседании сторон был решено по тому адресу, куда я ездил, отправить энергичное письмо. Письмо ушло, и мы стали ждать.

И тут вмешалось в мою судьбу школьное братство, благодаря которому я поступил на работу в артель «Кожметаллоштамп» в качестве ученика прессовщика с личным окладом в семнадцать рублей.

Вместе со мной работали: Яша Хесин, Моисей Шванштейн и Коля Берман. Занимались мы, ученики, тем, что на ручных прессах из обрезков кожи штамповали что-то похожее на восьмерку. Эти восьмерки девушки нанизывали в определенном порядке на проволоку, и получался коврик для ног. Эти коврики охотно раскупали в Пассаже.

Мы страстно добивались работы. Мы изголодались по работе, а поэтому нас не нужно было подгонять. Мы работали, не отрываясь от своих прессов от звонка до звонка, прихватывая иногда выходной день.

Артель состояла из восьми человек, которые только присутствовали и вели бесконечные разговоры. Собственно говоря, мы, четыре ученика, и столько же девушек обрабатывали и кормили всю эту артель.

Председатель артели был умный, энергичный, с железной хваткой делец. Думаю, на Западе он был бы не последним бизнесменом. Соломон Равич был движущей силой этой артели. Такие артели, как наша, появились в результате НЭПа. В каждом городе они возникали десятками, а в Ленинграде сотнями. Они плодились, как грибы после теплого дождя.

Остатки промышленников, финансистов, торговцев, кустарей, которые во время военного коммунизма были ограничены Советской властью в своих капиталистических устремлениях и были принуждены затаиться, как тараканы в полу, с объявлением НЭПА они решили, что наступила их пора. Изголодавшись по аферам, спекуляциям и прочим видам нетрудовой деятельности, они повытаскивали припрятанные ценности и стали открывать магазины, фабричонки, мастерские, столовые под вывеской артелей. Они бешено разворачивали свою деятельность и гребли большие деньги.

Для нэпманов были открыты игорные залы в лото, рестораны, рысистые бега и даже ночной клуб на Владимирском проспекте, где теперь Драматический театр. В этом клубе всю ночь шла картежная игра. Был тут и ресторан, где можно было в кругу себе подобных тряхнуть мошной, развлекаясь с ночными дивами.

Что-то похожее происходит и теперь. Если в двадцатые годы НЭП был объявлен сверху, то в семидесятые годы он возник сам по себе из низов. Так называемые шабашники (18 миллионов) одиночки и артели, используя государственный транспорт, электроэнергию, инструменты, материалы, выполняют любые

работы как в городе, так и в деревне. Делают они это в большинстве случаев добротно и зарабатывают хорошие деньги.

Расплодились тысячи больших и малых спекулянтов, ворочающих сотнями тысяч рублей, а жажда [наживы] и страсть к наживе толкает их на новые аферы. Как и тогда, при НЭПе, расплодились растратчики, воры, взяточники, тунеядцы, бюрократы. Воруют оптом и в розницу на железных дорогах, магазинах, предприятиях, колхозах. Даже появился новый термин: не вор, а несун. Уже появились наши советские милиционеры, вскормленные на дрожжах мошенничества.

Иногда приходится удивляться тому, что рядом с передовой социальной теорией и действительностью уживается скопидомство, жадность, страсть к накопительству и обману, к захвату того, что принадлежит обществу. Больше того, как это ни странно, в стране действует мафия, которая пустила свои корни в государственные учреждения, вплоть до органов министерства внутренних дел. Эта мафия не ограничивается присвоением народного добра. Она стремится захватить политическую власть.

А если взглянуть шире, то удивляться вроде и нечему. Рост изобилия товаров рождает звериное чувство собственника, к тому же капиталистическое окружение вползает ужом со своей прогнившей совестью и моралью в человеческое сознание.

Эти проявления накопительства и жадности будут выползать из тайников человеческого сознания еще не одну сотню лет. И еще нужна не одна сотня лет, чтобы из нашего мышления, из нашей крови исчез вирус хапуги-собственника.

Через месяц после моего поступления на работу пришел ответ из Москвы. Нас вызывали на биржу труда. Там мне уже делать было нечего, а Леванта биржа направила в ЛИТ (Ленинградский институт труда). Так тогда высокопарно именовался прообраз будущих ФЗО[33].

В начале 1929 года мы, ученики, взбунтовались. Дело в том, что в конце рабочего дня мы убирали свое рабочее место, но наши хозяева заставляли нас убирать все помещение артели бесплатно. В один из дней мы отказались это делать. За это нас хотели уволить. Но рабочком[34] стал на нашу сторону, и увольнение не состоялось. Мы продолжали работать, но отношения были уже испорчены. Хозяева выжидали, чтобы нанести удар наверняка.

Вот и обнажилась вечная патологическая грань между трудом и капиталом. В конце мая нас всех уволили по сокращению штатов.

Увольнение привело к тому, что мы потеряли друг друга. Только в 1970 году Яша Хесин, будучи проездом в Ленинграде,

узнал мой адрес. Но встреча не состоялась – меня не было дома, и я узнал [о его приезде] из письма Яши.

Эта первая трудовая школа – первая ступень в большую жизнь – незабываема. Я и теперь иногда прихожу на улицу Маяковского (бывшая Надеждинская) и у дома, где в подвальном помещении была наша мастерская, стою как в почетном карауле у своей юности, и сердце сжимается от горьких и сладких воспоминаний. Ведь жизнь уже прожита, а тогда было все впереди.

После увольнения я встал на учет на бирже труда. И мне назначили пособие по безработице в размере 11 рублей в месяц. Но я ни разу не получил это пособие. Через десять дней пришло направление на работу с биржи труда на завод «Электросила» в качестве ученика прессовщика.

Так начала сбываться моя мечта стать рабочим большого завода.

Это действительно был большой завод. На нем работало четыре тысячи человек. Завод располагался по обе стороны Московского шоссе. Если смотреть на юг в сторону Пулкова, то по левую сторону от заводских корпусов вдоль шоссе стояли четыре каменных дома и несколько деревянных развалюх. За ними простиралась заболоченная равнина и городская свалка. По правую сторону от завода находился учебный аэродром, а за ним лежала до самого Пулкова ровная как стол равнина с росшими кое-где кустиками и осинками.

Только узкая проезжая часть шоссе была покрыта булыжником, а остальная часть, где теперь [нрзб.] и великолепные растут липы, была летом пыльной, а весной и осенью утопала в грязи. По обеим сторонам шоссе были прорыты канавы с застойной зеленой водой. На откосах этих каналов обычно летом сидел рабочий люд, ожидая гудка в половине восьмого, когда начинался впуск на завод.

Я любил эти утренние часы, когда мощный хорал заводских и фабричных гудков бодрил и призывал к труду. Мы знали гудки по голосам. Вот нашему басовитому отвечает баритон завода им. Егорова. Нежно ноет фабрика «Скороход». Фальцетом звенит макаронная фабрика. А от залива, приглушенные расстоянием, нас приветствуют гудки Нарвской заставы.

Это была чудесная симфония, создающая рабочему человеку настрой на дневной труд. Сотни гудков по всему городу призывали к борьбе, творчеству, к работе.

Тут же у проходной стояли с корзинами наши кормилицы-женщины. Эти торговцы в разнос были также порождением НЭПа. Они торговали булочками, вареными яйцами, дешевой колбасой, бубликами. Только через несколько лет на заводе появилась столовая, а в больших цехах буфеты.

Таких торговок в городе было много. Они торговали не только у заводов и фабрик, но и на проспектах и больших улицах. Особенно они были активны на Невском проспекте (тогда проспект 25 Октября). При появлении милиционера торговки стремительно исчезали. Самой грозной фигурой для них был милиционер, стоящий на углу Невского проспекта и Садовой улицы, по кличке Петух. Это был человек небольшого роста, худощавый, но с орлиным взглядом. Он все замечал, если это был непорядок, нарушающий течение городской жизни. Когда он умер, его провожала многолюдная процессия, в которой

находилось много торговок, так как он был широко известен как неподкупный законник и праведник.

Уличный бард про этих торговок сложил песню, которую любили петь эти женщины.

Купите бублики,
Горячие бублики.
Гоните рублики
Народ скорей.
И в ночь ненастную,
Меня несчастную,
Торговку частную
Ты пожалей.
Отец мой пьяница,
За рюмкой тянется.
А мать уборщица —
Какой позор.
Сестра гулящая
Совсем пропащая.
А брат-братишечка
Бандит и вор.
Купите бублики
Горячие бублики.
Гоните рублики
Народ скорей.
И в ночь ненастную
Меня несчастную,
Торговку частную
Ты пожалей.

Наши заводские торговки обладали одним хорошим качеством: они были милосердны.

За несколько дней до получки у многих молодых рабочих наступало безденежье, и торговки давали нам в кредит, не делая никаких записей. В получку подходишь к тете Насте и спрашиваешь: сколько должен? А в ответ: «Ты уж, миленький, сам считай. Где мне всех вас упомнить». И мы честно рассчитывались за съеденное.

В то время по стране начала шагать пятилетка (1929 г.). Расширялись старые заводы. Строились новые. Шла коллективизация в деревне. Завод «Электросила» был одним из растущих заводов. В прошлом, при царе на его территории располагалось пять заводиков: Сименса-Шуккерта, Зигам, Рекса, Литейный завод и Завод стальных вагонов. Все это объединила

«Электросила» – Электромашиностроительный завод.

Началась усиленная электрификация страны. И наш завод, тогда единственный по характеру производства, начал расширяться. Строился огромный двухпролетный красавец-корпус для изготовления турбогенераторов.

К 1929 году «Электросила» зарекомендовала себя как серьезный производитель турбогенераторов. Завод изготовил первые турбогенераторы для первой ГЭС им В. И. Ленина на реке Волхов. Генераторы были мощностью 8–9 тысяч киловатт, а вся станция имела мощность 56 тысяч киловатт. По теперешним временам карлик, но тогда и сравнивать было не с чем, и она казалась гигантской. Строилась Волховская ГЭС без техники. Не было ни экскаваторов, ни машин, ни кранового хозяйства. Лопата, носилки, тачка, грабарка (лошадь с телегой), да русский «авось» и «эх, ухнем» – вот и вся строительная премудрость. Бетон рабочие уплотняли ногами.

Но было упорство и желание двигаться вперед. Строительством руководил академик Графтио. Построил ГЭС на совесть. Во время войны станция по кабелю, проложенному по дну Ладоги, давала ток осажденному Ленинграду. Она и теперь продолжает работать и дает свои киловатты в общую энергетическую систему.

Меня приняла в свои ряды заводская семья. С какой завистью я узнавал у ветеранов, что они работали пять, десять и больше лет. Мне казалось, что у меня никогда не будет такого стажа.

Наш участок изготавливал катушки для гидро– и турбогенераторов. Но они не были похожи на катушки для ниток. И сама работа не походила на работу в артели, хотя я числился прессовщиком-учеником и получал все те же семнадцать рублей в месяц. Работа шла в три смены.

Особенно тяжело было работать в третью смену с трех до пяти утра. Сон одолевал на ходу. Нас, учеников, бросали в разные бригады, где с работой было туго. Иногда приходилось работать в женской бригаде изолировщиц. И тогда бригадир Поля Дюкина, сорокалетняя женщина с пожелтевшим от вредной работы лицом, говорила мне в четвертом часу ночи: «Иди подремли полчаса, а после я тебя разбужу». Минут пятнадцать я дремал в уголке, а после шел к своим старшим товарищам. Я не мог долго пользоваться их добротой. Да и остальные женщины тепло относились к нам, мальчишкам. У них сердце болело за нас, вступающих в жизнь.

Г. А. Калиняк

Присматриваясь к старым рабочим, мне казалось, что я никогда не достигну их мастерства. Я удивлялся их четкой работе двумя гаечными ключами. Они захватывали ключами гайки, не глядя на ключи. Я любовался их работой, когда они рубили зубилом металл. Ручник никогда не промахивался мимо зубила, и зубило пело свою победную песню, неумолимо ровной строчкой идя по металлу. Или когда, не глядя на термопару и часы, только слегка прикоснувшись к деталям, [они] определяли степень ее нагретости.

После войны я был бригадиром прессовщиков, а потом десять лет руководил в качестве старшего мастера всей мастерской. Вот как все оборачивается в жизни.

Я еще застал рабочих, работавших при царе у Сименса-Шуккерта. Они рассказывали о забастовках, о своеобразных обычаях, которые существовали на производстве.

Например, когда оканчивался срок обучения, и ученик становился в ряды взрослых рабочих, то его старшие товарищи предупреждали, чтобы он не зарывался. Это значило, что больше положенного по его мастерству он не должен зарабатывать. Но некоторые, особенно те, кто недавно приехал из деревни, не обращали внимания на это предупреждение и старались

заработать больше. Тогда такого отступника приглашали «на вал». Валом называлось насыпь железной дороги, проходившей рядом с заводом. При этом ему напоминали, что нужно обмыть первую настоящую получку и окончание учения. Именинник покупал вино, закуску и компания отправлялась на вал. Когда было все выпито и съедено, провинившийся получал хорошую взбучку и больше не пытался нарушать рабочий обычай.

Капиталисты были не дураки. Они старались внести раскол в ряды рабочих и поднять свой авторитет. Так, рабочему, проработавшему двадцать пять лет, устраивалось торжество.

В день юбилея рабочий приходил на работу в праздничном костюме. Он знал, что в этот день работать не будет. Станок его был уже украшен зеленью. С гудком к нему приходил управляющий заводом и цеховое начальство. Его поздравляли с юбилеем, и управляющий вручал ему конверт с наградными. Поздравляли его и рядом работающие товарищи. Именинник уходил домой и поджидал друзей, чтобы отметить пирушкой этот знаменательный день. Так же чествовали мастера. В день двадцатипятилетия его конторку украшали хвоей. Мастер приходил в полном параде и обязательно в котелке. Принимал поздравления, наградные и уходил домой отмечать свой юбилей…

Но не одной работой жив человек. В общенациональные праздники, Первое Мая и Октябрьскую Революцию, завком и дирекция завода откупали какой-нибудь театр. И мы шли туда коллективно. После торжественной части зал вставал и пел «Интернационал». Как здорово мы его пели! Он сплачивал нас, и мы еще надежнее чувствовали плечо товарища.

На одном из праздников я сидел в ложе над самой оркестровой ямой. Шла опера Шестаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Дирижировал Самосуд, который вскоре уехал в Москву, приглашенный Большим театром.

Самосуд так артистично дирижировал, столько вкладывал души и вдохновения, что я только его видел и, кажется, даже слышал движение дирижерской руки, вооруженной палочкой. Он поглотил все мое внимание, и фактически я оперу не видел. Но и в обычные дни мы не забывали наши великолепные театры: Мариинку, Александринку, Малый Оперный, Большой Драматический и конечно ТРАМ (Театр Рабочей Молодежи), помещавшийся на Литейном проспекте против улицы Жуковского. Особенно популярна была Александринка.

Это был самый демократичный театр, где легче всего можно было пройти без билета, так как их не проверяли у входа. Дирекция это знала и считала, что каждый культурный человек

должен иметь билет. А если придут десятки безбилетников, то они оплатят свое присутствие дружными горячими аплодисментами.

А по весне открывали книжный базар на бульваре улицы Перовской против Казанского собора. Там мы встречались с цветом советской литературы: Тыняновым, Лавреневым, Зощенко, Тихоновым и другими писателями и поэтами, которые стояли за прилавками павильонов. Мы впитывали в себя все лучшее, гуманистическое, духовно росли.

Тогда еще не было автографной истерии и книжного бума. На книжном базаре можно было свободно подойти к любому прилавку и выбрать себе приглянувшуюся книгу. Я вообще покупал много книг в ущерб своему гардеробу. Были у меня все новинки. И даже Малая Советская Энциклопедия, которую начали тогда издавать. Тогда еще не было нечитающих книголюбов, которые теперь корешками книг украшают свои хоромы.

На авторов книг, за которыми теперь выстраиваются очереди в ларьках по приему макулатуры, тогда никто не охотился. Как теперь вижу четыре голубых есенинских тома, которые долго стояли на витрине Дома книги на Невском проспекте.

Это для нас писали Горький, А. Толстой, Есенин, Маяковский, Тихонов, Леонов, Светлов, Шолохов, Федин, Фадеев, Эренбург, Лебединский.

Это для нас сочиняли музыку Прокофьев, Мясковский, Шостакович, Кабалевский, Дунаевский.

Это для нас пели чудесные песни: Барсова, Обухова, Нежданова, Пирогов, Козловский, Рейзен, Михайлов, Лемешев, а Флиер, Гилельс, Ойстрах прославляли нашу Родину на международных конкурсах музыкантов.

Для нас невесомо порхали Уланова, Дудинская, Чабукиани и божественно лицедействовали Станиславский, Качалов, Тарасов, Ермилова, Москвин, Книппер-Чехова, Хмелев, Черкасов, Корчагина-Александровская (тетя Катя).

И для нас начал свое победоносное шествие по эстрадам теа-джаз Леонида Утесова.

С устройством на работу Леванта и меня завершилось трудоустройство всех одноклассников-витебчан на Ленинградской земле. Женечка трудилась электромонтером на текстильной фабрике.

12

В декабре 1930 года была объявлена мобилизация двадцати

пяти тысяч комсомольцев на лесозаготовки. Леса нужно было много на новостройки пятилетки и на экспорт, для пополнения валютных фондов. Я был секретарем комсомольской ячейки цеха, и когда получил указание комитета комсомола о выделении одного человека на лесозаготовки, решил ехать сам. Я чувствовал, что там будет трудная обстановка.

В конце декабря в количестве двадцати человек мы прибыли на четырнадцатый разъезд Мурманской железной дороги, где находилась дирекция леспромхоза. На другой день отправились в глубинку на место своей работы. Там, в семи километрах от железной дороги, находилось одно из отделений леспромхоза. Туда можно было добраться только зимой, когда болота и озера скует крепкий карельский мороз. Только тогда можно было прокладывать дороги, поливать их водой и по таким «ледянкам» вывозить лес на биржу, находившуюся у железной дороги.

Поселились мы в бараке. Спали на двухэтажных нарах. На работу выезжали с таким расчетом, чтобы по приезду в лес начало немного светать. Если было тихо, то серебристо-белые чащобы встречали нас полумраком, настороженно, молчаливо. Даже звериных следочков не было в этом застывшем лесу.

Но если гулял ветер, то шатровые вершины сосен угрожающе раскачивались, бросались комьями снега в непрошенных пришельцев. Тревожно переговаривались между собой могучие великаны; предвидя свою горькую судьбину, свою смертушку, деревья навечно прощались друг с другом.

И сразу навалились на нас трудности. По молодости никто из нас не был лесорубом. И мало кто умел запрягать лошадей и управляться с ними. К тому же в Ленинграде в дирекции «Кареллеса» нам сказали, что мы будем работать десятниками. А тут дают пилу и топор в руки и предлагают валить лесных великанов.

А как подойти к могучей сосне, если снегу по пояс, и как и куда валить ее, если в лесу гуляет ветер, которому наплевать на все наши потуги. Когда дерево начинало дрожать и чуть клониться в одну сторону, мы быстро вытаскивали пилу из разреза, ложились на снег и откатывались от сосны в разные стороны. Предугадать куда упадет дерево, было невозможно. Ветер как хотел, так и направлял падение. Дерево клонится все больше и больше. С него слетает туча снега. От глухого удара о землю поднимается встречный снежный вихрь, и нужно было ожидать, когда уляжется эта метель, чтобы увидеть, как лежит кряж. И когда разделан великан, как его вывезти к дороге (трелевать). Лес стоял на каменистых холмах, и люди и лошади проваливались между камней; иногда нога так застревала, что

приходилось жертвовать валенком. Его нельзя было вытащить. Только в полной темноте мы возвращались домой с задубелыми брюками и ватниками. Сушились тут же, где спали, хотя сушилки в бараках были, но они не были оборудованы.

Сильно мучила пища. Завтракали мы рыбным супом, заправленным пшеном и пшеничной кашей с той же рыбой. Это же меню было на совместный обед и ужин. Так мы питались каждый день вплоть до отъезда в Ленинград. Рыба, которую повариха закладывала в котел, была такая соленая, что не помогала выживанию. В результате, от соленого нас мучила изжога. При работе в лесу внаклонку, дело доходило до рвоты.

Все эти тяготы вызывали недовольство и нарекания. Было выдвинуто предложение бросить все и уехать в Ленинград. Пришлось [мне] как секретарю комсомольской ячейки, которую я организовал из прибывших ребят, здорово покрутиться, чтобы одолеть эти настроения, не допустить общего бегства.

И все же мы не избежали потерь. Шесть комсомольцев уехали в город. Оставшиеся девятнадцать товарищей до конца сезона трудились в лесу.

Через несколько дней после нашего приезда состоялось общее собрание трудящихся нашего отделения (300 человек), где меня избрали председателем рабочкома – прибавилось еще больше заботы. Пришлось начинать войну с директором леспромхоза.

Это был страшно упрямый мужик. Высоченного роста. Худощавый. Черноволосый. С клокочущим всеми страстями голосом, он наводил страх на всех штатных и завербованных работников; последних было абсолютное большинство.

После первого столкновения с директором я понял, что переспорить его невозможно, этого хохла, бывшего командира полка буденновской конницы.

Нужно было не рубиться саблями, а брать директора тихо, показным безразличием к его чину. Нужно было делать вид, что парадом командую я, избранный народом. А он для меня – такой же член профсоюза, как и все, а уже после – директор большого хозяйства.

Как всякого директора, имеющего сезонный состав рабочих, его интересовал только план и еще раз план. Остальное его мало интересовало. И когда я потребовал достройку клуба, тюфяки с соломой и дооборудование сушилок, то Павлюченко поднял такой хай, что рядом стоящих как ветром сдуло.

Когда директор наконец выдохся, я сказал, что повторять не буду и ушел. Оказалось, такая тактика была самой действенной, и требования начали выполняться.

Особенно смешным был разговор, когда я потребовал снабдить всех поварих марлей. Дело в том, что хотя мы и жили на воде как в Венеции, но проточной воды у нас не было. Брали воду из застойных водоемов, а там и зимой резвится тьма мелкой живности: всяких жучков, паучков и прочих жителей подводного царства. Чтобы избавиться от этого бесплатного приложения, и нужна была марля.

Вот тут директора понесло. Он, как Демосфен, начал обвинять меня во всех смертных грехах. И в том, что я гнилой интеллигент, и в том, что из-за таких как я страна не выполнит пятилетку… И еще много подобного было выплеснуто из ушата красноречия на мою профсоюзную голову.

Я спокойно слушал эту филиппику и весело смеялся про себя. В итоге поварихи получили нужную марлю.

По профсоюзным делам приходилось бывать в разъездах. К тому же районный центр Медведиха (Медвежья Гора) назначил меня председателем комиссии по чистке соваппарата (была и такая чистка). И это тоже требовало разъездов.

Конюх запрягал мне лошадь, которая по старости уже не могла работать в лесу. Это был лошак с неопределенного цвета шерстью, с разбитыми копытами, забывший свою молодость и философски мудро взиравший на суетной мир.

На обратном пути, налюбовавшись световой симфонией северного сияния, я подвязывал вожжи к саням и, поудобней устроившись в сене, спокойно засыпал, зная, что верное лошадиное сердце не собьется с пути и довезет меня до дома.

Иногда приходилось быть участником в разрешении забавных историй. Однажды ночью, когда я спал как убитый, наработавшись днем в лесу, меня разбудил начальник нашего отделения Меньшиков. Он сообщил, что счетовод напился пьяный и чуть не убил свою сожительницу, и теперь, угрожая ружьем, никого не пускает в свою комнату. Меньшиков спрашивал, что делать? Ведь милиции в лесу не было. Я оделся, и мы пошли к бараку, где жил счетовод. Открываю дверь комнаты счетовода (она была не заперта) и вижу: за столом, освещенным керосиновой лампочкой сидит Леша-счетовод, и прислоненное к столу стоит охотничье ружье.

Я поздоровался и спросил, нет ли у него махорки, у меня вся вышла. Леша забормотал, что этого добра у него навалом и протянул мне кисет. Я свернул цигарку и передал кисет Меньшикову, который тоже соорудил козью ножечку. Я заметил, что Иван Васильевич немного удивлен тем, что все протекает мирно и взрыва страстей не предвидится.

Советую Леше лечь спать. Время уже позднее. Он охотно

следует совету, заваливается на койку и начинает авторитетно храпеть. Взяв ружье, я протянул его Меньшикову и посоветовал до конца сезона не отдавать его счетоводу.

Иван Васильевич переломил ружье, чтобы вынуть патрон и весело засмеялся:

– Так оно не заряжено.

– Я это знаю.

– Вот почему ты так смело зашел в комнату.

Я тоже засмеялся, но уже от простоты Меньшикова. Я и понятия не имел, что у хроменького счетовода есть ружье. Удивительным в этой истории было то, где счетовод взял вино. На лесозаготовках водку не продавали. Да и вообще не было никаких магазинов. За этим зельем нужно было ехать пятьдесят километров по железной дороге в Медведиху. Другой дороги туда не было. Начальник отделения божился, что ни от нас, ни к нам никто не уезжал и не приезжал. Так и остался этот вопрос темным для следствия.

Подобное по необъяснимости происшествие произошло у нас в бараке. Я вернулся поздно из поездки. Ребята уже давно спали. Заскочил к нашей поварихе, которая ожидала меня. У нее всегда оставался наш неизменный рыбно-пшеничный суп. Аннушка поставила передо мной миску с супом. Зачерпнув варево, я замер, не поверив своим глазам. На меня из супа смотрело крыло курицы. И тут я сразу почувствовал сладкий запах куриного бульона.

Вытащив пустую ложку из миски, я сказал: «Нюша, ты по ошибке дала мне свой суп». Она молча убрала миску и поставила другую с нашим вечным супом.

В начале лесного поселка петухи не пели, а куры не прихорашивались. А на разъезде не было даже собак и кошек. Ближайшая деревня была в двенадцати километрах, но дороги туда не было. Можно было только предположить, что такой подарок нашей поварихе преподнес влюбленный архангел. Но святые не дураки. Они больше обитают в теплых краях ближе к экватору. Папа Римский и вся его святая банда пустила корни в Ватикане и о подарках советской поварихе не помышляют.

Однажды милейший Меньшиков сообщил мне, что Павлюченко приказал не пускать на ночевку в барак не выполнивших наряд. Я посоветовал Меньшикову забыть это приказание. А при встрече напомнил директору, что Советскую власть еще никто не отменил и законов колониальной инквизиции еще никто у нас не устанавливал.

В начале апреля резко изменилась погода. Подул южный ветер. Леса, укутанные в белые шелка, за одну ночь стали темно-

зелеными. На озерах начала проступать вода. Под тяжестью груженых саней стала оседать ледянка. Лесозаготовки окончились.

Славные мои товарищи: бригадир, неунывающий Толя Кокарев, любящий шутку Смирнов, молчун Тузов, жадный до всего нового Саша Титов и остальная комсомолия, почерневшие от морозов и ветров, но ставшие взрослее, с честью выдержали испытание, работая в лесу.

По выполнению плана мы занимали золотую середину среди лесорубов отделения. Это несмотря на то, что мы не имели опыта и мастерства настоящих лесорубов. К тому же нам старались напакостить; чтобы увеличить количество поездок на биржу с четырех до пяти за два дня, мы с вечера нагружали сани. Оставалось только утром подогнать лошадей, и обоз мог трогаться в путь.

Иногда, приходя на работу, мы обнаруживали перерубленными веревки, связывавшие бревна. Приходилось укладку разбирать и затем снова загружать сани. На это уходило лишнее время и так короткого зимнего дня.

Думаю, работая в лесу, я проверил свою партийность. Перед отъездом на лесозаготовки меня приняли в кандидаты партии.

Уходя из нашего лесного поселка, я попрощался со всеми остающимися здесь, с этими вечными лесными жителями и тружениками.

Прощаясь с нашей поварихой Нюшей, я поблагодарил за заботу о нас и, конечно, за куриный суп. Поцеловав ее в щеку, я увидел, как вспыхнуло ее лицо, и закипели слезы в глазах.

При расставании Павлюченко настойчиво предлагал мне остаться у него помощником директора по труду. Я поблагодарил его за лестное предложение и доверие, а про себя смеялся: ну какой из меня, мальчишки, администратор. Я и теперь считаю, что поступил правильно. К тому же, я не собирался изменять заводу.

13

И снова закружилась бурная заводская жизнь с ее каждодневными радостями и тревогами.

Совершенствовались в своем мастерстве рабочие. Набирался технического и инженерного опыта завод. Но еще ходили по цехам консультанты вроде прикрепленного к нашему цеху мастера Мидера, высокого, розовощекого, в отличном сером костюме американского инженера, получавшего зарплату

валютой и покупавшего продукты в торгсине[35].

В связи с большим строительством нужно было мобилизовать все средства. В стране было голодновато, как тогда объясняли, из-за саботажа кулаков и подкулачников. Это учло правительство. Были открыты специальные продовольственные магазины, где любые продукты можно было купить на золото, серебро, платину, драгоценные камни и на валюту. Таким образом, припрятанные драгоценности из тайников бывших состоятельных людей перекочевывали в государственный банк и шли на строительство новых заводов и фабрик. Такие магазины назывались торгсинами. Это были прообразы нынешних «березок»[36]. По заводу ходил в сопровождении охранника бывший главный инженер Шварц. Он был член контрреволюционной организации «Промпартия», разоблаченной чекистами. В эту организацию входила старая техническая интеллигенция, ставившая своей целью свержение советской власти.

Мы гордились и радовались тому, что завод стал серийно выпускать турбогенераторы мощностью 25000 киловатт. Все время мощность выпускаемых машин росла. К 1941 году мощность турбогенераторов достигла 100000 кВт. А к 1980 году были освоены машины мощностью 300, 500, 800 тысяч киловатт. А теперь «Электросила» замахивается на полтора-два миллиона киловатт в одной машине.

Одновременно росли мощности выпускаемых гидрогенераторов. Были изготовлены четыре гидрогенератора мощностью по 64000 кВт, а также машины для свирских, северных и южных электростанций. Было радостно узнать, что первую пятилетку страна выполнила за четыре года.

Мы не только своим трудом, но и рублем помогали выполнять пятилетку. Каждый год правительство выпускало заем, и мы подписывались на месячный заработок, хотя он был не лишний в нашем семейном бюджете. А ведь Запад кричал во все голоса, что пятилетка это миф, рекламная шутка большевиков.

Первая пятилетка дала жизнь Магнитогорску, Харьковскому тракторному, Московскому автомобильному и подшипниковому заводам и многим другим заводам тяжелой индустрии.

Всем нам нужно поклониться Магнитке. Это ее металл спас нас в 1941-42 годах, когда были захвачены немцами металлургические предприятия на юге страны.

Но первая пятилетка была только началом. Мы отставали от Запада на 50 лет. Нам нужно пройти этот путь за 15–20 лет. «Или мы его пробежим, или нас сомнут» /Сталин/.

Я не раз вспоминал эти слова во время войны. Если США в 1929 году выплавляли 43 млн тонн чугуна, Германия 13,5 млн

тонн, то мы только 4 миллиона тонн.

А империалисты все больше и больше точили на нас зубы. Вот почему во второй пятилетке нужно было форсировать строительство тяжелой индустрии, поднимать выплавку чугуна и стали, добычу угля, крепко заниматься транспортом, химией, оборонной промышленностью, тракторостроением, автомобильной промышленностью, добычей нефти.

В связи с этим стоял остро вопрос о кадрах. Нужны были кадры технической интеллигенции и квалифицированные рабочие. Училось государство, и учились миллионы его граждан. Время подгоняло всех и заставляло забывать о времени.

14

Декабрьским поздним вечером я ехал на работу в ночную смену. И никак не мог вспомнить, по какому случаю вывешены траурные флаги. И только на заводе узнал ошеломляющую новость: в Смольном убит С. М. Киров. Это было первое декабря 1934 года.

Убийство товарища Кирова горестным валом прокатилось по всей стране. Особенно мы, ленинградцы, тяжело переживали эту утрату. После смерти Ильича это была одна из невосполнимых утрат, какими были утраты Свердлова, Дзержинского и Фрунзе.

Сотни тысяч ленинградцев молчаливым, скорбным потоком двигались к Таврическому дворцу (тогда Урицкого), чтобы проститься с погибшим товарищем. Мироныча мы любили за прямоту, человечность, за непримиримость к отщепенцам нашего коммунистического дела всех мастей. Какие Киров произносил речи! Это действительно был трибун революции.

Это Киров заклеймил на XVII съезде партии оппозиционеров, назвав их обозниками, всех этих Троцких, Зиновьевых и Каменевых.

Весь народ, все честные люди отдавали все силы и знания, чтобы укрепить Советский Союз. Сначала Троцкий обвинял партию за непомерное развитие индустрии, а затем стал кричать о заниженных темпах развития промышленности. Это он, Иудушка, доказывал, что нужно закрыть «Красный путиловец» как нерентабельный завод. Это он хотел заменить ленинизм троцкизмом.

Это Бухарин обещал, что кулак мирно врастет в социализм, забывая, что на это врастание история не отпустила нам времени. Позже Бухарин признал свою ошибку. Этот мирно врастающий кулак стрелял из обрезов в советских работников в деревне.

Это троцкистскими теориями питался Николаев. Это ненависть Троцкого к Кирову толкнула его на злодейский выстрел.

Но этот убийца странно повел себя после рокового выстрела. Его не нужно было ловить. Он тут же упал в жесточайшей истерике, и врачам понадобилось несколько часов, чтобы привести его в нормальное состояние.

Кажется, все ясно. Свершилась трагедия. Преступник в руках правосудия. Но следствие и развязка этой трагедии была страшной. Конечно, кто-то персонально направлял руку убийцы. Нет прямых улик, свидетельствующих, что подталкивал руку убийцы главный московский сатрап.

Но почему так тщательно были уничтожены чекисты, которые перевозили арестованных по этому делу. В живых не осталось даже шоферов арестантских машин. Об этом еще скажет правдивое слово история.

Частично проливают свет на выстрел в Смольном воспоминания Микояна, который писал, что на XVII съезде партии было две кандидатуры на пост генсека: Киров и Сталин. При тайном голосовании против Кирова голосовало три человека, а против Сталина в сто раз больше, и Сталин об этом знал. Но Киров отказался от поста генсека.

Видимо результаты голосования послужили причиной того, что после съезда из 1966 делегатов было арестовано 1108 человек, а из 139 членов и кандидатов ЦК партии, избранных съездом, осталось 29 товарищей, а остальные были уничтожены, в том числе и Киров.

Убийство Кирова стало началом трагических событий в масштабе всей страны. Особенно широкий размах эти события приняли в конце тридцатых годов, когда немецкая разведка через чехословаков подбросила нашей разведке (и, конечно, Сталину) фальшивку, в которой в измене Родине обвинялись многие наши политические и военные деятели.

Репрессии коснулись десятки тысяч сподвижников Ленина – ленинской гвардии, которая была проверена годами борьбы с царизмом, Гражданской войной и хозяйственным строительством.

Абсолютно честные, преданные партии и делу социализма партийцы в результате доносов, тупой подозрительности или карьеризма причислялись к врагам народа и попадали в общую репрессивную мясорубку и чаще всего расстреливались, а остальные отправлялись на мучительную смерть в лагеря на севере страны.

Это был период ежовщины, а потом засилья Берии…

Репрессиям подвергались десятки тысяч директоров, главных

инженеров, начальников цехов, секретарей райкомов, парткомов и комитетов ВЛКСМ, председателей завкомов, рабочих.

На нашем заводе был арестован директор завода К. Дьяченко, бывший шахтер, окончивший советский вуз. Прекрасный организатор производства. Крепкий партиец. После смерти Сталина был реабилитирован и при посещении нашего завода встретился с подлым доносчиком и щедро отпустил ему охапку «теплых» слов. Был арестован потомственный рабочий нашего завода товарищ Виноградов, ставший к моменту ареста секретарем горкома партии.

Такая же участь настигла первого секретаря нашего Московского райкома партии товарища Невинского. Жил тов. Невинский в коммунальной квартире, в маленькой комнатке, где стояла железная койка, покрытая солдатским одеялом, немудреный стол, пара стульев и полка с книгами. Такова подробность из жизни партийного работника.

В день убийства С. М. Кирова, выступая на митинге на нашем заводе, Невинский не мог сдержать слез и это после ареста расценили как коварную уловку врага народа.

Был арестован секретарь комитета комсомола Ваня Круль, работавший до выдвижения в нашем цеху обмотчиком. Работал в нашем цеху безотказный обмотчик Крена. За свою эстонскую фамилию [он] был арестован и погиб где-то на севере.

Арестованному начальнику нашего цеха Рогинскому было предъявлено обвинение в том, что он неправильно выстроил цех. А когда цех строился, десятилетний Рогинский бегал босиком весной по лужам, и мама смазывала ему цыпки сметаной.

Вот до какого абсурда договаривалось бесконтрольное следствие, и люди расплачивались за это жизненной трагедией.

В Китае есть поговорка: трудно найти черную кошку в темной комнате, если ее там нет.

Но особое совещание, созданное при НКВД и заменившее суд, находило у безгрешных людей грехи, приклеивало им ярлык врагов народа, отправляло их в лагерь на север или приговаривало к расстрелу.

Кто же был толкачом, направляющим этой инквизиционной руки?

Это был тот, кто всегда и всюду был с нами. Его имя носили десятки городов, сотни улиц и площадей, заводов и фабрик, и стояли на видных местах десятки статуй и бюстов, человека в простой солдатской фуражке и сапогах. И украшали стены домов, красных уголков, залов, кабинетов десятки тысяч портретов, и прославляли его имя тысячи газет, журналов и книг. И гремело его имя ежечасно на радио. И были миллионы людей верующих в

него, как в величайшего и добродетельного. Народ принимал в огромных дозах, разных по форме, но одинаковых по содержанию, наркотики, прославляющие имя Сталина.

…И в этого палача мы верили. Это только теперь мы открыто говорим о его коварстве, злобе и презрении к людям, о его упорстве в стремлении быть вождем великой страны.

Сталин хотел остаться в истории, и он вошел в нее. Он вошел в историю как вождь, которому при жизни поклонялись как богу, а после смерти проклинают как Нерона, погубившего миллионы людей, преданных Родине. Но это только теперь, только теперь люди начинают понимать, кому поклонялись. Он был умный и хитрый сатрап, диктатор. Толкал людей на уничтожение неугодных ему, а сам оставался в тени как безгрешный ангел. Но он вошел в историю [и] как непримиримый борец за единство партии против всяких оппортунистов во главе с Троцким, стремившимся заменить ленинизм троцкизмом.

Он вошел в историю и как последовательный организатор индустриализации страны. Без первых пятилеток наша страна – аграрная, индустриально отсталая – не выдержала бы удара немецкой военной машины. Мы без промышленности действительно оказались бы колоссом на гнилых ногах, и не спасли бы нас российские расстояния.

Организаторская роль партии и Сталина обеспечили перестройку страны на военный лад и строительство на востоке новых заводов, вместо захваченных немцами на западе Союза. Это дало возможность наращивать снабжение армии вооружением и боеприпасами.

Опираясь на великолепных стратегов и тактиков военного дела маршалов и генералов – Жукова, Василевского, Конева, Рокоссовского, Антонова, Баграмяна, Толбухина, Ватутина, Говорова и других военачальников – Сталин неплохо осуществлял общее руководство военными действиями. Все это нельзя отнять у него, как нельзя отнимать у советского народа успехов в строительстве социализма и героическую защиту Родины, которая привела к Великой победе над немецким и японским фашизмом.

Я теперь вспоминаю свое отношение к трагическим событиям тех лет. Тогда у меня не было сомнения в виновности врагов народа, но это была вера без ненависти к ним. Что-то подспудно мешало принять происходящее за абсолютную истину. Было такое ощущение: смотришь в окно, а там идет мелкий снежок, который немного мешает рассмотреть знакомые предметы. А главное, мы верили, крепко верили нашим карающим органам. Эту веру поддерживал в нас образ Дзержинского и некоторых его сподвижников. Откуда мы могли знать, что двадцать тысяч

старых чекистов [были] уже физически уничтожены.

Может быть, маленький червячок сомнения питался тем, что произошло со мной перед этими трагическими событиями.

Я был секретарем комсомольской ячейки цеха. В стране многого не хватало, в том числе промтоваров. Поэтому промтовары распределялись по талонам, которые завком раздавал председателям цеховых комитетов, а те с секретарями партийных организаций распределяли талоны в цеху.

Однажды ко мне пришел комсомолец и сообщил, что работница Емельянова продает желающим талоны. Емельянова была женой секретаря партийной ячейки. Было очевидно, что часть талонов секретарь присваивает, а его жена ими торгует.

С таким сообщением я пришел в комитет комсомола и, рассказав эту историю, спросил, что мне делать. Меня поблагодарили, похлопали по плечу и заверили, что об этом сообщат в партком завода.

Прошла неделя. Ко мне пришел другой комсомолец и сообщил то же, что и первый. И опять я был в комитете по этому вопросу, и опять меня заверили, что меры будут приняты и одобрили мою деятельность.

В течение двух месяцев я выслушивал сообщения комсомольцев о торговле талонами и заверения комитета, что меры будут приняты. И все эти месяцы мне было стыдно за свои пустопорожние обещания о принимаемых мерах перед своими комсомольцами.

Наконец я пришел к выводу, что мне нельзя оставаться секретарем комсомольской ячейки, что я не достоин и не оправдываю доверия избравших меня. С таким заявлением я пришел в комитет комсомола, и никакие уговоры и похлопывания по плечу не поколебали моего решения. Я решительно отказался секретарствовать.

Тогда мое заявление было передано в партком завода. Ведь я был членом партии. Меня заслушали на парткоме, но не стали терять много времени и единодушно решили исключить меня из партии как правого уклониста, потерявшего веру в построение коммунизма.

Прошло несколько дней, и в районной газете (тогда такая существовала) вся вторая полоса была посвящена моей персоне. Нужно отдать справедливость репортеру, который ловко, со знанием общих установок, отхлестал меня. Чего там только ни было нагорожено, но абсолютно отсутствовала правда. Я себя не узнавал, прочитав эту статью, но зато понял, что такое правый уклон. Было ясно, что я правоверный последователь Бухарина, его не только правая, но и левая рука.

Осталось только ждать вызова в райком партии, где должны были поставить последнюю точку. Шли недели и месяцы, а меня все не вызывали в райком, и я не знал, кто я есть на самом деле. Это было мучительное состояние.

К нашей партийной группе (тогда звено) была прикреплена политический работник парткома Фаня Берильсон. Однажды я ее спросил: «Фаня, почему меня не вызывают в райком? Ведь прошло столько времени, а я вишу между небом и землей. Сколько такое может продолжаться?»

Фаня была хороший человек и партиец. Отзывчивый товарищ. Она понимала мое состояние и обещала выяснить этот вопрос в райкоме. Через неделю она пришла в цех и сообщила, что перерыла все райкомовские папки и мое дело нашла только в архиве. Оказалось таких дел в райкоме партии столько много, что райком не успевает их разбирать, а поэтому часть дел отправляет прямо в архив, тем самым прекращая дело и оставляя его без последствий. Фаня мне сказала: «Ты больше не трепли себе нервы. Ты по-прежнему член партии».

Вот какие чудеса случаются в жизни. Но только сегодня по истечении десятилетий я понял, что стоял на краю пропасти. Этот юношеский протест мог окончиться для меня Колымой. В страшные годы репрессий я мог оказаться в захолоделой тундре, где умирали десятки тысяч невинных людей.

Возможно, я вытащил счастливый билет. И я был просто мелкой букашкой, не представляющей интереса для НКВД и не прибавляющий им лавров. Или не нашлось рядом грязной руки, которая бы написала на меня донос.

О людях, погибших в период сталинской мясорубки, нельзя молчать. На примере их славной жизни мы, комсомольцы, учились быть продолжателями дела Революции. Этих людей нужно помнить и хранить их имена, на мраморе или граните высечь имена безвинно погибших от руки Сталина.

Ныне, с приходом демократических принципов в нашу жизнь, появилось много однобоких критиков того времени, тех трагических дней. Мы эти дни пережили, а критикующие и вопрошающие знают об этих годах понаслышке. Эти критики сегодня спрашивают нас: где вы были в те дни, неужели вы не видели, что творится беззаконие?

А мы были в гуще этих событий и смотрели на них не глазами сегодняшних критиков, когда и мы и вы стали твердыми ногами на землю дедов и отцов. Когда слово социализм наполнилось ощутимым содержанием и стало полнокровным.

А тогда социализм давал первые ростки, которые из-под сугробов столетий начали тянуться к солнцу. И нужно было

уберечь эти ростки от окружающих нашу страну врагов, которые были неизмеримо сильнее нас.

У нас была хорошая и дружная бригада. Хозяйственно-хитрый бригадир Воронин. Безответный трудяга Коля Фомин. Вспыхивающий, как порох, Яковлев. По-девичьи стеснительный Митя Майоров, за что был прозван Машей. Еще пахнувшие деревней Литвинов и Титов. Задира Степанов. Уже в годах, любящий при случае выпить Груздаков. По-мальчишески хулиганистый Петя Сюрков, проживающий в доме-притоне «Порт-Артуре». Умудренный опытом и прошедший почти все медные трубы, любящий порисоваться Федя Зейц.

Мы еще почти все играли в прятки и пятнашки, а девятнадцатилетний Федя уже участвовал в боях в 1919 году на Кавказе с белыми и англичанами в составе 11-й армии. Затем в 1922 году солдатская судьба забрасывает в Сибирь, где он служил в качестве командира в 21-й Пермской Краснознаменной дивизии. Во время инцидента на КВЖД он участвовал в боях с китайцами, в частности, у города Манчжурия. В январе 1930 года демобилизовался из армии и вскоре поступил на наш завод в нашу бригаду. Работает и учится в вечернем техникуме, который успешно заканчивает и становится старшим мастером нашей мастерской. Федя любил по-доброму покрасоваться.

И последний член нашей бригады Коля Масин. Выдумщик и острослов. Как говорится, партийный организатор от бога. Через несколько лет, поднимаясь по партийной лестнице, он стал инструктором райкома партии.

Мы работали, когда требовалось, столько, сколько нужно. Продолжительность рабочего дня определялась производственной обстановкой.

Был случай, когда больше половины бригады работало 56 часов подряд, не выходя с завода. Нужно было обеспечить сборку нашими деталями. Пришлось это на праздники: дни Первого мая, и мы все праздники провели на заводе. После такой работы я сошел с трамвая у Финляндского вокзала вместо Московского и был до такой степени в объятиях Морфея, что никак не мог сообразить, как мне попасть домой. А нужно было только пересесть на этот же номер трамвая, но идущего в обратную сторону к Московскому вокзалу.

Вообще слово *нужно* определяло всю нашу заводскую жизнь и наши личные интересы на производстве. Многое нам разъяснять не было необходимости. Мы хорошо понимали свой рабочий долг.

Обычно сверхурочные начинались с пятнадцатого числа каждого месяца и, как правило, без выходных. То не хватало

полосовой меди, которую поставлял завод «Красный выборжец», то отключали электроэнергию из-за перегрузки электростанций.

Страна мужала. Технически перевооружалась, и где-то что-то не успевало шагать в ногу в общем строю. Отсюда вытекала необходимость сверхурочных. Нужно было наверстывать упущенное время, чтобы выполнить план.

А как мы бушевали в общенациональные праздники: Первое мая и Октябрьскую революцию. В первый день праздника демонстрация. Море знамен и плакатов. Тысячи портретов руководящих товарищей. Песни и пляски от души. Уже не пели «Проводы» Демьяна Бедного, а горячо вспоминали «боевые ночи Спасска, Волочаевские дни»[37] и решительно заявляли в песне: «Красная Армия всех сильней». Мы жаждали быть сильными и верили, что почти стали такими. Но до этого было еще далеко. Только становилась на крыло авиация. Начали наливаться броней танки. На потоках стали погромыхивать новые системы орудий. И первые автоматы застрочили скороговоркой.

В праздничные дни ходили на Неву любоваться боевыми кораблями Балтийского флота. И каждый раз на невском рейде появлялись новинки. То подводная лодка «Малютка» с экипажем в 21 человек, предназначенная для плавания в финских шхерах, то океанская «Щука» с экипажем в 90 человек. А перед самой войной у Дворцового моста стоял новый красавец лидер «Минск». В начале войны в июле месяце наш флот уходил из Таллинна в Кронштадт. Корабли шли без авиационного прикрытия. И это давало фашистам [возможность] без особого труда бомбить корабли. Из 190 кораблей было потоплено 59, в том числе и лидер «Минск». Теперь это имя носит противолодочный крейсер. А перед мостом лейтенанта Шмидта в праздничные дни всегда стоял огромный коричневый утюг-линкор «Марат», придавливая невские воды стальной махиной. По вечерам ходили на концерты, шумевшие на площадях.

Жил я ту пору со школьным товарищем Нисоном Левантом. Он работал на судоверфи клепальщиком. Его родители и старший брат тоже уже жили в Ленинграде, но он с ними почти не общался. Он, как и я, хотел выбиться в люди самостоятельно.

На моей памяти только однажды, когда у нас в кармане не звенело мелочи даже на хлеб, Левант решил посетить родителей. К ним мы поехали вдвоем. Увидев сына, мама заохала, запричитала, не знала что сказать, как приласкать свое младшее непутевое чадо. Но чадо быстро поставило все точки над «і»:

– Мама, хватит причитать. Мы есть хотим.

И мама стала ругать себя за недогадливость и ставить на стол все свои запасы. Уверен, что после нашего набега, старикам не

пришлось сокрушаться о прокисшем супе и засохшем хлебе. Мы со знанием дела и молодой энергией не дали пропасть добру в этом гостеприимном доме.

В схожей ситуации мы решили навестить старшего брата Леванта. Брат и его жена были в приподнятом настроении. У них появился первенец-сын, который прибыл вместе с матерью из родильного дома накануне нашего прихода.

Они и нас хотели втянуть в эту семейную идиллию.

Без ложного преувеличения мы согласились с ними в том, что их сын чудо природы (как всякий родившийся), и заявили: сразу видно – мальчик будет гений (это авансом). С виду это было еще нечто неопределенное. Но если считать признаком гениальности частую смену пеленок, тогда в нашем заявлении был какой-то проблеск здравого смысла.

Возможно, с авансом мы поторопились, потому что в дальнейшем в печати не было подтверждения этой гениальности. Но дальше этого не пошли. Разделять родительские восторги и углубляться в философию на голодный желудок не имело смысла. Наше состояние было похоже на Танталовы муки. В квартире пахло тушеным мясом и пирогами. Но насыщаться запахами мы еще были не приучены. Как-то мы тут сплоховали и не сумели перевести хозяев с высокой поэзии на житейскую прозу. Это было наше поражение и первая победа еще одной родившейся жизни. Мы довольно быстро освободили хозяев от своего присутствия. Что ж, не всегда должны быть победы. Поражения делают сладостными редкие победы.

К неудовольствию хозяев квартиры, где мы жили, [она] была всегда открыта. Кому из приезжих витебчан негде было преклонить голову, все шли к нам, и все наши доходы, лежащие в коробочке на трехногом столике под осколком бывшего прошлого, были в распоряжении приезжих.

Никто из гостей не был мелочным. И все они обладали широкими взглядами на жизнь и на соседний карман, а поэтому не имели привычки запоминать, сколько берут из картонного сейфа и конечно не пытались себя принуждать, хотя изредка бросать в этот сейф презренные ассигнации и не менее презренный металл.

Возможно, поэтому нам всегда не хватало от получки до получки, и мы всегда ходили в банкротах. Но это бытовое несовершенство абсолютно не влияло на ход исторических событий, не отражаясь отрицательно на наших гостях. Банкротство заставляло нас без церемоний наведываться к школьным товарищам и, в первую очередь, к Павлу Креславскому. Даже в его отсутствие мы понимали свой долг к ближнему и

поэтому поровну делили обнаруженные накопления.

При встрече Павел говорил нам: «Как жаль, что в последний ваш приход я не видел вас». А мы отвечали: «Не огорчайся. Потерянное мы возмещаем по твердому курсу».

Дипломатия – великая сила. Она мирит даже народы.

Товарищи по легкомыслию юности, может, предусмотрительно жили от нас далековато, а поэтому приходилось использовать транспорт и в чаще всего трамвай. В таких случаях мелких денег для оплаты проезда в трамвае у нас не было, а принимать наше честное слово в оплату за проезд кондуктора решительно отказывались. Видимо, это была столь крупная денежка, что размену в трамвае не подлежала.

В таких случаях нас часто выручала фантастическая способность моего друга находить деньги. Правда, он находил по мелочам, но когда нужно, он эту мелочь находил. Это было как у волшебника Кио. Не имея в кармане даже ломаного гроша (тогда еще существовали полкопейки), великолепный курчавый Нисон смело заходил в вагон трамвая, ободряя меня улыбкой. И действительно, пока он доходил до середины вагона, Нисон несколько раз наклонялся, и нужная сумма для оплаты двух билетов была у него в руках. Приходилось только удивляться такому везению. А он молча возмущался моей бездарности ловить миг удачи.

Я действительно был преступно невнимателен к утерянным деньгам и если даже споткнулся бы на сверток с миллионом рублей, то отнес бы это к халатной работе дворника и, перешагнув препятствие, пошел бы дальше. Как-то я заметил Нисону, что деньги, которые он находил в трамвае, фактически принадлежат кондуктору в виде премии. На это он мне резонно ответил: «Я же облегчаю труд кондуктора. После меня ему не нужно нагибаться. А всякий труд должен поощряться». Это был философский вывод, достойный присутствовать в «Капитале» Маркса.

Иногда, когда мы собирались в очередной набег, Левант говорил: «Поедем на «колбасе». Тогда сзади трамвайного вагона торчал метровый буфер, а над ним располагался резиновый шланг; «ездить на колбасе» – это значило вскакивать на буфер. С «колбасниками» воевали постовые милиционеры. Их соловьиные трели нарушали покой тесноватых улиц. Такой способ передвижения из любительского вечером превращался в массовое явление утром. Когда люди ехали на работу, трамваи были так переполнены, что при всем желании нельзя было повиснуть даже на подножке. Чтобы не опоздать на работу приходилось пользоваться «колбасой».

Однажды, когда Левант собирался ехать на работу, я взбунтовался и настоял зайти в трамвай. Я даже упрекнул товарища: «Неужели ты не сможешь найти четыре копейки?» Но его интуиция была действеннее моих укоров. Мы зашли в вагон, но пришлось быстро выбираться на свежий воздух. Почему-то в том вагоне никто не пожелал даже из спортивного интереса потерять хотя бы одну копейку. Бывают же такие скаредные, мелочные люди, и их собрался целый вагон. Правда, в трамвае было много читающих газеты или книги. А известно, что просвещение делает человека совершенней. Больше я никогда не оспаривал интуицию моего друга.

Проехать же без билета было абсолютно невозможно. Ленинградские кондукторы трамваев были на высоте своего профессионализма. Их инквизиторский глаз безошибочно настигал «зайца», который подвергался позорному изгнанию. Кондуктора с лихвой оправдывали свое служебное положение.

Теперь же общественный транспорт терпит миллионные убытки после перехода на самообслуживание. Но нет безвыходных положений. Вместо трех копеек за проезд мы теперь платим пять. Этим мы частично оплачиваем тех, кто по врожденной, аристократической брезгливости катается на транспорте без билета, принимая трамвай за фамильную барскую карету, а кондуктора за личного кучера.

Это теперь, когда к трудяге-трамваю прибавились сотни автобусов, троллейбусов и голубые линии метро, отпала необходимость поездки на «колбасе», которая вообще исчезла и больше не уродует трамвай.

Из любого металла можно соорудить памятник кондуктору трамвая и если не ему, то его солидной денежной сумке.

Друг моей юности успешно окончил топографический техникум и затерялся среди полей, гор и лесов нашей необъятной Родины.

Милый Нисон, где ты?

15

Шаруль бело из канна ла садык /Грибоедов/[38]

В 1936 году случилось в моей жизни знаменательное событие. Сероглазая Женечка вышла замуж и уехала в Москву. Внешне я принял это как нормальное явление. Но внутренне был потрясен случившимся. Эта непримиримость так и живет в моей душе, хотя я все принял и понял.

А через год женился и я. Вежливо выражаясь, это была

странная женитьба и странное замужество.

Нет, внешне все было пристойно.

…Прошел год, как Женечка с мужем уехали в Москву. Казалось, все прошлось стороной как грозовая туча в июльский день. Но в сущности это было не так. В моей душе жило разбитое поклонение божеству. Горечь от исчезновения святого и дорогого. Сознание безвозвратной потери прошлого.

Все мое существо подспудно копило многое: и протест против несправедливости судьбы, и потрясение от внезапно погасшего маяка. Все это происходило без моего желания и участия, но отойти в сторону от всего этого я не мог.

Такое состояние не могло продолжаться вечно. Должен был возникнуть какой-то выход. И выход нашелся. Я вспыхнул пожаром страстей к давно знакомой женщине, работавшей рядом.

….Гремели и пылали багровым пламенем вулканы. Рушились горы. Море поглощало берега. Не было ни дня, ни ночи. Ни Луны, ни Солнца. Ни начала, ни времени. Было одно томительное ожидание, ожидание любви.

Я раньше видел и знал, что эта женщина ограничена в своем развитии, но теперь все поглотила буря страстей, и я стал глух и слеп к призывам разума, к опыту жизни. Это было отчаяние сердца, блуждание в потемках мятежной любви.

Часто у женщин замужество происходит не по любви. То девушке кажется, что она нагулялась и нужно прибиваться к одному берегу, то она увидела, что все ее подруги замужем, а она все одна и одна. Подворачивается случай, и девушка становится замужней женщиной. А бывает, материальная заинтересованность приводит невесту в дворец бракосочетания. Не исключено, что случайная размолвка с любимым, – и назло ему женщина соединяет свою судьбу с нелюбимым.

Так случилось со мной. Моя половина вышла за меня замуж, потому что между ними пробежала черная кошка, которая оказалась сильнее двух любящих сердец.

Все такие браки редко бывают счастливыми. Это случилось и у нас. Уже через месяц жена доказала, что я ей чужой человек. В таком духе прошла вся наша жизнь. И ни рождение ребенка, ни четырехлетняя разлука во время войны не могла изменить это положение. Фактически последние сорок лет жена и сын один полюс, я – другой.

Конечно, все это я видел, понимал, чувствовал. Нужно было давно оборвать эту нитку жизни. А я все не мог. Все надеялся, что наступит перемена и рассеются тучи. Не хватило у меня решимости порушить семью.

Кажется, сегодня я дал себе волю и наконец пишу не

чернилами, а желчью, и руку мою двигает горечь одиночества.

Женившись, я переехал к жене за Московскую заставу, на улицу, где заводов и фабрик было больше, чем жилых домов. Эта улица, как и ее соседки: Заставская, Ломанная, Цветочная, были заселены коренными питерцами-пролетариями, работавшими еще при царе на фабрике «Скороход», «Пролетарская победа», макаронной и на заводах имени Егорова, «Электросиле» и других предприятиях.

Г. А. Калиняк

Отец моей жены Матвей (Матюша) Иванович был сапожником и работал на фабрике «Скороход». Это был мастер высокой квалификации, изготавливающий только эталонную, модельную обувь. Но как тогда говорили, это был темный человек. Прожив всю жизнь в Ленинграде, он не видел Неву, не знал, где находится Зимний дворец и Смольный. Дальше Клинского рынка его нога не ступала по улицам Ленинграда. Все его интересы – это фабрика и семья. Кроме выпивохи-жены у него было четыре дочери.

Матюша был правдивый человек. Через несколько месяцев

после моего вселения к жене, когда мы остались вдвоем, он сказал мне: «Дорогой зятек, жалко мне тебя. Не будет у тебя жизни и счастья с моей дочерью». К сожалению, он оказался прав.

В последние годы перед войной Матюша периодически срывался в запой. Но ни одного прогула у него не было. Вечером пьет, а утром как обычно шагает на работу. Он дорожил рабочей честью. Пьяным он не был шумлив. Но иногда сидя за столом под хмельком, он как лозунг выкрикивал несколько слов из старой песни: «Располным-полна моя коробочка». И замолкал надолго, погружаясь в хмельное радушие. Таких старых мастеровых тогда еще много было за заставой.

В летнюю пору часто по субботам мимо нашего дома проходил «Шаляпин» – так называли старика мастерового за могучий голос. Весь субботний вечер Шаляпин бродил по улицам, распевая старые песни. Когда под нашими окнами это песенное действие продолжалось очень долго (а Шаляпин любил давать концерты перед домами), наш Матюша наливал полведра воды и с высоты четвертого этажа выливал на певца.

Сняв шапку, Шаляпин вытирал ею лицо, кланялся дому – благодарил за внимание – и шел к следующей жертве своего вокала. Это был безобидный субботний пьянчужка, и милиция его не трогала.

Кроме рабочих, в нашем доме проживали деклассированные элементы. В одной из квартир жила семья Левиковых. Но эту фамилию почти никто не знал. Знали по прозвищу – «Семиносые». Почему их так прозвали, объяснения не было. Может быть, в прошлом какой-нибудь предок имел исключительный нос, поражавший соседей. Но у нынешних обитателей квартиры были абсолютно правильные, даже красивые эти элементы человеческого лица. Возможно, тут играл [роль] состав семьи из семи человек. Глава семьи Семиносый-папа работал на разных заводах. Вернее не столько работал, сколько сидел в домзаке[39] (так тогда называли тюрьму) за свои воровские художества.

Все пять сыновей-красавцев не изменили отцовской репутации. Они и жен приводили из тюрьмы.

Вот жена Семиносого-папы и мать этих преступников-прохиндеев была настоящей труженицей. Она всю жизнь проработала на фабрике «Пролетарская победа». Каково этой женщине было всю жизнь мучиться в этом воровском притоне!

Во флигеле на третьем этаже жила семья Козаков. Но все члены этой семьи, как мужчины, так и женщины, не соответствовали этой звонкой, величественной фамилии. Все они были низкорослы, тщедушны и все работали на обувной фабрике,

которая граничила с нашим двором. Только Володя Козак выделялся своей неустроенностью. В двадцать пять лет он еще нигде не работал и жил на иждивении бабушки, матери и сестры. Но зато где удавалось, там Володина рука тащила все, что попадалось на дороге. Он мог у зазевавшейся хозяйки прямо с примуса утащить недоваренный суп, который шел ему и двум его приятелям на закуску, а кастрюля выкидывалась за общий двухэтажный дровяной сарай, называвшийся «галдарейка»[40].

Володя мог продать дрова, привезенные кем-либо и сложенные во дворе, выдавая их за свои. При этом он не стеснялся продать эти дрова соседу хозяина этих дров.

Это был классический тунеядец-воришка, но с одной особенностью: весь вечер Володя бродил по заставе, но в двенадцать часов являлся домой и садился за чтение детективов, продолжавшееся до 3–4 часов ночи. В одиннадцать утра его сиятельство Володя Козак выглядывал в окно, обозревал двор и намечал очередную пакость.

Все это уживалось с новым поколением рабочего класса, как тогда говорили, уже не помнившим городового, проживавшим в этих домах. Эта молодая поросль советских людей отдавала все силы и мастерство становлению новой жизни.

Люди «Электросилы», «Скорохода», завода им. Егорова и других предприятий, такие как Врублевский, Васильев, Антонов, Першин, Сметанин, Пантелеев, – да разве всех перечтешь, если их легион, трудились с огоньком везде и всюду.

Вспоминаю Николая Фокина. Вся его семья работала на заводах и фабриках Московской заставы. В четырнадцать лет Коля Фокин поступил на завод Сименса-Шуккерта учеником токаря. К двадцати годам это был уже токарь высокой квалификации. А еще через пару лет он стал бригадиром на крупных токарных станках. Его имя было известно не только на нашем заводе. В пятьдесят два года Николая настиг инфаркт. Подлечившись, он считал, что сможет опять [встать] к станку. Но врачи категорически запретили работать. Сознание своей бесполезности привело ко второму инфаркту. Так оборвалась жизнь Николая Фокина – замечательного человека, мастера, коммуниста.

С такими чудесными людьми мне посчастливилось работать рядом.

16

В душное июньское утро я шел на работу. Хотя день был

воскресный, но приближался конец месяца, и нужно было нажимать на выполнение плана.

Медленно выплывало из-за крыш не успевшее остыть и отдохнуть багровое солнце. На улицах еще было мало народа. У самой проходной надо мной низко пролетели три истребителя, и я подумал, что идут маневры, поэтому летчиков так рано подняли с постели.

В полдень, в обеденный перерыв мы все хлынули на двор к репродукторам. Нас предупреждали, что будет передаваться важное правительственное сообщение. И когда мы услышали от Молотова, что немецкие войска вторглись на нашу территорию, и по всей западной границе идут бои, меня охватило холодное оцепенение. Я был внутренне оглушен. Да и не только я. Люди молча стояли под репродукторами и никто не смотрел друг на друга, словно мы сразу стали в чем-то виноваты.

И подумалось мне: я еще спал, а там на границе сражались и умирали наши чудесные молодые ребята.

Страшное сообщение, что фашисты бомбят Киев, Минск, Львов, Севастополь и еще ряд городов, не укладывалось в сознании и леденило душу.

Ведь дали мы отпор китайцам на КВЖД, японцам на озере Хасан, а Жуков в Монголии разгромил пятидесятитысячную армию японских самураев. Сумели год назад отодвинуть границу с финнами за Выборг. Граница проходила в 36 километрах от города на Неве, у маленькой железнодорожной станции Курорт и Белоострова.

Только новая авиационная техника позволила Чкалову, Громову и их товарищам дважды перелететь через Северный полюс в США. А Водопьянову, Мошкову, Мазуруку высадить на Северном полюсе героическую четверку зимовщиков во главе с Папаниным (Кренкель, Федоров, Ширшов).

Показателем нашего роста и культуры было рождение звукового и цветного кино. Картина «Чапаев» победоносно шествовала по всему свету.

А в Москве на парадах пролетали над Красной площадью сотни самолетов, и по всей стране пролетало до 5000 смелых соколов. И грохотали гусеницами танки мимо мавзолея Ленина по брусчатке мостовой.

И, наконец, был у нас Сталин, мудрый и прозорливый, которого любили не только мы, но знали и уважали люди труда во всем мире.

Нас все время предупреждали о капиталистическом окружении. Но мы так привыкли к миру, что война казалась нереальной. Мы воспитывались в духе уважения к другим

народам. Я даже не испытывал особого беспокойства, когда Германия захватила Польшу и стала пограничным с нами государством. Нам не нужна была чужая земля, не нужна была война.

А тут фашисты бомбили наши города. Мы верили, что на нас никто не посмеет поднять руку. Хотя мы и пели: «Если завтра война, если завтра поход, будь сегодня к походу готов», но успокаивали себя словами другой песни: «Любимый город может спать спокойно», а сон был нарушен громом войны.

Так для меня и миллионов советских людей начался день 22 июня 1941 года. В городе всюду стали рыть траншеи и оборудовать убежища от бомбежек.

Закрашивались синей краской фонари и окна фабрик и заводов. Устанавливались на площадях и заводских дворах зенитные орудия. На стеклах окон жилых домов наклеивались бумажные белые кресты, которые должны были предохранять окна от ударной волны при бомбежке. От этих крестов город пришел в опереточный вид. Какие мы были наивные! У военкоматов толпились призывники. Иногда по улицам грохотали танки, устремляясь на юг. Вечерами к сиреневому небу бесшумно поднимались серебряные тучи аэростатов воздушного заграждения.

Весь день и вечер по радио гремели марши, которые не могли заглушить нашей тревоги. И на второй, и на третий день ничего нельзя было понять из газетных сообщений. В сводках о военных действиях сообщалось направление немецких ударов, но в сущности это ничего не объясняло. Было ощущение, что не все идет ладно там, на фронте. Это мы теперь знаем, что в Москве плохо представляли военную обстановку. Связь в действующей армии была неустойчивой. Немецкие танковые клинья, авиация и диверсанты нарушали связь.

Мы еще не знали, что наши пограничники приняли на себя удар почти всей немецкой армии и почти все остались лежать на этом смертном рубеже.

Мы еще не знали, что Брестская крепость стоит насмерть, и ее защитники еще долго будут задерживать продвижение фашистов на этом участке фронта.

Мы еще не знали, что в первые часы войны немецкая авиация атаковала 66 наших аэродромов и уничтожила на земле 1200 самолетов, из них 300 новейших истребителей.

Мы еще не знали, что на юге механизированный корпус генерала Рябышева и комиссара Попеля в первые дни войны громил и гнал немцев несколько десятков километров на их территории[41].

Мы еще не знали, что командующий Особым Белорусским военным округом[42] генерал армии Павлов не принял нужных мер против немецкого вторжения. Боясь за свою карьеру и [опасаясь] немилости Сталина, он все ждал указаний из Москвы. Павлов фактически оставил границу без полевых войск, что дало фашистам возможность уже 26 июня захватить столицу Белоруссии Минск. Через несколько недель Павлов и его штаб (12 генералов) были расстреляны по приговору военного трибунала[43].

…Мы еще не знали, что наш город на Неве должен был [быть] взят фашистскими [войсками] 21 июля 1941 года. Уже были напечатаны пригласительные билеты на банкет в гостинице «Астория», и розданы офицерам немецкой армии. Так Гитлер собирался отметить захват Ленинграда. И конечно, никто не знал, что война продлится четыре года, и что наш город Ленинград будет переживать жесточайшую блокаду, которая только от голодной смерти унесет миллионы жизней.

…Мы многое узнали, но для этого нужно было прожить 1418 дней и ночей войны.

Уже 28 июня по цехам началась запись в народное ополчение. Я был белобилетником по зрению и поэтому не служил в армии. Но это уже все было в прошлом. Теперь я считал, что мое место в рядах ополченцев. Да и какое другое могло быть мнение, если фашисты были не у стен Мадрида, а на подступах к Ленинграду. Второго июля нас прямо с завода привели в помещение ветеринарного института, ставшее казармами формирующегося полка народного ополчения третьей дивизии Московского района. Шла сумасшедшая работа. Нужно было сформировать полк из двух тысяч человек. Дать им командиров всех степеней. Одеть, вооружить и учить военному делу.

Нас разбили на роты и взводы. Показали комнату нашего взвода, и на этом пока дело закончилось. Мы шатались по институтскому двору бесцельно, и это навело меня на мысль о дальнейшей организации взвода. Собрав взвод из 29 человек, я разбил его на три отделения, назначив командиров отделений из тех, кто служил в армии. Одновременно ставил задачи отделениям: построить нары, пирамиду для оружия, найти солому или сено для нар, а третьему отделению заступить на суточное дежурство, выставив дневальных у входов в помещение, и следить за чистотой и порядком в нашем временном жилище.

На второй день мы обмундировались и получили оружие. Наш взвод считался пулеметно-минометным. Пулеметов мы не получили, а [получили] только один ротный пятидесятимиллиметровый миномет и лотки для мин. Мин не

получили. Это с одной стороны было хорошо. Так как никто не знал миномета и как с ним обращаться.

Каждый из нас получил по пять патрон к винтовке. Остальные обещали выдать на передовой. Пехотинцу полагается в бою иметь 200 патрон и хотя бы пару гранат.

На следующий день мы занимались строевой подготовкой, а во второй половине дня изучали винтовку. Занятия проводили командиры отделений. Я ходил между отделениями и присматривался, как разбирают винтовку, и старался запомнить названия частей оружия. Ведь я понятия не имел о винтовке. Вечером меня вызвал командир роты, вручил мне записку на склад и объяснил, что я должен сдать все солдатское, а взамен получить командирское, а также пистолет и знаки различия, лейтенантские «кубики».

Уходя от командира роты, я знал, что не использую эту записку по назначению. Ну какой из меня офицер, если я не служил в армии даже красноармейцем. Я не мог поступить так, как поступали некоторые самовыдвиженцы, которые налепили уже кубики или квадратики (знаки различия лейтенанта), или треугольники (знаки различия младших командиров). Уже в первые дни, находясь в казарме, можно было наблюдать стремление некоторых товарищей хотя бы на ступеньку стать выше рядом стоящего, хотя это и не соответствовало внутреннему содержанию. Люди еще по-настоящему не почувствовали войну, а играли в солдатики.

Два дня я тянул резину и не шел на склад, хотя ротный напоминал мне об этом. На третий день к нам во взвод прислали еще одного человека. Знакомясь с ним, я узнал, что вновь прибывший работает на нашем заводе в качестве начальника караула охраны. А главное, он в армии был помкомвзвода[44]. К тому же он мне показался толковым мужиком, и я его сосватал на свое место, хотя командир роты долго сопротивлялся. В один из дней мы прошли по городу в составе батальона с винтовками на плече. Кто придумал этот глупый обычай? Попробуйте хотя бы час прошагать таким образом. Рука немеет, а переменить ее нельзя. Это пытка. Ведь у винтовки есть ремень, позволяющий носить ее перекинутой через плечо. Это позволяет солдату спокойно шагать в походе. А начальство считало шиком пройти по городу с винтовкой на плече. В таком положении шагающее подразделение похоже на искусанного ежа.

Не мешало бы автора, придумавшего этот прием, заставить походить один день. Думаю, он тут же отменил эту муку.

На нашу солдатскую учебу война времени не отвела. Немцы прорывали фронт, и нужно было чем-то закрывать пробитую

брешь. Но это мы узнали потом. Вот почему уже десятого июля мы погрузились в эшелон и с Балтийского вокзала отправились на фронт. Утром, выгрузившись на станции Веймарн, что в ста пятидесяти километрах от Ленинграда, дальше пошли пешком на запад, подымая пыль тысячами солдатских ботинок.

Лето стояло знойное. Уже дружно вымахали хлеба, и трава на лугах ожидала косы. Но не было на полях и лугах тех, кто их пестовал. Колхозники толпами шли к Ленинграду. А поля и луга должны были превратиться в прах. В той стороне, куда мы шли, начало погромыхивать. На наши вопросы, что там гремит, командиры отвечали не менее наивно: идут маневры. Это говорилось или по незнанию, а скорее всего, была дана такая установка отвечать так, чтобы раньше времени не пугать необстрелянное воинство – нас.

Но это объяснение было опровергнуто через полчаса, немецкими истребителями «мессерами»[45], которые четверкой пронеслись над дорогой, строча из пулеметов. У нас появились первые убитые. И уже дальше по команде «воздух» мы бросались в придорожные кусты и травы, оставляя в зеленях убитых товарищей, которые, не дойдя до передовой, были настигнуты смертью.

Вот как близко фашисты подошли к Ленинграду. А мы-то думали, что немцы где-то там, за горами. Во время одной остановки на дороге, командир роты отправил группу из пяти человек в боевое охранение. Он приказал нам отойти от дороги километр-полтора и вести наблюдение: «Когда придет время возвращаться, я за вами пришлю».

Мы отошли от дороги, походили по лесу и вышли на большую поляну. Слышим: гудит самолет. И вот он мчится над самыми макушками деревьев наш истребитель «ишачок» (И-16). Только он скрылся за деревьями, как в небо над поляной выскочили четыре «мессера». Последний дал пулеметную очередь по нашей группе, но, к счастью, мимо. «Мессеры», как волки, стаей гнались за одиноким самолетом.

А мы, задрав головы, смотрели на происходящее как на цирковое представление. Прошло наверно больше двух часов, а за нами никто не приходил. Мы видели как по дороге идут войска и не понимали, зачем тут толчемся. Решили послать одного товарища, чтобы он узнал дальнейшую нашу судьбу. Через час посланный вернулся и сообщил, что нашего полка нет на дороге. Полк ушел вперед, а про нас просто забыли. Пришлось нам несколько часов догонять своих.

К вечеру полк подошел к опушке леса. Справа невдалеке виднелась деревня. Через час началась атака на

противоположную опушку. Видимо, у фрицев там был небольшой передовой отряд, потому что нас встретил реденький автоматный огонь, и мы без потерь заняли опушку. Продвинувшись по лесу метров триста, мы залегли, хотя нам никто не мешал двигаться дальше. Было такое ощущение, будто никто не знал, что делать дальше. После войны стало известно следующее: немцы безуспешно почти месяц пытались на Лужском рубеже по кратчайшему пути пройти к Ленинграду. Потерпев неудачу, фон Леeб перегруппировал свои войска и начал наступление на Кингисеппском направлении. Тут фашисты добились успеха; прорвав наш фронт, форсировали реку Лугу у деревни Ивановки. Вот тогда нас бросили к месту прорыва. Нужно было чем-то заполнить прореху в нашей обороне. Других свободных войск не было.

Нам повезло, что первое соприкосновение с противником было таким незначительным. Если бы фрицы встретили нас как следует, то это было бы избиение младенцев. Ведь мы были абсолютно зеленые неумехи в военном деле. К тому же, кроме пяти патрон к винтовке и противогаза у нас ничего не было. Мы даже не имели касок. Утром мы ушли из-под Ивановки и стали бродить по лесным тропинкам, мимо завалов, сооруженных нашими саперами. Шли через пустые деревни. Наконец подошли к противотанковому рву, выкопанному ленинградцами. Жители Ленинграда вообще много поработали для обороны… в кратчайший срок проделали титаническую работу.

Погода стояла настоящая июльская. Припекало солнце. Хождение притомило солдат, и все с охоткой забивались в тень деревьев и кустов.

Немного отдохнув, я решил заняться делом – стал строить себе личную оборону, а проще сказать, рыть окоп. Ведь когда начнут стрелять, будет поздно приниматься за работу. Углубился, наверно, больше метра и так увлекся работой, что не заметил подошедших командиров.

– Ты что, солдат, делаешь?

Выпрямившись, я увидел командира полка и несколько стоящих с ним офицеров.

– Строю себе на всякий случай оборону.

И тут я услышал тихий, но полный ярости голос командира полка:

– Вы что, воевать пришли или на пикник приехали? Немедленно зарываться!

Так я начал зарываться в землю.

А впереди были годы войны и горы перепаханной земли.

Тут мне пришлось увидеть наших солдат, выходящих из

окружения. Несколько человек брели по лесной тропинке, похожие на молчаливые лесные тени. Посередине тропинки стоял незнакомый полковник с автоматом на груди. Он пытался их остановить, но они молча обходили его, как, наверно, автоматически обходили деревья в лесу и двигались в тыл. Было тягостно и страшно смотреть на этих измученных, обросших щетиной солдат, на эту необыкновенную картину.

Но окоп мне не понадобился. Через некоторое время, ближе к ночи полк опять двинулся в поход. Только около полуночи мы остановились на очередной опушке леса. Заняв оборону, вырыли небольшие окопчики. Ночь была безлунная, мирная, тихая. На темном бархате неба мерцали неисчислимые россыпи звезд. Ни шороха, ни птичьего вскрика. Пахло травой и росой. И подумалось мне: как редко в жизни выпадают горожанам такие ночи в лесу. И не верилось, что впереди затаилась ненависть, алчность, звериная беспощадность и смерть.

Только иногда было слышно тарахтение мотоциклов. Это, наверно, к штабу немецкого полка подкатывали офицеры связи из штаба дивизии. Уже глубокой ночью пролетели на запад несколько наших бомбардировщиков.

Такова была эта мирная ночь. Но утро было полной противоположностью. Наша опушка отделялась от занятой немцами поляной шириной метров 700–800. А по фронту поляна тянулась на несколько километров. Это был луг с пышной, созревшей для сенокоса травой.

Только проглянуло солнце, как из глубины нашей обороны прогремело с десяток орудийных выстрелов, что должно было означать артиллерийскую подготовку. А затем нас сразу подняли в атаку. Батальон, а может быть два, густо высыпали на поляну с винтовками наперевес и криками «ура». Мы пробежали, может быть, метров пятьдесят, как начался сумасшедший дом.

Фашисты открыли ураганный огонь из всех видов оружия. Рвались снаряды и мины. Навстречу нам неслись пулеметные и автоматные очереди. Все потонуло в дыму и пыли. Нас прижало к земле. Я лежал, а меня подбрасывали близкие разрывы снарядов. Вся моя защита заключалась в выставленном перед головой противогазе. Рядом раздавались негромкие хлопки, и лицо обдавала горячая пыль. После я узнал, что это рвались разрывные пули, задевая за травинки. Спереди и по бокам я видел несколько лежащих солдат. Только про одного можно было сказать, что он живой. Солдат держал винтовку в вертикальном положении, а сам уткнулся носом в траву. Немцы вели огонь в прежнем темпе. Бессмысленно было лежать и ждать, когда тебя прихлопнут, как муху. Я пополз вправо, где в метрах двадцати виднелись кусты.

Это оказалась мелиоративная канава, заросшая ивняком. Там уже сидели три человека. Приполз еще один товарищ. Посоветовавшись, решили подаваться к лесу, откуда началась атака.

Добрались почти благополучно, только одного паренька ранило в руку. Пришлось становиться санитаром. Хорошо, что у меня был индивидуальный санитарный пакет. В лесу было тихо, только по вершинам деревьев щелкали пули. Начали искать начальство, но еще долго никого не могли найти. Наконец, набрели на штаб полка. Во время поисков к нашей группе пристраивались такие горемыки как мы, все растерянные, измятые, с тревожными глазами. У штаба таких бродячих солдат набралось порядочно. Жалкую мы собой являли картину. В грязном обмундировании, многие без обуви, за время шатания по лесу стерли ноги до крови. Кое-кто без оружия и знаков различия. Я некоторых узнавал с трудом, хотя знал их по заводу не один десяток лет. Да и я сам был таким же красавцем, но себя-то не видишь. Хорошо, что оружие было при себе, и ноги были не стерты.

Это первое серьезное испытание потрясло нас. Те наивные представления о войне, которые сложились из писательских, журналистских и киношных красивостей скорых побед были далеки от действительности, от настоящих реалий. Мы еще не могли осмыслить [все] и примириться с тем, что с нами произошло.

Нас снова формировали в роты и отправляли занимать оборону. Трудно нам давался солдатский опыт. Конечно, солдат из своего окопа мало что видит и знает, но вспоминая те первые дни на передовой, мне кажется, многое делалось сгоряча.

Каждому командиру батальона, наверно, казалось, что он большая величина, чуть ли не маршал. Штаб полка не был хозяином положения. [Он] был не руководителем, а регистратором событий.

Всем нам – и офицерам, и солдатам – казалось: стоит закричать «ура» со штыками наперевес, как фрицы побегут, как зайцы.

Мы еще не знали, что фашисты упорные вояки, особенно, когда их много; тогда они приобретают бешеное нахальство и нахрапистость. И немаловажно то, что у них отменная дисциплина. К тому же им вдолбили в голову, что Иваны это низшая раса, что перед ними богатейшая страна, где для каждого фашиста приготовлен хороший кусок пирога… Все это толкало фашистов к разбою и захвату нашей земли. Фюреру они верили безоговорочно. Он им обещал легкую и скорую победу. И первые

недели войны подтверждали эти обещания. За три недели войны немцы продвинулись вглубь нашей территории на 800 километров. Взяли в плен сотни тысяч советских солдат.

С такими наскоками с нашей стороны мы только раскрывали свои карты. Там, в немецких штабах, сидели не дураки. Они принимали в расчет, что наша пехота не стреляет и кидается в атаку без артиллерийской подготовки, не зная сил противника. Они учитывали, что у пехоты нет автоматического оружия, фактически нет авиации, мало танков и из этого делали соответствующие выводы.

Думаю, вместо того чтобы бросать людей в неоправданные атаки, нужно было крепить оборону, зарываться в землю. Пусть бы фашисты лезли под наши пули и наши штыки, было бы меньше людских потерь и больше пользы. Правда, и боеприпасов у нас было маловато. Кроме пяти патрон и напутствия командиров, что не нужно бояться танков, у нас ничего не было. Ни противотанковых гранат, ни бутылок с горючей смесью, ни бронебойных ружей и пушек.

Когда мы еще были в Ленинграде, то во дворе ветеринарного института состоялся полковой митинг. На нем выступал комдив полковник Угрюмов и армейское начальство. Нас призывали не бояться танков, это они, мол, только с виду страшные. После этого мне стало ясно, что такие речи произносятся не от хорошей жизни.

Было ясно, что с одним штыком немного навоюешь против танков. Наш полк снова тронулся в поход. Мы бродили по лесным тропинкам, нигде особенно не задерживаясь. Иногда уходили оттуда, где стреляли, и приходили туда, где стояла тишина. В следующую ночь мы окопались на очередной опушке и стали ожидать утро.

События начались, наверно, часов в восемь утра, когда фрицы уже позавтракали. Они открыли такой бешеный артиллерийский огонь, так поливали из пулеметов и автоматов, что нельзя было высунуть носа. Над нами на высоте одного метра от земли гудел, свистел плотный огонь из стрелкового оружия. Это была лавина стрелкового огня. А мы молчали. Нам нечем было отвечать.

Так я провоевал до семнадцатого июля. В этот день вечером меня нашел осколок немецкого снаряда. К вечеру следующего дня я уже был в Ленинграде в распределительном госпитале, размещавшемся в Александро-Невской лавре. Там нам даже не пришлось поспать одной ночи. Нас, ходячих, в четыре часа утра подняли и на автобусе отвезли на Московский вокзал. Там уже у перрона стоял санитарный поезд. Мне показали вагон и место для лежания. Нас привезли первыми, и погрузка должна была еще

продолжаться долго. Я вышел покурить на платформу.

Белая ночь уже встретилась с солнцем. В безоблачном сиреневом небе плавали аэростаты воздушного заграждения, матово поблескивая серебром оболочки. Я подумал, что через несколько часов покину город, и от этого мне стало неуютно. Было ощущение дезертирства в эту тяжелую годину для Ленинграда.

В это время по платформе проходили два офицера-медика. Я обратился к старшему – полковнику и объяснил, что у меня ранение нетяжелое и нет смысла ехать мне в глубокий тыл.

– Раз вас привезли сюда, так придется ехать. Теперь не время для митингов, – и они пошли дальше.

Но, отойдя от меня метров на двадцать, остановились, поговорили между собой и вернулись. И забрали меня в перевязочный вагон, приказав сестре разбинтовать руку. Они долго ее рассматривали, что-то говорили на латыни. Результатом осмотра явилось то, что я остался в Ленинграде и попал в госпиталь на Выборгской стороне.

Когда началась страшная голодная блокадная зима 1941-42 годов, я ни разу не вспомнил и не пожалел, что тогда не уехал в тыл. И только недавно в памяти возник этот эпизод на Московском вокзале. По-видимому, самое сильное у человека – чувство привязанности к родному гнезду.

В госпитале, отоспавшись, мне однажды пришло на ум, что за время пребывания на фронте (передовой) я ни разу не выстрелил. Не стреляли и остальные солдаты. Мы были не стреляющая пехота. Вот так отразилось отсутствие патрон на нашей боеспособности. И все же мы задержали фрицев и принесли пользу, иначе эта банда была бы у стен Ленинграда значительно раньше. Еще три недели на этом участке фронта наши войска сдерживали немцев. Но уже пятого августа фон Лееб, сосредоточив силы и имея преимущество в танках в пятнадцать раз, в артиллерии в полтора раза и абсолютное преимущество в авиации, в нескольких местах прорвал фронт, и фашисты ринулись по дорогам к Ленинграду.

Наши войска, неся большие потери, начали отступать. Одновременно с немцами начали наступление финны на Карельском перешейке. Над Ленинградом нависла угроза вторжения фашистов в город.

17

В госпитале я наконец поел горячего. За время нахождения в

казармах и на передовой мы были на подножном корме, питались тем, что покупали в магазинах продукты в Ленинграде, а после из собственных запасов на передовой. Правда, тогда старшина приносил бумажный мешок с сухарями, и каждому солдату доставалось по паре сухарей.

Во время хождения по лесам мы иногда останавливались в опустевших деревнях. Помню большую деревню с ухоженными домами, абсолютно пустую, с цветами на подоконниках и занавесками на окнах.

Смотреть на эту деревню было тягостно. Это было как в жутком, зачарованном сне. Наш взвод стоял у открытого сельского магазина. Через двери и окна мы видели полки, заставленные разными продуктами, но заходить в магазин не решались. Был приказ: зашедшего в магазин, считать мародером и расстреливать на месте. Уверен, то, что не испортилось, досталось фрицам в качестве подарка от кооператоров.

Кто придумал такой галантный приказ, из-за которого была упущена возможность разнообразить наше питание? Не знаю, где были наши кухни. А может быть, их совсем не было в полку.

Позже появился новый приказ, обязывающий уничтожать все, что нельзя было увезти или унести, чтобы ничего не оставалось врагу.

В госпитале мне запомнился один раненый – молодой, красивый двадцатилетний парень. Он попал под разрыв снаряда, и у него закрылись глаза. Врачи делали вид, что его лечат. А мы от сестер знали, что это дело безнадежное. Сам солдат об этом не знал. Он был общительный и веселый. Видимо надеялся на прозрение. В курилке некоторые пехотинцы ругали артиллеристов за то, что они часто стреляли по своим. В свое оправдание пушкари объясняли, что они стреляли из орудий, списанных еще во время войны 1914-18 годов. Хороших орудий не было, и приходилось вооружаться таким хламом. Из таких пушек снаряд мог залететь куда угодно. Часто вместо немцев снаряды падали на наши окопы.

Это объяснение соответствовало истине. Военные склады были расположены близко от границы, и в первые дни войны их захватили фашисты. Вот почему не хватало оружия для вновь формирующихся частей. Некоторые части были вооружены тяжелыми, неуклюжими канадскими винтовками, оставшимися тоже от первой империалистической войны.

Во второй половине августа я вышел из госпиталя с еще не совсем зажившей раной, которая начинала кровоточить при резком движении рукой. Из запасного полка попал в полк аэростатов заграждения.

Боевые точки первого отряда, куда я был направлен, располагались по правому берегу Невы от станции Дача Долгорукова до Саратовской колонии. Задачей аэростатов было мешать низко опускаться немецким бомбовозам, что снижало точность бомбометания.

Поднимались аэростаты на четыре километра, а тандемы (двойные) на семь километров. Обслуживалась одна точка двенадцатью солдатами. Как правило, аэростаты подымались ночью, но в облачную погоду – и днем, хотя это было рискованно. Когда фронт установился на окраинах города, немецкие истребители охотились за аэростатами и сбивали их.

В августе в городе было спокойно. Иногда высоко пролетали немецкие разведчики, но они не вызывали тревогу. Они пролетали так высоко, что невооруженным глазом их нельзя было увидеть, да и звука не было слышно. Только стрельба зениток указывала, что над городом пролетает вражеский самолет.

В ларьках в это время еще продавалось пиво. Свободно работали столовые. В булочных можно было купить пирожное, хотя хлеб уже давали по карточкам. Была спокойная, мирная обстановка и людям казалось, что война где-то далеко, что враг не угрожает городу, а на самом деле фашисты были уже в пригородах. В общем, ничто не предвещало ужасной трагедии…

Двадцатого августа появилось обращение к ленинградцам за подписями Жданова, Ворошилова и Попкова (председатель Ленсовета), в котором говорилось, что непосредственная угроза вторжения фашистов нависла над городом и нужно быть готовым к тяжелым испытаниям. Восьмого сентября фашисты захватили Шлиссельбург, тем самым замкнув кольцо блокады вокруг Ленинграда. Во второй половине этого дня начался первый большой авиационный налет на город. Тихая ясная погода помогала немецким летчикам прицельно бомбить важные объекты. Хотя зенитная артиллерия усеяла разрывами зенитных снарядов все небо, десятки самолетов волна за волной летали над городом и вершили свое черное дело. Только над нашими землянками у Невхимкомбината пролетело 36 бомбовозов Ю-88.

Горели Бадаевские продовольственные склады. Пожар был такой сильный, что к нам на правый берег с током нагретого воздуха летели обуглившиеся куски картона от ящиков. А это расстояние около пяти километров. От сильного жара сахар плавился и тек по канавам, где и застывал. В голодную блокадную зиму 1941-42 годов этот сахар выкалывали ломами, и он шел на питание.

Этот авиационный налет продолжался и вечером и ночью. За восьмое сентября возникло 178 больших пожаров, не считая

средних и малых. От бомб рушились жилые дома, заводы, театры (Мариинский), госпитали. На Суворовском проспекте недалеко от Смольного бомба в одну тонну весом попала в пятиэтажное здание Промышленной академии, превращенное в госпиталь. Она обрушила и подожгла здание, где погибло 600 раненых.

С этого дня авиационные налеты проходили каждый день, и продолжительность их доходила до восьми часов непрерывно. Одновременно шел обстрел города из орудий. Первый обстрел был произведен из района Тосно 4 сентября 1941 года.

Днем над городом низко летали немецкие «мессеры» и из пулеметов обстреливали очереди у магазинов. Ночью самолеты бомбили при свете ракет, [сбрасываемых] на парашютах. Эти «люстры» горели очень ярко и долго. Фашистам помогали ракетчики, которые красными ракетами обозначали важные объекты для бомбежек. Их ловили и уничтожали. Нашей авиации тогда не было видно. Ленинградский фронт имел всего 32 самолета. Однажды днем наблюдал такую картину: во время воздушной тревоги пять наших самолетов У-2 (учебных) кружились над Финляндским железнодорожным мостом через Неву. Издали их можно было принять за боевые самолеты. А на них не было даже пулеметов. Так имитация заменила отсутствие самолетов.

В начале сентября между Володарским и железнодорожным мостами саперы навели понтонный мост через Неву. Несколько дней по нему переправлялись обозы колхозников, спасающихся с Карельского перешейка от финнов. Они размещались в Саратовской колонии, откуда были выселены немцы.

Вся затаившаяся нечисть: бывшие домовладельцы, торговцы, остатки дворянства считали, что пришло их время рассчитаться с советской властью, и они чем могли – ракетами помогали немецким летчикам. По ракетам можно было судить, что этих пособников врага не так уж и мало.

Шли блокадные дни и недели. Все хуже и хуже становилось с продуктами.

В ноябре мы, солдаты, получали по 300 грамм хлеба. Это был, в сущности, не хлеб, а сероватая влажная глина. Нам еще варили так называемую хряпу. Это отходы от капусты, заложенные осенью в силосные ямы для скота. Но это варево было такое горькое, что не лезло в горло. Люди варили из столярного клея студень, также из бараньих кишок. Из молотого кофе и дуранды (комбикорма) пекли лепешки. В пищу шло все вплоть до медицинских таблеток.

Город лежал в сугробах. Только вдоль домов были протоптаны тропинки, по которым ходили за водой на Неву,

Фонтанку, Мойку и другие водоемы. По этим тропинкам на детских саночках возили родственники умерших на кладбища. При такой смертности о гробах не могло быть и речи. Погибших, завернутых в разное тряпье, привозили к братским могилам на кладбищах. Открывались и новые захоронения. Вот и теперь я живу в двух трамвайных остановках от нового братского кладбища, где похоронено 50000 блокадников.

Те, кому не хватало сил довезти погибшего до [места] захоронения, оставляли на обочине тропинки, и уже похоронные команды доделывали все остальное.

Из-за отсутствия топлива остановились электростанции. Перестал работать трамвай, троллейбус, телефон, водопровод, замолчало радио. Дома стояли безжизненные, мертвые, с забитыми фанерой окнами. От бомбежки и обстрелов были выбиты все стекла. Стены домов обросли грязноватым желтым инеем. В эту зиму были сильные морозы. В конце Невского проспекта у Александро-Невской лавры стояли десятки троллейбусов засыпанных снегом, а над ними, как перебитые вены, свисали оборванные провода. Подожженные бомбами и снарядами дома никто не гасил – не было воды. Большой пятиэтажный дом, выходящий на три улицы – Разъезжую, Лиговку и Глазовую, – горел и дымил целую неделю. Там погибла большая районная библиотека.

В городе исчезли собаки, кошки, вороны, голуби, воробьи. Все что могло убежать или улететь уцелело, а остальное было съедено. Но расплодилось много крыс. Им хватало пищи.

Немецкие атаки на передовой сменились относительным затишьем, хотя обстрелы и бомбежки города продолжались. Фашисты ожидали, когда мы все помрем от голода, и они без потерь войдут на улицы и проспекты.

Город фрицы видели и без биноклей. Передовая была в четырех километрах от Кировского завода у больницы Фореля и в шести километрах от Средней Рогатки по Московскому шоссе. А с Вороньей горы у Дудергофа в стереотрубы они видели Ленинград, как на ладони.

Несмотря на то, что мы еле двигались от истощения, я не слышал от товарищей слов о поражении, о сдаче города врагу. Все твердо знали: лучше смерть, чем собственными руками открывать ворота врагу. Тут не могло быть иного мнения. Была твердая уверенность в том, что мы выстоим. Пусть не надеется фашист по нашим трупам войти в город. Эта уверенность укреплялась победой наших войск под Москвой и речью Сталина, его словами о том, что война продлится еще год-полтора[46].

Правда, я не верил в сроки окончания войны. По моему

мнению она должна была закончиться осенью 1944 года. Но, наверно, Сталин не мог иначе сказать. У многих бы опустились руки, назови он более ожидаемый срок окончания войны.

Со мной спорили дружки-солдаты, доказывая, что на такую долгую войну у нас не хватит ни людей, ни техники. Я же утверждал, что людских резервов у нас хватит. Пусть в мирное время часть людей по состоянию здоровья не подходит для армии. Но теперь многие человеческие недостатки теряли свое значение. Так оно и получилось. Даже в гвардейских частях можно было наблюдать солдат, которых без преувеличения можно назвать калеками. Так, в нашей роте был товарищ, у которого после ранения не держалась моча. От него невыразимо пахло.

Другой солдат после ранения имел укороченную ногу на несколько сантиметров. При ходьбе создавалось впечатление, что он через равные промежутки куда-то проваливается.

В нашем взводе у солдата от рождения были вдавлены вовнутрь нижние косточки ног. При продолжительной ходьбе он натирал их до крови. Ходил он тихонько, переваливаясь из стороны в сторону, как утка.

Во время обстрела наш Володя не мог бегать и приходил в укрытие последним. Посмеиваясь, он говорил: «Вот вы бегаете от снарядов бегом, а я тихонько ковыляю до укрытия. Ну чем я не Герой Советского Союза». В полуразрушенном доме Володя нашел скрипочку и не расставался с ней. Научившись немного пиликать, он на досуге исполнял нам свои незамысловатые фантазии. К счастью, Володя дожил до Победы. Пусть мне теперь говорят, что нет чудес на свете.

Таких инвалидов, которые не могли нормально ходить, в походах везли на обозных повозках. А сколько было солдат со слабым зрением. Я из-за боязни разбить каской очки, старался не надевать их. И несмотря на такие анекдотические примеры, все это было оправдано и необходимо.

Сколько среди погибших молодых ребят было одаренных! Сколько талантливых погибло в любом возрасте! Они могли принести стране огромную пользу, но они не прятались за разные ширмы, за броню[47]и не надеялись обязательно выжить.

Эта страшная война требовала жертв, и жертвовать всем должны были все.

Ну а техникой, начиная с конца 1943 года, тыл обеспечивал фронт достаточно. Двадцатого ноября 1941 года наконец замерзло Ладожское озеро. По проложенной тридцатикилометровой дороге, которую назвали Дорога жизни, началась переброска грузов с большой земли в Ленинград.

Несмотря на обстрелы и налеты немецкой авиации начало поступать продовольствие в город. Сначала продовольственный ручеек был очень слабым, но он уверенно набирал силы и мощь…

Шоферы делали великое дело, используя Дорогу жизни на полную мощь. Но конечно были потери людей и автомашин. На дно Ладоги ушло 1500 автомашин, погибших от немецких снарядов и авиации.

С 18 января 1942 года нормы выдачи продуктов стали публиковаться в газете «Ленинградская правда», за подписью заведующего отделом торговли Ленсовета товарища Андреенко. Во время блокады товарищ Андреенко был такой же худющий, как и мы все. Глядя на него, люди посмеивались: ну какой он продовольственный бог, если на нем шинель болтается как на вешалке. После войны еще несколько лет продолжали печатать эти сообщения. Мы так и говорили, беря газету в руки: ну что нам сегодня даст товарищ Андреенко? Он был член партии с 1926 года и умер в 1987 году.

Машины, привозившие в Ленинград грузы, обратно увозили на большую землю блокадников. За зиму было вывезено 500 тысяч человек.

В эту суровую зиму я ходил с донесением в штаб полка, который помещался на Ржевке. Это примерно километров семь-восемь. Выходил я рано, но, ослабевший от голода, шел медленно и обратно возвращался часам к восьми вечера. На обратном пути с нетерпением ожидал, когда дойду до стрелочника. Так мы называли седобородого старика, который умер в начале декабря от голода и действительно сидел на развилке железнодорожного пути, прислонившись к стрелке. Поезда тут давно не ходили, и он всю зиму просидел в боярской шапке из снега.

Весной похоронная команда подобрала и этого погибшего блокадника. От стрелочника до наших землянок оставалось совсем немного – метров семьсот.

18

В конце января 42 года находившиеся [в городе] запасы дров были исчерпаны. В землянке было холодно и сыро. Как следует топить было нечем. Однажды я вспомнил, что около станции Дача Долгорукова стоит недостроенный дом и около него лежат бревна.

В распоряжении нашего старшины была одна дистрофическая лошадиная сила. Это был мерин с рыжей шерстью, у которого от тощего пайка начали угрожающе выпирать ребра. Эта

полулошадиная сила была важным подспорьем в нашем солдатском хозяйстве. Можно было привезти немного дров, но все помалкивали. Ослабевшие от голода солдаты старались лишний раз не выходить на мороз. В один из январских дней я предложил свои услуги старшине, поставив условие, что мне запрягут лошадь, так как запрягать я не умел.

И вот мы, два дистрофика, двинулись в нужном направлении. На деревянном складе я с превеликим трудом погрузил тоненькое бревнышко, и мы тронулись обратно. Долго тянулись по пустынным улицам Малой Охты, похожим на заколдованный город. Наконец выехали на набережную Невы, которая была абсолютно пустынной. На левом берегу Невы стояли молчаливые корпуса заводов, мрачные, засыпанные снегом дома. Где-то в городе глухо рвались снаряды. В домах умирали люди, и, как люди, молча умирали дома. Проехали под железнодорожным мостом. Я шел по середине дороги, а за мной тащил свои тяжелые сани Рыжий. Иногда я оглядывался и проверял, все ли в порядке. Рыжий шел, низко опустив голову. Однажды я обернулся и оцепенел. Рыжий был рядом, а саней не было. Приглядевшись, увидел сани метров за сто позади. Оказалось, лошадь на ходу распряглась и шла налегке, помалкивая. Пришлось нам возвращаться назад. И тут я узнал почем фунт лиха. Я вспомнил Карелию, где только валил деревья и не подходил к лошадям. В общем, я не умел запрягать. Кое-как я уговорил Рыжего прицепиться к саням, и мы тронулись. Но не проехали и двадцати метров, как лошадь опять распряглась. Сколько раз повторялась эта история, я уже не помню. Но я увидел, что Рыжий так взвинчен, что вот-вот заговорит, и я услышу все, что он обо мне думает. Чтобы окончательно не испортить наши отношения, я взял лошадь под уздцы и привел к землянкам. И уже все остальное доделали братья-солдаты.

Конечно, я не думал, что моя дровяная вылазка будет тринадцатым подвигом Геракла, но это был и не сизифов труд. Вот почему можно было надеяться на некоторое подобие триумфа, но Рыжий был далеко не похож на Буцефала, к тому же король оказался почти голым, и триумфа не последовало.

Вспоминаю, как мы со старшим сержантом Ваней Парневым пилили, сидя на снегу, это бревнышко. Мы так были слабы, что, протащив пилу пару раз, останавливались отдохнуть. И кажется, прошла целая вечность, пока была отпилена чурка. Как мы были далеки от мирных, счастливых дней, а ведь прошло полгода после начала войны.

Однажды в конце декабря сорок первого года кто-то из солдат сообщил, что на химкомбинате есть баня. Меня это сообщение

крайне удивило. Комбинат давно не работал, и вдруг – баня. Решил проверить, и если это правда, то не вредно было бы смыть полугодовые грехи. И действительно, оказавшись во дворе комбината, я увидел небольшой деревянный домик, над дверью которого парило.

Оказавшись в темноватом предбаннике, я увидел на одной из лавок голого человека. Мельком взглянув на него, я увидел скелет, обтянутый коричневато-бурой кожей. Мне подумалось, немногим мы отличались от этого товарища. Помывшись, я застал в предбаннике старого знакомого. И только тогда рассмотрел, что это женщина. У нее была распущена коса. Больше ничего не осталось в ней женского. У этой живой мумии. Видимо, она не торопилась в свою холодную квартиру, да и сил, наверно, было мало, чтобы одеться.

19

В феврале мы, солдаты, получали шестьсот грамм хлеба. Был и приварок, но мы так изголодались, что нам все было мало. Особая жадность была к хлебу. Только в октябре месяце я насытился хлебом. Так дорога жизни через Ладогу спасла солдат и население города от полного вымирания.

Уважительное отношение к хлебу и продуктам живет во мне и теперь. Любой черствый кусочек хлеба я крошу в суп, и он идет в дело.

У кого были деньги, даже в то невероятно голодное время мог у спекулянтов купить хлеб. Килограмм хлеба стоил 800-1000 рублей. Пачка папирос за 14 копеек продавалась за 25 рублей. На Сенном рынке можно было купить даже шоколад.

Эта порода спекулянтов-хищников неистребима, как клопы.

Если хлебный вопрос был решен, то явилась новая беда – цинга. Люди стали опухать из-за отсутствия витаминов. У меня тоже начали опухать ноги, хотя я и старался как можно меньше пить воду. Стало трудно ходить.

В марте солдат нашего взвода отпросился у политрука в город. Он был ленинградцем и хотел повидать отца. Вечером Сергеев пришел из увольнения. Он рассказал о встрече с отцом и показал подарок родителя – шесть луковиц, которые тут же разрезал на половинки. Одну половину он дал мне, и я тут же ее съел. Через три дня у меня пропала цинга.

Но блокада проявила себя летом. На ноге образовались два фурункула. Это было нечто космическое. Из-за них я не мог ходить, и не спал по ночам. Следы от этих фурункулов ношу и

теперь. И когда попаду в царство Аида, они мне послужат пропуском в рай.

Когда началась блокада, пошли разговоры о том, что скоро ее прорвут со стороны Волхова войска под командованием маршала Кулика[48].

Но шли дни, недели, и постепенно эти разговоры стали затихать. Маршал Кулик не сумел организовать удар по фашистам, и за это был разжалован в генерал-лейтенанты. Позднее попытку прорыва блокады делали генералы Федюнинский и Бондарев[49], но у них были ограниченные силы и средства, и прорыв блокады не состоялся.

Я думал, что с наступлением весны в городе вспыхнет эпидемия. Столько накопилось за зиму отходов людского бытия. В некоторых местах отходы, перемешанные со снегом и трупами, подымались до второго этажа. По призыву Ленсовета десятки тысяч ленинградцев вышли на уборку. Ломы, которыми скалывали эти нечистоты, подымали два человека – так люди обессилели. К середине апреля город был абсолютно чистый. Над ним сияло голубое небо, которое не коптили сотни заводских и фабричных труб. Ленинградцы крепко поработали на санитарном фронте.

Стало легче с электроэнергией. По дну Ладожского озера проложили силовой кабель и Волховская ГЭС начала давать ток Ленинграду. Из района Левашово, где были торфоразработки, торф стал поступать на 1-ю ГРЭС. Заговорило радио.

Работники трамвайной службы совершили подвиг. Они восстановили контактную сеть, и 15 апреля пошел первый трамвай, сигналя победно звонками. Открылись первые кинотеатры. Когда начинался артиллерийский обстрел или налет авиации, фильм прекращался, и зрители уходили в бомбоубежище и там могли каждый на свой вкус додумывать конец фильма.

Улицы стали как будто шире. На них было мало транспорта и людей. Частые обстрелы рвали трамвайную сеть, но трамвайщики восстанавливали ее снова назло фашистам, которые в темные вечера видели вспышки [искр] идущего трамвая.

Летом и осенью [1942 года] под Ленинградом шли бои местного значения в районе города Пушкина и на левом берегу Невы, на Невском Пятачке. На юге немцы штурмовали Сталинград и Кавказ.

За первую блокадную зиму [у меня] умерли отец и мать жены и племянница. Жена и сын были где-то на Большой земле.

Началась вторая блокадная зима, но она не была [такой] голодной, как первая. Зимняя и летняя Дорога жизни через

Ладогу дали возможность накопить материалы и продовольствие, нужные фронту и населению. Горючее поступало по нефтепроводу, проложенному по дну Ладоги.

Двенадцатого января 1943 года началась операция «Искра». Перед войсками Ленинградского и Волховского фронтов была поставлена задача прорвать блокаду Ленинграда. Между этими фронтами лежало двенадцать километров, нашпигованных дотами и дзотами, артиллерией, автоматическим оружием пехоты, с заминированными подходами к немецким траншеям.

Фашисты считали, что они навсегда закупорили горлышко бутылки – так они называли эти двенадцать километров.

Наши войска пытались раньше несколько раз прорвать блокаду, но безуспешно. Семь дней и ночей прогрызали эту преграду войска фронтов и, наконец, соединились в районе Рабочих Поселков [номер] один и пять.

Мы, аэростатчики, узнали эту потрясающую новость поздно вечером 18 января по радио. Нашу радость трудно передать словами. Мы смеялись сквозь слезы и обнимались, не замечая этих слез. Для нас, блокадников, этот день незабываем.

Прорыв блокады нанес удар подлым замыслам Гитлера. Как позднее стало известно, в то время Гитлер обсуждал со своим штабом [вопрос] о химическом уничтожении защитников города на Неве. Ленинград во время блокады занимал площадь в 200 квадратных километров. Генерал-полковник Вагнер докладывал Гитлеру, что для уничтожения защитников Ленинграда нужно выпустить 13 500 химических снарядов. Прорыв блокады сорвал этот людоедский план.

Операция «Искра» коренным образом изменила мою солдатскую судьбу. Во время ожесточенных январских боев наши войска понесли большие потери, особенно в пехоте. Восполнялись эти потери частично Большой землей выздоравливающими из госпиталей. Часть пополнялась за счет прожектористов, зенитчиков, аэростатчиков и других подобных войсковых соединений, где мужчин замещали женщины.

Под эту тотальную мобилизацию попал и я. В марте 1943 года я очутился в 188-й гсп 63-й гсд[50].

63-я гвардейская стрелковая дивизия была славным соединением, которое героически сражалось на полуострове Ханко (Гангут), отрезанным морем и финнами от Родины. На Ханко была наша военно-морская база.

Глубокой осенью по зимней Балтике по приказу Верховного командования, защитников Ханко на кораблях перебросили в Ленинград. Из ханковцев создали 136-ю стрелковую дивизию под командованием генерала Симоняка[51]. Во время прорыва

блокады 136-я дивизия шла на острие наступления и первой соединилась с волховчанами. Дивизии было присвоено звание гвардейской 63-й, а Симоняку присвоено звание Героя Советского Союза.

20

Во взводе я стал вторым номером ручного пулемета. Первым номером был Леша Ямщиков, родом из Москвы. Это был душевный товарищ и талантливый человек. Он хорошо рисовал и в часы досуга делал наброски будущих монументов Победы. Я мало разбираюсь в искусстве, но вспоминая Лешины эскизы и сравнивая их с нынешними монументами, думаю, что он имел незаурядный талант художника.

В те дни я посвятил ему стихотворение.

Леше Ямщикову
В этот час
Вечерний и багряный
Я с тобою
В помыслах живу.
Друг-солдат,
Художник безымянный,
Отдающий кисти
Душу и мечту.
Нас свела с тобой
Военная судьбина —
Горьких испытаний череда.
Наша жизнь
Не слаще, чем рябина,
И суровы наши
Юные года.
Неужели,
Пережившим много,
Но прожившим мало
Нам дано:
Слышать,
Как заводит запевала,
И уйти
Безвременно на дно.
Не дослушать
Птичьи перепевы
И весенний звон

Ручья в ночи.
Не допеть
Все милые напевы.
До березовой,
До рощи не дойти.
Ты, возможно,
Выйдешь невредимым,
До конца пройдешь
Сквозь ураган огня.
Иногда, быть может,
Будешь нелюдимым
И душой тревожным
Даже в свете дня.
Все равно
Друзей найдешь
Ты снова,
С ними будешь пить,
Бокалами звеня.
И в хмельной ночи
Под дружеское слово,
Вспомни дни войны
И выпей за меня.

Но в бой нам не пришлось пойти вместе. В середине апреля меня перевели в другое подразделение. Такова солдатская судьба.

21

Первого мая 1943 года полк был выстроен недалеко от нынешнего моста Александра Невского, на пустыре. После митинга мы прошли торжественным маршем перед командованием.

Весной 1943 года Гитлер приказал своим генералам готовиться к штурму Ленинграда. Для этого из Севастополя перебрасывались части усиления Кюхлеру и Линдеману, командовавшими войсками под Ленинградом. Был назначен и руководитель штурма любимец Гитлера Манштейн.

Узнав об этом, наше командование решило упредить противника. Одиннадцатого июля мы получили медали за оборону Ленинграда. Нашу дивизию на Ленинградском фронте награждали первой. Я получил медаль за № 2755. А всего было награждено по фронту и по городу 477 000 человек.

Семнадцатого июля начались бои на левом берегу Невы. Наш полк продвинулся на 600–800 метров. Была освобождена деревня Арбузово[52], или, вернее, то место, где она стояла до войны. Эта та самая Арбузовка (так мы ее называли), за которую в 1941-42 годах шли продолжительные, кровопролитные, жесточайшие бои. Я наверно так бы не узнал, где стояла деревня, если бы не случай. Однажды днем я шел по тропинке глубиной по колено, а вначале траншея была в рост человека – так ее сгладила немецкая артиллерия. Нужно заметить, что и все остальные траншеи были подобны этой. Так вот, меня заметил немецкий наблюдатель, и фрицы открыли артиллерийский огонь. Рвущиеся снаряды заставили меня перейти на бег и глазами искать укрытие, хотя я и знал, что [его] тут нет. И вдруг я увидел в земле дыру, куда мгновенно нырнул.

Оказалось, это был чудом уцелевший подвал стоявшего здесь когда-то дома. Вот все, что осталось от Арбузово…

…Восьмого сентября 1941 года немцы захватили Шлиссельбург. Ленинград был полностью отрезан от страны. Москва потребовала прорвать блокаду. Командующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант Хозин видел бесперспективность этого требования и обоснованно возражал. Фронт не имел ни людских, ни материальных средств для осуществления этой задачи. Мнение командующего разделял генерал Воронов, представитель ставки Верховного командования в Ленинграде, будущий главный маршал артиллерии. Но пришлось подчиниться Москве.

Местом прорыва немецкой обороны было намечено побережье Невы у деревни Арбузово. Наш десант сумел захватить плацдарм по фронту около двух километров и в глубину до 600 метров. Развить первый успех не удалось. Хотя подбрасывались подкрепления с правого берега Невы. Но подкрепления текли тоненькой струйкой. Из пяти лодок к левому берегу добиралась только одна. Захваченный кусок земли стал называться Невским Пятачком. Деревня Арбузово переходила из рук в руки, но закрепиться нашим войскам там не удалось.

Были сформированы три коммунистических полка и брошены на Невский Пятачок. Первый коммунистический полк вступил в бой 10 ноября. К 15 ноября в первом батальоне этого полка из трехсот человек осталось семь солдат, во втором – 12 человек и в третьем – 15 бойцов. Такие же потери были во втором и третьем коммунистическом полках. Вот такие ожесточенные бои шли на Невском Пятачке. На него в час немцы обрушивали 200 снарядов и мин. На каждый метр земли, занятой нашими войсками, приходилось в минуту 25 пуль.

Когда по Неве пошел лед, оборвалась последняя ниточка, связывавшая два берега. Напрасно на Невском Пятачке выставляли щиты с просьбой: «Товарищи, помогите». Помочь не было никакой возможности, и наш десант погиб. Эта операция и не могла быть успешной. Фактически в бою была одна дивизия, вступавшая в сражение частично[53], и ее фашисты перемалывали артиллерией и самолетами. Но эти бои оттянули на себя пять немецких дивизий, авиацию и артиллерию фашистов, и намечавшийся штурм Ленинграда не состоялся.

Летом сорок второго года опять шли продолжительные бои в районе Невского Пятачка, но успеха не принесли.

И только в январе 1943 года, когда через замерзшую Неву в атаку пошли сразу четыре дивизии, и одновременно ударил Волховский фронт, блокада, наконец, была прорвана.

На этом Невском Пятачке земля перемешана с железом и костями наших солдат. Двести тысяч советских людей сложили тут свои головы.

Друг и товарищ! Если забросит тебя судьба на этот священный кусочек земли, сними шапку и молча помяни тех, кто лежит здесь, не дожив до Победы. Кто никогда не узнает, что возродились из пепла сотни городов и тысячи сел, исчезнувших в пламени войны. Они, лежащие здесь, [не узнают], что социализм объединяет уже десятки стран, что расщеплен атом и распаханы миллионы гектар целинных земель.

Лежащие здесь не узнают, что первый человек, поднявшийся в космос, был советский человек, что Сибирь дает стране

миллионы тонн нефти и миллиарды кубометров газа, как не узнают о том, что за десять лет построен БАМ. Павшие на Невском Пятачке, своей кровью и жизнью защитившие нас, никогда не испытают великой любви к женщине и не будут пестовать своих детей и внуков. Они не узнают о том, что после Победы на ленинградских площадях будут повешены изверги палачи – генералы и офицеры фашистов. Как не узнают о том, что пришел День Победы, в светлый солнечный майский день 1945 года.

Друг и товарищ! Если будет у тебя руках букет цветов или просто зеленая ветка, почти память павших здесь отцов, братьев, сестер – положи это скромное приношение на первый попавшийся холмик. Пусть часть твоего сердца навсегда останется тут. Пусть твоя память сохранит этот пятачок земли и все, что таят ее молчаливые недра.

В сводках Совинформбюро наши бои под Арбузово именовались боями местного значения. Такой бой – один из видов кровопролитных боев. Это, пожалуй, самый свирепый вид боя. Все сражение происходит на сравнительно небольшом участке, который за месяцы неподвижности фронта изучен до последнего куста. В таких боях все гремит и клокочет, как в огромном котле.

Вздымаются черные фонтаны из дыма и земли от разорвавшихся тяжелых снарядов. Металлически лязгают стодвадцатимиллиметровые мины. По-щенячьи вякают шестиствольные немецкие минометы. Громыхает дивизионная артиллерия. Иногда возникает все заглушающий гром наших «катюш», когда одновременно в сторону немецких позиций летят несколько сот снарядов с огненными хвостами, а затем у фашистов раздаются мощные взрывы, от которых земля колышется и у наших траншей. Земля перепахивается и перемалывается железом и взрывчаткой день и ночь. В таких боях идет ежедневное, ежечасное истребление живой силы и техники воюющих сторон, авиации и артиллерии. Но если посмотреть со стороны на это поле боя, то особенного ничего не увидишь, кроме взрывов, воронок; да кое-где торчат башни закопанных танков и колья. А людей нет. Все, что осталось от солдатского братства, тщательно прячется в любых укрытиях. Только иногда пробежит связист или пройдет солдат, который тащит раненого однополчанина. Это еще больше подчеркивает пустынность израненной земли.

В штабе немецкого полка решают проверить это безлюдье у русских. Собирается десятка четыре еще не добитых фрицев; подогреваемые шнапсом и треском автоматов, [они] начинают

атаку. И тут передний край русских оживает. Над этой мертвой землей гремит рельс, подымая тревогу. Решительно застучали пулеметы. Зло заливаются автоматы. Из глубины нашей обороны, завывая, несутся снаряды. Атака фашистов захлебывается в крови. Уцелевшие фрицы скрываются в своих траншеях. Эта атака немцев ничего им не давала и ничто не решала. Но нужно было отчитаться перед высшим командованием за активность пехоты.

Это вам, фрицы, не сорок первый год, когда мы с пятью патронами и штыками наперевес, с еще не до конца растерянной верой в пролетарскую солидарность шли на ваши пулеметы и автоматы.

Вспоминаю: ночью мы копали траншею. Противник заметил движение и начал бить дивизионом по площади, где мы работали. Снаряды с воем, выворачивающим нутро, ложились вокруг нас. Нужно было где-то укрыться, а укрытий поблизости не было. И тогда мы кинулись к подбитому танку, который стоял на нейтральной полосе метрах в семидесяти. Под танком была вырыта приличная нора, в которой мы спасались от смерти. Вот и теперь, оказавшись в надежном укрытии, мы со стороны могли наблюдать, как бушует безумство [смерти] на месте нашей работы.

22

На восьмой день боя от роты осталось три десятка человек. Нами уже командовал старший сержант. Офицеры вышли из строя.

В начале боя нас поддерживала батарея полковых пушек-сорокапяток. Еще вчера утром от батареи оставалось одно орудие. В полдень и последнюю пушку подбил немецкий «тигр». Каждый день часов в одиннадцать утра «тигр» вылезал на нейтральную полосу и минут двадцать вел огонь из своего длиннющего орудия по нашим траншеям, а затем уползал в свое логово. Лобовая броня «тигра» сто миллиметров. Ее не берут снаряды дивизионных пушек калибра 76 миллиметров. Вот и сегодня «тигр», не торопясь, начал выползать на облюбованную позицию. И вдруг из нашей траншеи ему навстречу пополз солдат. Это был Ваня Смирнов, тихий, белобрысый, стеснительный паренек. Он полз по канавке, которая шла от нас к немцам. Видимо, за семь дней безнаказанного разбоя немецкие танкисты перестали обращать внимание на нейтральную полосу, потому что Смирнов беспрепятственно дополз почти до самого танка. Мы видели как, приподнявшись, Ваня бросил противотанковую гранату под

гусеницу «тигра». Танк дернулся и замер. А Ваня еще бросил бутылку с зажигательной смесью на корму танка. По броне побежали огоньки, и повалил дым. Танкисты стали выскакивать из танка, но их резал из автомата Смирнов. От огня, полыхавшего в танке, взорвались боеприпасы. Взрыв отбросил башню «тигра», а остальное еще долго дымило и воняло на нейтральной полосе.

Смирнов благополучно вернулся обратно. Он был награжден орденом Отечественной войны второй степени.

В бою тяжелых испытаний достается на всех. Но самая тяжелая доля раненым. Вспоминаю солдата, которого я обнаружил на пятый день боя. У него были перебиты ноги, рука и еще был ряд ранений на теле. Уже после боя я в санчасти полка узнал, что у него было больше десяти ран. Я увидел его в воронке, из которой он не мог выбраться, хотя и заполз туда. От июльской жары на нем уже стали загнивать раны, и шел тяжелый запах. Пришлось завернуть [его] в плащ-палатку и тащить на спине, до пмп[54], который находился метрах в 800–900.

Это был тяжелый труд и мучительный для нас двоих. Через [каждые] двадцать-тридцать метров приходилось бросаться на землю – вокруг начинали рваться снаряды. В дыму и пыли мы пережидали артиллерийский налет и двигались дальше, чтобы через несколько десятков метров снова приклониться к земле. Так, со скоростью черепахи я, кажется, тащился целую вечность. За эти бесконечные часы нас не раз могло накрыть прямым попаданием снаряда. Приходилось быть фаталистом. Ведь еще не изобрели непробиваемый зонтик. Сдав свою ношу медикам, я вышел из землянки и свалился у входа. Прошла не одна минута, пока я пришел в себя. За эти часы я так был занят изнурительной работой, что мне не оставалось времени праздновать труса. Просто временно я потерял страх и поэтому был уверен, что останусь жив с моим страдающим раненым. Но теперь, вспоминая прошлое, я его переживаю с содроганием.

В один из дней я встретился с раненым, передвигающимся на четвереньках. У него были повреждены ступни ног, и он не мог на них наступать. Вот он и полз на руках и коленях. Я хотел ему помочь, но он решительно отказался от моей помощи и посоветовал: «Ты помоги кому-нибудь другому, а я уже сам доползу». А ползти ему еще оставалось метров шестьсот.

Однажды мне попался и такой раненый. Как только начинали рваться снаряды, мой подопечный начинал истерически кричать: «Спрячь мне голову, спрячь мне голову!» Куда я мог спрятать его голову, если лежал с ним рядом, уткнувшись носом в землю, и нечем было дышать от взрывчатки. Сначала мне было смешно слышать эти причитания. Но они повторялись так часто, что

наконец [они] мне надоели. И я заорал на солдата и пригрозил бросить его, и пусть он добирается к медикам, как хочет, если не прекратит свои вопли. К этому я добавил несколько просоленных фраз, обычно не употребляемых в медицине, но применяемых широко в народной терапии. Наверно, солдат правильно понял меня и мое милосердие. Так как в дальнейшем совместном путешествии он молча переносил выпавшие на нашу долю тяготы.

Дожили ли эти солдаты и другие, которым я помогал, до Победы? Ведь впереди еще оставалось два года войны. Но я очень хочу верить, что этот желанный день они встретили здоровыми, и, будучи ветеранами, успешно воюют со своими внуками.

Часто думаю, если я, здоровый мужик, так изматывался, помогая раненому, то как работали наши девушки-сестрички, вытаскивая из пекла солдат, чуть ли не вдвое тяжелее себя.

Вспоминаю Зою Коваленко из санроты. Это была маленькая девушка, которую так и звали Зоя-маленькая. В один из боев ее контузило, и она три дня непрерывно дергала головой и мигала глазами. Как она стала бояться каждого снаряда, эта маленькая сестричка! Но она не ушла в тыл, а продолжала делать свою милосердную работу. Через несколько дней все прошло, и она даже подшучивала над своими страхами. В марте 1944 года в лесу под Нарвой бродячая группа фрицев наткнулась на палатку с ранеными, которых опекала Зоя. Она встала на защиту раненых и была буквально изрешечена автоматами этих гадов.

Много за войну погибло сестричек, телеграфисток, радисток и девушек других специальностей. Только в нашем полку из 54 девушек, начавших войну, до Победы дожили 5 человек.

Вечная вам память погибшие сестрички, наши боевые подруги!

Горячие боевые дни под Арбузово подогревались жгучими лучами июльского солнца, которое беспощадно припекало во все свои градусы. Душные ночи не приносили прохладу. Хотелось пить, но воды не было. В некоторых [воронках] скапливалась желтая торфяная вода, но мы ее не пили. К тому же часто в воронке лежали останки погибшего солдата. Обычно я ожидал ночь. Тогда пробирался к Неве, где пил сладкую, прохладную невскую воду. У берега из воды торчали башни утонувших танков, погибших еще во время боев на Невском Пятачке. Иногда на мелководье прибивало течением и волнами погибших товарищей.

Случалось по ночам выполнять неприятную, но нужную работу – хоронить однополчан. Использовали для этого большие воронки от бомб и снарядов. К утру уже нельзя было определить место захоронения. Снаряды уродовали землю до неузнаваемости.

А через несколько дней приходил приказ из штаба: забрать пирамидки[55] и установить на месте захоронения. Приказ мы выполняли, но устанавливали пирамидки приблизительно, а к утру от них не оставалось следов. Их уничтожали фашистские снаряды. Такова правда войны.

В бою нас поддерживала бригада легких танков. Эти шеститонные малютки с экипажем в два человека и маленькой пушечкой (32 мм)[56], были уязвимы для снарядов любого калибра. Они стояли позади пехоты метрах в двухстах, закопанные по башню. Немцы их не видели, но стреляли по площадям и попадали в танки.

Ночью приходил тягач вытаскивать подбитые танки. Тягач это тот же танк КВ, но без башенки. У него мощный мотор, и когда он начинал работать, то рев мотора слышали фрицы, и им казалось, что у нас происходит черт знает что. Поэтому они открывали сумасшедший артиллерийский огонь. Тягач замолкал, и наполовину уменьшалась артиллерийская суматоха. Затем тягач снова начинает вытаскивать своего младшего брата, и опять усиливают огонь немецкие батареи. А мы-то, пехота, думали, что ночью будет потише и можно будет прикрыть глаза. Это многодневное недосыпание в бою накапливает в организме усталость и сон. Вот почему, когда раненый попадает в госпиталь, он несколько дней все время спит. Его будят покушать, и он делает это с открытыми глазами, а сам спит. Ему делают перевязку, а он не видит врача и сестры – он спит, хотя и стонет от боли.

Наступает утро и ночные сумасшествия вступают в дневные права. Иногда в два-три часа ночи над полем боя появляется «старшина». Так мы называли учебный самолет У-2, который изготовлен из фанеры и перкаля. После войны этот самолет переименовали на ПО-2 по фамилии конструктора Поликарпова[57]. На этом самолете делали свои первые воздушные шаги курсанты авиационных школ.

Во время войны У-2 приспособили для ночного бомбометания и он стал легким ночным бомбардировщиком с женским экипажем. Командовали полками этих бомбардировщиков Герои Советского Союза Гризодубова и Раскова. Работали У-2 и связистами, развозя приказы армии штабам корпусов и дивизий.

Но [наш] «старшина» бомб не имеет. На нем установили мощный репродуктор, по которому экипаж передает сводку Совинформбюро. «Старшина», невидимый, тихо плывет в небе над израненной землей. Вначале передача идет на русском языке, а затем повторяется на немецком. Начинается передача – и фронт стихийно замолкает, как завороженный. А затем чары

рассеиваются, и огонь на земле начинает бушевать с новой силой.

Через двенадцать дней нас сменяет другая часть. От полка в две с лишним тысячи человек осталось триста, это если считать солдат и офицеров тыловых подразделений.

В нашем взводе погибли Петренко, Марков, не вернулся из разведки Попов. Были и другие потери. Но жертвы были не напрасны. Мы измотали немецкие дивизии, и штурм Ленинграда не состоялся. К тому же мы не позволили немцам перебросить войска на Курскую дугу, где шло величайшее танковое сражение Второй мировой войны.

В бою я все время присматривался – не встречу ли Лешу Ямщикова. Но не увидел его ни живого, ни мертвого. Прости мне, Леша, что я не нашел тебя.

Полк выходит из боя. Начал выходить утром с первыми проблесками зари. Для расквартирования полку определено место на правом берегу Невы километрах в двенадцати от передовой. Штаб полка и некоторые подразделения уже на месте.

А у Арбузово продолжают выходить остальные солдаты. Вот идет группа из 37 человек. Все грязные, обросшие бородами, с потухшими глазами и пожелтевшими лицами. Это идет первый батальон, который ведет командир третьей роты, оставшийся в строю. Перед боем батальон насчитывал около четырехсот человек. Идет взвод ПТР. Четыре человека и два противотанковых ружья. Вот и весь взвод.

И когда они подойдут к расположению полка, их внимательно будет рассматривать старшина роты автоматчиков, рота которого пришла уже на место. Старшина высматривает свою подругу Анечку, что с ней? Он знает, что она может появиться только с третьим батальоном, но все равно провожает взглядом каждого солдата. Медленно, молчаливо идут измотанные боем солдаты.

И наконец появляется третий батальон. Они сразу увидели друг друга, и лица их расцветают приветственными улыбками и молодеют. И этот бой окончен для них удачно. Рядом со старшиной стоит беленькая, с фарфоровым личиком Ниночка из санчасти полка. Она никого и ничего не ждет, но все-таки на что-то надеется.

На восьмой день боя весь полк узнал: убит комиссар полка. Это была убита ее первая коротенькая любовь. Еще прошло мало времени, чтобы могли зарубцеваться раны сердца. Она знает, что стоит напрасно, но одной Ниночке мучительно, а на людях не так тоскливо, и горе не так терзает ее душу. И все ей кажется, что свершится чудо.

Но смерть не ошибалась фамилией. Так и идут рядом:

любовь, война и смерть. Получив пополнение, наш корпус (30-й гвардейский) девятнадцатого сентября был снова в бою, но уже левее Арбузово. Корпус наступал на Синявинские высоты, которые до пятидесяти метров поднимались над лежащей перед ней равниной.

Перед высотами простиралась абсолютно ровная, безлесная, частично заболоченная местность, которую фашисты просматривали на глубину около десяти километров. Беда усугублялась тем, что наша пехота не могла закопаться – мешала болотная вода. Артиллерия противника методически уничтожала все живое на этой болотине, которая была розовая от крови наших солдат. Еще в 1983 году на этом болоте была найдена медицинская сестра. Она как живая плавала в этой торфяной жиже. Время и смерть не изуродовали девушку. Сколько погибло там людей – трудно сказать.

Синявинские высоты нашим корпусом были взяты. Был освобожден и поселок Синявино. В этих боях мы потеряли командира взвода лейтенанта Полетаева. Он был душевный человек и хороший командир. В землянку, где находился командир и четверо солдат, попал тяжелый снаряд, и наши товарищи погибли без мучений. Был убит боец нашего взвода Носков, который мечтал после войны приехать в родной колхоз и покрасоваться наградами перед девушками. Был ранен Захарченко.

После Синявинских высот полк обосновался в Углово, среди лесистых холмов. Там мы учились штурмовать высоты и пополнялись. Предстояли новые бои. Солдатское радио утверждало, что будем воевать под Пулково.

23

Новый 1944 год мы встречали там же, в Углово. К встрече готовились под руководством старшего сержанта Верхолата. Он был душой нашего взвода.

Это был человек из той закваски, которая делает людей умельцами, вожаками, движущей силой всякого дела. Призванный в армию еще до войны с финнами, Верхолат после ее окончания попал на полуостров Ханко, где была наша военно-морская база. После начала войны с Германией он отвоевал всю ханковскую баталию.

Так вот, попав из оренбургских степей в армию, Верхолат стал авторитетнейшим помощником командира взвода. Во взводе все держалось на нем: дисциплина, вопросы внутреннего

распорядка, учеба. Каждый новый командир взвода сразу чувствовал, на кого он может опереться. Верхолат был единственным человеком во взводе, воюющим с начала Великой Отечественной войны и не имевшим ранений.

Я не раз видел его в бою. Он и там как в обычной обстановке сохранял спокойствие, выдержку, только взгляд его становился жестче и решительней, а коренастая фигура еще собранней. Его сохраняло солдатское счастье. Так, в одном из боев он подорвал танк, абсолютно исправный и брошенный немцами на нейтральной полосе, хотя немцы его здорово охраняли. Он с саперами сумел обмануть фашистов, и танк приказал долго жить.

Под Нарвой в лесу, в десяти шагах от него, от прямого попадания снаряда буквально испарился боец нашего взвода Янушкевич, а Николай не получил даже царапины.

У Синявинских высот Николай спас машину с ранеными. Шофер был убит. Он сумел перехватить руль и вывел машину из опасного кольца – кругом рвались снаряды[58].

Три медали «За отвагу», медаль «За оборону Ленинграда» украшают его грудь и орден Отечественной войны[59]. Это тоже о многом говорит.

Н. И. Верхолат Довоенная фотография

На таких людях, как Николай Верхолат, держалась и держится наша армия снизу и до верхов. Мы с ним незаметно сдружились. Это была немногословная дружба. Странно говорить о том, что на войне можно оберегать человека. Война есть война. И все же он делал все возможное, чтобы отвести удар от меня. Такова цена его дружеского расположения, неизменной сердечной привязанности.

Итак, мы готовились к встрече Нового года. В землянку пришла пышная, душистая елка. Мы ее украсили бумажками и до блеска начищенными котелками. Это ребячество было разрядкой в нашей суровой жизни. Около двенадцати мы спели рожденную ленинградцами песню, выпили «за тех, кто командовал ротами, мерзнул в сырых блиндажах»[60], а в 12 часов чокнулись фронтовыми ста граммами.

Запевалой был Толя Коротков, который первым узнавал новые песни и часто их пел один. Через несколько дней после Нового года он был откомандирован в войска по охране тыла и там погиб от пули диверсанта.

В двенадцать часов мы выпили по сто грамм фронтовых и пожелали друг другу счастья. Это было в ночь на первое января 1944 года.

А двенадцатого января вечером полк выступил и пошел в сторону Ленинграда. Шел тихий пушистый снежок. Он покрывал белым пологом опустевшие землянки и тропинки, протоптанные между ними, навсегда покинутые нами. Мы уходили, чтобы во время войны больше не возвращаться сюда. Нам путь лежал только на запад.

24

Пройдя город, полк расположился на окраине Московской заставы. Рядом был родной завод «Электросила» и дом, откуда я уходил на войну. И не знал я, увижу ли я снова это.

Через двое суток были заняты исходные позиции на скатах Пулковских высот. До войны на самом высоком холме Пулковских высот располагалась главная обсерватория страны. Теперь от зданий и павильонов остались только груды битого кирпича. За два года фашистская артиллерия все превратила в руины.

Морозным туманным утром пятнадцатого января началась подготовка. Час сорок минут победно гремели наши орудия, стоящие длинными рядами у подножия высот. Били бронепоезда – орудия большой мощности стоящие на железнодорожных

платформах. Гремели сотни корабельных пушек и знаменитые «катюши». Было выпущено 220 тысяч снарядов и мин. Погода была нелетная и авиация в артиллерийском наступлении не участвовала.

Наша 63-я гсд опять была на острие наступления, нацеленная на Красное Село. Командовал дивизией полковник Щеглов[61]. Первый комдив генерал Симоняк командовал 30-м гвардейским корпусом, в который входила и наша дивизия.

Яростное сопротивление немцев было сломлено. Не помогли им доты и дзоты, и бетонные гальюны. Пришлось им пятиться туда, откуда пришли, оставляя после себя разоренную ленинградскую землю, опоясанную кладбищами немецких вояк.

Один из отступающих фрицев был убит посреди шоссе, и мороз превратил его в ледяную куклу. Каждая военная машина наезжала на эту куклу, и она выскальзывала из-под машины, чтобы попасть под колеса следующего грузовика. Земля отвергала эту замороженную тварь, которая при жизни измывалась над ней и хотела завоевать эту землю.

Поздним вечером 27 января по зимней дороге идет наша пехота на запад. В темноте где-то впереди грохочут тягачи, влекущие пехотные орудия. И вдруг в той стороне в ночи, где остался Ленинград, поднялось сияние. Метались по небу бледные сполохи прожекторов. Мы подумали, что это немцы и финны устроили авиационный налет, и идет отражение стервятников. И только утром узнали, что это был салют в ознаменование полного снятия блокады Ленинграда, куда были вложены и наши солдатские усилия.

Были освобождены чудесные пригороды Ленинграда: Гатчина, Красное Село, Пушкин, Павловск, Мга, Ропша, столица фонтанов Новый Петергоф и сотни других населенных пунктов. В Ропше войска, наступающие из Ленинграда, встретились с войсками Федюнинского, гнавших фашистов с Ораниенбаумского пятачка[62].

Все прекрасные дворцы-музеи немцы разграбили и разрушили.

В феврале и марте наш корпус воевал под Нарвой. Это была лесная сумбурная война. Никто толком не знал ни у нас, ни у немцев, где проходит передний край. К тому же мы вклинились в оборону немцев в глубину на 20 км, а по фронту на десять. Был момент, когда мы были отрезаны от армии. Но все обошлось благополучно. Связь была восстановлена.

Запутанная обстановка привела к печальному случаю. Помощник командира полка по хозяйственной части, с командиром хозвзвода и ездовым заехали в плен к немцам, о чем

немцы и сообщили нам по радио. Под Нарвой без вести пропал солдат Березкин. Ночью немецкая разведка утащила нашего товарища Чмакуна.

В середине марта начали таять снега. Днем появлялись лужи, а ночью мороз доходил до минус 15, и мы в своих промокших валенках продавали дрожжи. Что же поделать, война не выбирает погоду.

Под Нарвой мы пробыли до начала мая, а потом наш корпус передислоцировался ближе к Ленинграду. Полк стоял в деревне, которую немцы не успели сжечь, но угнали абсолютно все население.

Буйствовала весенняя пора. Нежной зеленью покрывались деревья и кусты. Упрямыми иголками прокалывала землю молодая трава. Когда приходилось стоять на посту ночью, из ближайшей рощи доносились волшебные соловьиные концерты. Там было так много соловьев, что казалось, от их пения трепещут листочки, и вся роща вдохновенно наполнена весенним соловьиным хором.

Рано утром и поздно вечером в эту рощу наведывались солдаты с котелками. Это они делились своим скромным пайком с товарищами, которые скрывались в зеленях. Эти «лесные братья» были из госпиталей после излечения ранений. Они бежали из запасных полков к своей прежней части и ожидали, когда полк пойдет в бой.

Во время боя любой командир роты примет битого-перебитого солдата. Фактически это были дезертиры. О них знали старшины, а может кто и повыше, но все помалкивали. Что же, это можно назвать святой ложью. Но трудно бросить камень в такого солдата, который считает, что в своей части воевать лучше и помирать легче.

В начале июня корпус пришел и расположился в районе Ленинградского пригорода Сертолово. А одиннадцатого июня артиллерийская подготовка возвестила о начале нашего наступления на Карельском перешейке.

Фронт под командованием Говорова так крепко ударил по финнам, этим прихвостням Гитлера, что через десять дней был освобожден Выборг и наши войска продвинулись за город еще на 25–30 километров. И теперь железнодорожная станция Гвардейская напоминает о том, что здесь воевал тридцатый гвардейский корпус.

Зимой 1940 года для взятия Выборга понадобилось больше трех месяцев. В этих боях наша авиация здорово помогала пехоте. Весь световой день, как по конвейеру, четверки штурмовиков Ил-2 бомбили и обстреливали позиции финнов. А иногда появлялась

целая стая пикирующих бомбардировщиков Петлякова или Туполева, в количестве сотни самолетов, в сопровождении десятков истребителей. И тогда у финнов ходуном ходили сопки.

Это был не сорок первый год, когда наш самолет можно было увидеть как экспонат выставки.

Стоит знойная погода. Июль. Мы на отдыхе после боев за Выборг. Немудреные шалаши и землянки – этого вполне хватает солдату в такую погоду. В зеленях хлопочут птицы. Смолистый дух идет от медно-золотистых сосен. На песчаных буграх и откосах улыбается краснобокая земляника. Цветут травы, наливаясь соками земли. Розовым пламенем цветущего иван-чая пламенеют каменистые сопки. Мир и тишина. Что еще нужно человеку и всему живущему на земле?

Сегодня у нас банный день. Правда, бани как таковой нету, но Карельский перешеек не обижен озерами, в которых купался еще Адам со своим семейством. Полк по частям ходит на ближайшее озеро. Идем туда и мы. Мы – это Касимов, Касаткин и я. Купаемся, а заодно стираем свое обмундирование и белье. Солнце припекает. Вода – парное молоко. Мы блаженствуем, пока сохнет наша постирушка. Но вот и конец нашему блаженству. Мы отправляемся в свое расположение.

Уже к концу пути я оглянулся и увидел двух всадников. В первом узнал комдива генерала Щеглова. Сказал об этом ребятам. Ну что же, пускай едет. Мы на законном основании топаем по дороге.

Дорога спускается в заболоченную низину и превращается в тропинку. А навстречу нам идет лейтенант с велосипедом. Мы вежливо уступаем дорогу, и в это время раздается команда: «Солдаты, стой!» Мы оборачиваемся и замираем по стойке «смирно». Нас нагнал генерал. Комдив продолжает: «Получайте по пять суток строгого ареста».

– Есть пять суток строго ареста! – Отвечаем мы, при этом делаем удивленный вид.

– Вот отсидите и поймете, за что наказаны.

Мы уже знаем, за что получили арест. Генерал увидел, что мы не приветствовали лейтенанта. Когда по передовой ползаешь с офицером и роешь носом землю, то как-то стираются уставные требования, служебные границы. Нам не нужно пяти суток чтобы понять случившееся. Но не будешь об этом говорить генералу. Он все равно не отменит приказ.

Чувствую, комдив про себя усмехается. Он знает свою гвардию и поэтому приказывает лейтенанту: «Отведешь их в штаб полка, а то они еще не найдут туда дороги».

Мы можем гордиться, что нас наказал генерал, а не

лейтенант или майор. Это значительно приятнее, если бы обласкал нас подполковник.

Эта встреча подтверждает старое солдатское правило: не попадайся на глаза начальству и обходи его хотя бы за сто метров.

Вот и сидим мы на «губе»[63] после шикарного банного действа. Губа – землянка-берлога, так низка, что в ней можно только сидеть согнувшись или лежать. Хочешь распрямиться – выползай на свет божий. Часовой не возражает. Но это неудобство не имеет значения. Главное, тепло, и котелок с обедом дружки не забудут принести. Это не губа, а дом отдыха санаторного типа. Спи сколько угодно. Никто ночью не станет объявлять несколько раз тревогу. А днем не будешь бегать по пересеченной местности и не станешь себя подгонять громкими возгласами «вперед, вперед, вперед!» На такой «губе» можно сколько угодно поглощать аромат соснового леса, травы и цветов. Это не та губа, на которой я сидел в Углово в декабре месяце. Там был каменный подвал с минусовой температурой, абсолютно темный. Только на другой день моего пребывания там дружки принесли телефонный провод, и мы его жгли для освещения. Света он давал маловато, зато коптил богато. И когда комиссар полка на четвертый день моего пребывания в подвале делал смотр этому воинству, то мы были чернее чертей, а уж негров подавно. Комиссар, глядя на нас, покачал головой и подвел итог: «Ну и красавцы». А затем досрочно отправил в подразделение не особенно виноватых, в том числе и меня.

Но гауптвахта не такое уж несмываемое пятно на мундире солдата.

25

Эх, пехота, пехота, царица полей! Сколько за войну ты прошла пыльных дорог. Сколько протащилась по весенней и осенней распутице, когда ноги становятся пудовыми от налипшей грязи. Сколько раз ты утопала в снегах, когда тебе в лицо кидалась осатаневшая вьюга. Сколько навьючено на тебя, пехотинец, разного скарба. Тут и винтовка, и гранаты ручные и противотанковые, и двести патрон в «сидоре»[64]. Саперная лопатка. Стальная каска. И еще многое другое, что положено солдату в походе и на войне. И венчает все это скатка из шинели, как хомут на лошади.

С такой поклажей нужно в сутки пройти километров сорок или пятьдесят, а то и больше. А на привале должен вычистить

оружие, стоять на посту и еще всякие дела, которые за тебя никто не сделает. Хорошо если на сон остается три-четыре часа.

Стоят тихие сентябрьские деньки бабьего лета. Еще днем по-летнему пригревало солнце, а ночами трава покрывалась сединой инея. В ночном мраке по дороге движется километровая гусеница – наш полк. Ни говора, ни громких звуков, только мерный шорох тысяч солдатских шагов. Иногда кто-нибудь заснет на ходу и натыкается на впереди идущего. Тихое крепкое словцо, и опять шуршащая тишина.

Полк идет, а на обочине дороги стоит мотоцикл с коляской, в которой сидит командир полка. Пока полк проходит, мотоцикл недвижим, и наш подполковник дремлет, опустив голову на грудь. Но вот проходит последний солдат, и механик трогает машину, догоняя голову колонны, и снова останавливается. И опять командир полка ждет прохождения последнего солдата и, пользуясь случаем, прикрывает глаза.

Когда придем на дневку, полковнику будет не до сна. Куча полковых дел, переговоры со штабом дивизии – не поспишь. Трудно на войне солдату, трудно офицеру… В такие часы люди думают: «Кончится война, эх, и посплю я минуточек шестьсот».

По команде «привал» мы все валимся на хрустящую от инея траву на обочине дороги и мгновенно засыпаем. На дороге остается только небольшая группа – штаб полка и разведчики, охраняющие знамя.

Десять минут покоя, и мы снова шагаем вперед.

Пехота, пехота, царица полей! Как ты только не износила свои ножки по это самое место. Сколько перепахано тобой земли за эту дьявольскую войну. В сотую часть вырытых тобой траншей, окопов и землянок можно было бы уложить всех и всяких нынешних фашистов, и осталось бы еще место для будущих.

Сколько крови и пота пролито тобой, пехота, на пути от Москвы до Победы. Кто не был в твоих рядах, пехота, тот не почувствовал твоего упорства, твоей безмерной преданности Родине. Пехота, пехота, царица полей! Ты навечно обессмертила себя.

Наконец к концу шестых суток[65] мы дошли до исходных позиций. Нас и немцев разделяла неширокая река Эмайыги.

В ночь перед наступлением наш взвод устанавливал дымовые шашки по берегу реки. С сорокакилограммовыми ящиками мы провозились всю ночь.

В темноте у невидимой реки постукивали топоры саперов, готовивших к утру переправу. Иногда проснувшийся фриц выстреливал ракету, и пока она достигала зенита, нужно было успеть упасть, чтобы не заметил нас противник. Порой дежурный

немецкий пулеметчик прошивал темь трассирующими пулями, и пули, как красные жуки, бесшумно таяли в ночи. Периодически немецкая батарея выпускала десяток снарядов по нашему берегу. А наш передний край молчал, закутавшись в непроницаемый плащ ночной темноты и тишины. Это была предгрозовая тишина. Так жил фронт в ночные часы.

Когда на востоке чуть зазеленело небо, полк начал завтракать. А еще через час у нас в тылу громыхнуло орудие, и его угрожающий рык поддержали десятки орудий, а затем сотни стволов начали посылать свои смертельные гостинцы на другой берег фашистам. Через несколько минут установился такой непрерывный грохот, что даже громко кричать было бесполезно. Противоположный берег реки затянуло дымом и пылью, и в этой мрачной завесе вспыхивали все новые и новые багровые всполохи разрывов.

А мы в своем окопчике с Верхолатом, накрывшись плащ-палаткой, моментально заснули под грохочущую музыку бога войны. Нужно было пользоваться моментом. Иногда нас, сонных, подбрасывал близкий разрыв снаряда фрицев, но это был не наш снаряд. Свой снаряд ты не успеешь [услышать], как вместе с разрывом твоя душа улетит на небеса. Спала вся пехота.

Артиллерийское извержение закончилось громовым залпом наших «катюш». Мы сразу проснулись, и началась атака. Это был первый такой стремительный бой и бескровный. В полку был убит только один солдат. Без потерь была форсирована река, заняты первые траншеи немцев. Оказалось, в ночь перед нашим наступлением на участке нашего полка, пришло два батальона немцев с лопатами, чтобы крепить оборону. Они попали под огонь нашей артиллерии и остались там навсегда, перемешанные с землей. Наши войска стремительно продвигались вглубь эстонской земли. Отступая, противник пытался задержать продвижение советских войск. Фашисты взрывали мосты, оставляли заслоны смертников. Но ничто не могло задержать победное шествие наших дивизий. Эта операция, начавшаяся вблизи города Тарту, закончилась освобождением столицы Эстонии Таллинна и всей Эстонской Республики.

Во время передышки мы находились в районе города Кейла.

В декабре железная дорога перебросила нас в окрестности латвийского населенного пункта Кулдига. Там находилась в котле Курляндская группировка немцев в количестве 20 дивизий, отрезанных от Германии. Это все войска, что отступали от Ленинграда. Они упорно сопротивлялись нашим войскам. Приходилось вести с ними кровопролитные бои. Наступила весна 1945 года, а эта окруженная группировка остервенело отстаивала

свои позиции.

Правда, и с нашей стороны участвовало ограниченное количество войск и техники. Люди, вооружение и боеприпасы были нужнее на решающих участках огромного фронта.

26

Наши зенитки располагались на лесистых холмах. И несмотря на то что снег уже сошел, в апреле нас заливало водой. Приходилось часто выкачивать воду из землянок. Больше половины апреля было хмурым. По небу ползли набухшие водяной сыростью облака, и сеял нудный дождь. Однажды наш самый старший по возрасту (ему было за пятьдесят) солдат Загорулько разворчался: «Это не погода, а сверхнахальство».

– Тогда ты не знаешь, что такое сверхнахальство, – заметил снайпер Касимов.

– А, по-твоему, что?

– Сверхнахальство – это когда тыловик лежит с женой фронтовика и ищет себя в списках награжденных.

Слышавшие этот разговор невесело посмеялись, но от этого погода не стала лучше. К тому же вытаявшие из-под снега фашисты отравляли лесные угодья зловонием.

В эти невеселые, кислые дни только прибытие почты вносило просветление, оживление. Полкового почтальона ожидали все и даже те, кто совсем не получал писем. Письма на фронте солдату самое желанное и бесценное. Это та ниточка, которая связывает его с далеким прошлым, с любимой женщиной, с детьми и родителями, если они у него есть и просто с друзьями и товарищами, с миром и тишиной.

Солдаты других взводов, получившие письма, приходили к нам в землянку в вечерние часы. Частым гостем был старший сержант Копанюк. Он подсаживался к горящему фитильку и, не торопясь, обстоятельно рассказывал о письме, полученном от Ули, его девушки, с которой он познакомился через переписку и которую, конечно, не видел.

Семен угощал меня махоркой, дефицитом на фронте. И все эти разговоры и курение были только подготовкой к главному: ему нужно было написать письмо Уле, и это должен был сделать я. Когда Семен считал, что такая подготовка проведена основательно, то обращаясь ко мне, говорил: «Ну, что, Гриша, напишем письмо». И я писал ответы не только ему. И наверно они получались не такими сухими, потому что желающих написать не убывало, а письма из тыла шли и шли. Но скорее всего это

объясняется жаждой общения, близости, живого слова у всех в эти трудные военные годы.

Делал я это с жадной заинтересованностью, так как сам писем почти не получал, а соавторство доставляло мне моральное удовлетворение. Вспоминаю, как Саня Василек (Васильков) хотел получить фотокарточку девушки, с которой переписывался. Прямо написать об этом он считал неприличным. И вот однажды я написал ему письмо, отрывок из которого привожу ниже.

«Лена!

Была морозная звездная ночь. Я шел не знаю куда и зачем. Темные пирамиды елей охраняли мой путь. Узкая лесная тропинка вывела меня на заснеженную поляну, на которой стоял неведомый дом. Одно окно в доме светилось и было не занавешено, и я устремился к нему, как на свет маяка. Заглянув в окно, я увидел слабо освещенную керосиновой лампой, стоящей на столе, комнату.

За столом сидела девушка. Белый пуховой платок обнимал ее плечи. Она о чем-то думала, и мне показалось, что ее мысли бродят далеко-далеко за стенами этой комнаты. Что-то знакомое почудилось мне в этой девушке. И вдруг я понял, что это Вы, Лена. Радостный и нетерпеливый я устремился вокруг дома, ища вход. Огромная сосна загородила тропинку, и когда я обошел ее, то не увидел ни светившегося окна, на заветного дома.

Я хотел позвать Вас, но не было голоса. Наконец, собрав все силы, и холодея сердцем, я громко позвал Вас, и наступило пробуждение. Это был только сон. Тревожный и радостный, далекий от действительности».

Это письмо не дало ожидаемого результата, хотя переписка продолжалась, но она не имела счастливого продолжения после войны. Эту неудачу можно отнести к плохому искусству сочинителя, а может быть попалось такое непробиваемое девичье сердце.

Одно было хорошо для меня в этой истории. Василек не потребовал возмещения убытка, который он понес во время сочинения этого письма. Я беспощадно превращал в дым его махорочное зелье.

Были и хорошие концовки этих переписок. Так, Семен после войны встретился с Улей, а Николай Верхолат с Дусей. В наступившие мирные дни Николай женился на Дусе, увез ее на свою родину в оренбургские степи. Там они воспитали детей. Поженили их и выдали замуж и теперь успешно воюют с внуками.

Получив письмо от Дуси, Николай находил меня и говорил: «Очки[66], посмотри, что я получил». И мы уже вместе перечитывали письмо и писали ответ. Но был у нас хамоватый

донжуан, или что-то вроде этого, Иван Ивушкин, который просил называть его Рома. По его мнению, это звучало аристократичнее. Нам было все равно – Иван или Рома. Пусть будет Рома. От этого он не становился летчиком или танкистом, а оставался все тем же пехотинцем. Этот Рома был великий сочинитель. Он вел переписку с десятками девушек, и по их адресам можно было изучать географию страны.

Н. И. Верхолат и Е. П. Краснова (Дуся) Фронтовая фотография

Когда его спрашивали: «Ну что, Рома, опять получил письмо?» Он с самодовольной улыбкой отвечал: «Всех баб не перелюбишь, но к этому надо стремиться».

Наш патриарх взвода Загорулько философию Ивана отвергал и делал это своеобразно. Он не признавал Ивана за Рому. На этой почве у них всегда были столкновения.

– Так что, Ваня, тебе пишут в письме? – простодушно интересуется Александр Михайлович.

– Да не Ваня, а Рома, – поправляет Ивушкин.

– Вот старость, – притворно сокрушается Загорулько. – Всегда путаю, Ваня. Тебя же зовут Иван.

Это выводит Рому из равновесия:

– Ну и утюг ты. И до самой смерти будешь утюгом.

– Конечно, утюг, – добродушно соглашается Александр Михайлович.

Тут нужно пояснить, почему Рома вспомнил об утюге. На каком-то пожарище Загорулько нашел увесистый утюг. Тщательно его вычистил, завернул в тряпочку и положил в сидор. Когда мы его спрашивали, зачем ему эта железяка, он отвечал: «Кончится война, приду домой и подарю утюг старухе. Будет гладить – пусть вспоминает, как я был на войне». Александр Михайлович носит эту железку около полугода. Кряхтит старый гвардеец, но не выбрасывает ее. Только, наверно, глядя на утюг, думает: «Господи, когда кончится эта проклятая война».

Так и шла в обороне наша солдатская жизнь. Лениво постреливали немцы. Нехотя отвечали мы. Все равно распутица и ужасно липкая жижа не давала делать что-либо серьезное. Наше сидение на Курляндских холмах Аркашенька Касаткин охарактеризовал так: «Мы воюем – бом-бом и не воюем – бом-бом».

27

Был чудесный солнечный день конца апреля [1945 года]. Небо было промыто дождями до ослепительной голубизны. Казалось, что по небу никогда не лохматились водянистые тучи.

Нас, группу солдат, собранных со всей дивизии, везут на грузовике в тыл на заседание армейской партийной комиссии. Все мы грешники, и нужно отвечать перед партией. Моя вина заключается в утере партийного билета.

Когда в 1943 году я был откомандирован из отряда аэростатчиков, то нас, группу из тридцати человек, привели в запасной полк, располагавшийся на проспекте Карла Маркса. Как водится в армии, нас сразу отправили на санобработку. Естественно, все вещи остались в предбаннике. А придя одеваться, мы обнаружили, что нас обокрали. У меня пропали все документы, деньги, часы, а главное – партийный билет. Какой-то подонок пристроился в казармах и занимался этим постыдным, грязным делом.

Утром я пошел к комиссару запасного полка и рассказал о случившемся.

– Ну чем я могу тебе помочь? Придешь в часть, и там будут решать твой вопрос.

Конечно, комиссар был прав. Через две недели мы попали в 188-й гсп. Парторг взвода, которому я рассказал [про] случившееся, пошел к парторгу полка, который разъяснил, что нужно сначала послать запрос в Москву в ЦК партии, который сообщит, есть ли такой коммунист в списках ЦК, и только после

этого можно будет заняться этим вопросом. Наверно, парторг полка не успел послать запрос, так как вскоре мы пошли в бой, а там парторга ранило.

После боя, пока мы приходили в себя, появился новый парторг, [а потом] нас опять бросили в бой. После каждого боя парторг взвода ходил к парторгу полка насчет меня, но дело не трогалось с места. Только в сентябре 1944 года о моих хождениях по инстанциям узнал парторг роты. Он сразу пошел в политотдел дивизии, и только тогда был послан запрос в Москву. Ответ пришел в начале марта [1945 года]. Тогда меня разобрала дивизионная партийная комиссия, которая мне вынесла строгий выговор. А теперь я ехал на заседание армейской партийной комиссии, где окончательно решится моя судьба.

Армейская комиссия утвердила решение дивизионной партийной комиссии и я стал снова полноправным членом партии. Могло быть хуже. Но, к счастью парторга взвода, он был жив и подтвердил мои показания.

28

Второго мая, как и первого, по-прежнему бушевало весеннее солнце. В этот день мы узнали, что наши войска взяли Берлин.

Во всей обстановке и в воздухе чувствовалось приближение окончания войны. Но Курляндская группировка немцев отказывалась сложить оружие и оказывала нам яростное сопротивление. Фронт начал готовиться к нанесению решающего удара. К нам для усиления двигалась артиллерия и реактивные «катюши», поднимая дорожную пыль. Фронт готовился крепко ударить по окруженным фашистам.

29

В полночь меня разбудили, и я заступил на пост. Кругом было тихо и темно. Даже фрицы не кидали ракет.

Не шелохнувшись, подпирая темные небеса, стояли колонны сосен. Эти лесные великаны казались неуязвимыми, вечными. А на самом деле многие из них были ранены немецким железом. И эти раны скажутся позже, когда начнет бушевать ветер. Тогда станут падать деревья, умирая досрочно, как досрочно будут умирать искалеченные солдаты.

Так спокойно отдыхала эта безлунная ночь.

Простояв на посту немного больше часа, я заметил далеко-

далеко в нашем тылу слабое свечение, которое становилось все ярче и ближе. Через некоторое время можно было разобрать бледные лучи прожекторов, метавшиеся по небу. Возникли новые прожектора, они были ярче и ближе. Стала доноситься далекая орудийная стрельба, и вспыхивали звездочки разрывов зенитных снарядов. Я подумал, что это немцы устроили большой авиационный налет, но уж очень он был большой. Прожектора наблюдались по всему обозримому горизонту нашего тыла. Да и не было много авиации у фашистов в Курляндии. К тому же, я не слышал гула пролетавших самолетов.

Наконец орудийная стрельба началась рядом и кругом. Стали взлетать ракеты. Тут уже я совсем перестал что-либо соображать. Вдруг между деревьев показался бегущий человек. На мой крик: «Стой! Кто идет?» – я услышал знакомый голос старшины роты: «Гриша, мир!» – и он побежал дальше.

Ударом ноги я распахнул двери землянки и диким голосом заорал: «В ружье!» Через несколько секунд взвод выскочил с оружием в руках, и я объявил: «Мир, славяне!»

И застрочили солдатские автоматы трассирующими очередями в темное, бархатное небо. Пистолет лейтенанта участвовал в этом хоре.

Только Александр Михайлович Загорулько стоял по стойке «смирно» с автоматом на груди, и по его щекам катились скупые солдатские слезы, слезы радости и счастья. Поднялась автоматная стрельба и у соседних землянок.

Фронт стихийно салютовал миру громом орудий, треском автоматов, вспышками прожекторов и россыпью ракет. Фрицы, наверно, обалдели от такого салюта.

Днем немцы разминировали проходы и вывесили белые флаги в знак капитуляции. Наши войска устремились вглубь Курляндии, а навстречу нам шли колонны немцев сдаваться в плен, предводимые нашими офицерами.

Проходя городки, в которых еще были фрицы, можно было наблюдать сцены отчаяния. Ярые приверженцы Гитлера, офицеры стрелялись из пистолетов. Но таких фанатов было мало. Оружие, снаряжение – все с немецкой аккуратностью было сложено в штабеля у дорог. Пушки и автомашины стояли рядами, ровно по линейке. Наступила новая ночь, и снова фронт салютовал миру.

Таков был первый день мира – долгожданный, выстраданный, желанный, радостный и хмельной.

…Мне было приказано доставить на передовую двадцать лопат, так как замерзшую землю саперной лопаткой было не взять. В километрах трех от передовой в лесу, в непроглядной тьме мартовской ночи я долго искал тылы полка, а затем мы с ездовым повезли лопаты ближе к передовой.

В небольшой осиновой роще у маленького костра сидел солдат. Около него я сгрузил лопаты, а ездовой уехал в тыл.

Присев к костру, я немного поговорил с сидящим солдатом. Оказалось, он тоже из Ленинграда и ему пятьдесят три года.

Он собирался на передовую и решил немного погреться у костра. А я решил, что солдат заодно укрепляет свою решительность. Дело в том, что осиновая роща оканчивалась у поляны шириной метров 700–800. Противоположный край поляны упирался в невысокие холмы, поросшие дубками, где стояли дивизионные пушки и были траншеи нашей пехоты. Это было предместье города Нарвы Лилиенбах.

Слева поляна просматривалась немцами, и стоило хотя бы одному солдату показаться на поляне, как фашисты открывали бешеный артиллерийский и пулеметный огонь. До сих пор не могу понять, или, вернее, принять, этой дурости немцев, хотя и знаю, что на них работала вся Европа, и снарядов им хватало с лихвой. Знаю и их установку: там, где появился один солдат, может находиться подразделение. Несмотря на такие соображения, не могу принять их доводы.

Эту поляну я прошел ночью, когда было тихо. Наверно, и этот солдат проходил ее в это время. А уже наступило ясное мартовское ослепительное утро.

К нам подошел капитан, начальник тыла полка. Он поинтересовался, куда мы направляемся и, узнав, что мне одному не снести лопат, он сказал, что мне поможет сидящий с нами товарищ. Капитан ушел, а мы, разобрав лопаты, двинулись на передовую.

Не успели мы отойти от опушки метров 30–40, как начался концерт. Вокруг нас начали рваться снаряды. Пулеметные очереди вспарывали грязный снег. Примерно посередине поляны стоял подбитый танк, и мы неслись к нему как сумасшедшие, а мне казалось, что мы не бежали, а топтались на месте. И, наконец, желанный танк. Мы упали за его железное тело. Мой попутчик не дышал, а хрипел, и я не мог перевести дыхание. Лицо и тело были мокры от пота. Но мы блаженствовали. Немцы прекратили стрельбу. Знали, до нас теперь не добраться.

Отдышавшись, двинулись дальше. Эту часть пути фрицы просматривали плохо и вели редкий огонь.

Когда мы проходили мимо наших артиллеристов, один из

них, наблюдавший нашу игру со смертью, сказал: «Ну, славяне, вы родились в рубашках». А через час мне снова пришлось, но уже одному переходить эту поляну смерти. Обстоятельства заставляли делать это. И я опять бежал среди разрывов снарядов, перепрыгивая через еще дымящиеся воронки навстречу новым разрывам. Скорей, скорей вперед. Только в скорости была надежда, что я проскочу этот ад. И я добежал до осин и обессиленный упал на снег, хватая его пересохшими губами, этот голубоватый мартовский снег, так пахнущий весной[67].

…Теплой, душной августовской ночью я шел по мелкой траншее. И вдруг хватающий за душу вой, глухой удар, и качнулась земля под ногами. Я сразу понял, что где-то совсем рядом упал снаряд и не разорвался. Духота заставляла дышать ртом. Но, что это? Я чувствую – рот открыт, а дышать им не могу. Все оказалось до смешного просто. Рот был плотно забит торфяной массой, выброшенной упавшим снарядом.

Удивительным было то, что я не почувствовал, как это произошло. И не ощутил боли, когда очищали полость рта от торфа. Было такое ощущение, что в момент происшедшего я был под наркозом и поэтому не чувствовал, как очищают мне рот умелые руки. Если бы снаряд угодил в меня, то не было бы этих записок.

Об этом происшествии я никому не говорил во взводе. Дружки-солдаты расценили бы это как очередную байку Швейка или Васи Теркина… Возможно, еще бы посоветовали не ловить ртом ворон, а то в другой раз может залететь туда железная птичка. Да я бы и не поверил в такой случай, если бы это случилось не со мной.

И еще:

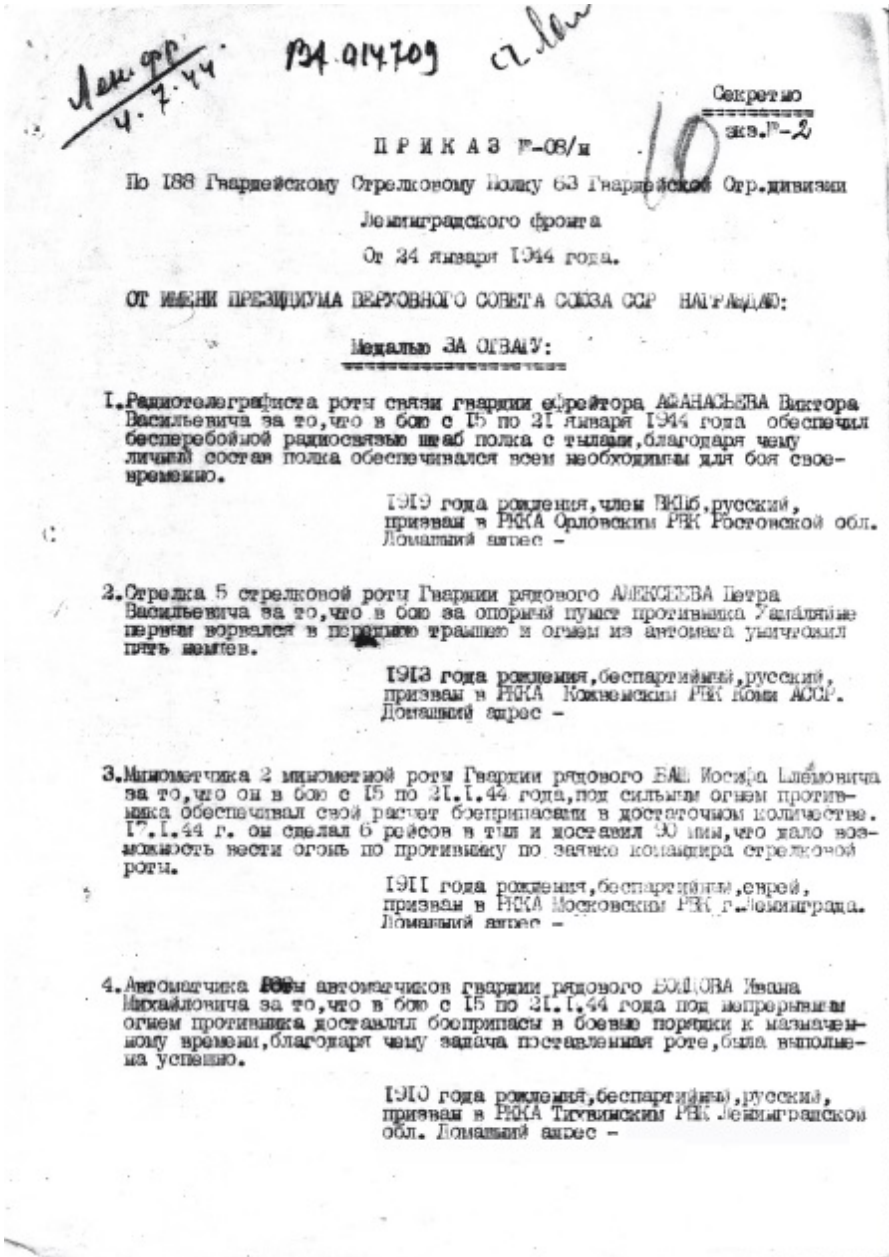
Мне нужно переползти на другую сторону бугорка. Осталось метра два. И вдруг автоматная очередь вспарывает землю у самой моей головы.

Я замер, я убит. Кажется, перестал даже дышать. Пусть гад думает, что он убил меня. Но я все же жду следующей очереди, а ее нет и нет.

И тогда мне кажется, что я начинаю понимать, что происходит в ста метрах в траншее у немцев. Там стоит здоровый рыжий фриц со «шмайсером»[68] в руках, и на спусковом крючке у него палец. Стоит мне пошевелиться, и он прошьет меня автоматной очередью. Но я недвижим, и он почти уверен, что убил меня. Поэтому в очередном письме в Германию к Марте он сможет похвалиться тем, что в летний день под Ленинградом с первой очереди прикончил Ивана.

Этот самовлюбленный фриц не знает, что я не первый день на

фронте и прошел начальный класс войны еще в 1941 году. Когда мы, несмышленыши в военном деле, шли с винтовкой и пятью патронами под немецкие снаряды и пули.



Лен.фр
4.7.44

ВЛ 014709

Секретно
экз.№-2

ПРИКАЗ №-08/н

По 188 Гвардейскому Стрелковому Полку 63 Гвардейской Стр.дивизии
Ленинградского фронта
От 24 января 1944 года.

ОТ ИМЕНИ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР НАГРАЖДАЮ:

Медалью ЗА ОТВАГУ:

1. Радиотелеграфиста роты связи гвардии ефрейтора АФАНАСЬЕВА Виктора Васильевича за то, что в бою с 15 по 21 января 1944 года обеспечил бесперебойной радиосвязью штаб полка с тылами, благодаря чему личный состав полка обеспечивался всем необходимым для боя своевременно.

1919 года рождения, член ВКП(б), русский, призван в РККА Орловским РВК Ростовской обл. Домашний адрес –

2. Стрелка 5 стрелковой роты Гвардии рядового АЛЕКСЕЕВА Петра Васильевича за то, что в бою за опорный пункт противника Уваличье первым ворвался в передние траншеи и огнем из автомата уничтожил пять немцев.

1913 года рождения, беспартийный, русский, призван в РККА Кожвенским РВК Коми АССР. Домашний адрес –

3. Миномётчика 2 миномётной роты Гвардии рядового БАШ Иосифа Львовича за то, что он в бою с 15 по 21.1.44 года, под сильным огнем противника обеспечивал свой расчет боеприпасами в достаточном количестве. 17.1.44 г. он сделал 6 рейсов в тыл и доставил 90 мин, что дало возможность вести огонь по противнику по заячко командира стрелковой роты.

1911 года рождения, беспартийный, еврей, призван в РККА Московским РВК г. Ленинграда. Домашний адрес –

4. Автоматчика 2-ой автоматчиков гвардии рядового БОЛОВА Ивана Михайловича за то, что в бою с 15 по 21.1.44 года под непрерывным огнем противника доставлял боеприпасы в боевые порядки к назначенному времени, благодаря чему задача поставленная роте, была выполнена успешно.

1910 года рождения, беспартийный, русский, призван в РККА Тихвинским РВК Ленинградской обл. Домашний адрес –

1907 года рождения, член ВКПб, русский, призван в РККА Воскресенским РВК. Домашний адрес -

27. Химика-дегазатора взвода химзащиты гвардии младшего сержанта КАЛИНИНА Григория Александровича за то, что в период боев с 15 по 21 января 1944 года, будучи в ВТС, доставлял быстро и своевременно инженерно-химическое имущество на передний край, несмотря на вражеский огонь, проявив при этом смелость.

1910 года рождения, беспартийный, русский, призван в РККА Московским РВК г. Ленинграда Домашний адрес -

28. Наводчика 2 миномётной роты гвардии младшего сержанта ЛОЗАКОВА Владимира Федоровича за то, что в бою 15.1.44 года уничтожил из своего миномета 1 пулемет врагов с его прислугой, тем самым дал возможность нашей стрелковой роте продвинуться вперед без потерь, в этот же день уничтожил в районе Уманьтяка две вражеских землянки.

1924 года рождения, член ВЛКСМ, русский, призван в РККА Тамбовским РВК. Домашний адрес -

29. Командира орудия ИПТБ Гвардии старшего сержанта ЛЕЗИНА Василия Федоровича за то, что в бою 19.1.44 г. заменил выбывшего из строя командира огневого взвода и продолжая вести огонь из своих орудий уничтожил пулемет противника.

1918 года рождения, член ВКПб, русский, призван в РККА Б-Игнатьевским РВК. Домашний адрес -

30. Орудийного номера ИПТБ гвардии рядового МИТИНА Сергея Михайловича за то что в бою 15.1.44 г. несмотря на сильный огонь противника, доставлял снаряды на огневые позиции, действуя смело, решительно и храбро-жровью, увлекая своим личным примером товарищей.

1918 года рождения, беспартийный, русский, призван в РККА Ленинским РВК г. Ростова/Дон Домашний адрес -

31. Повозочного роты связи гвардии рядового МАКАРОВА Михаила Васильевича за то, что в бою с 15 по 21.1.44 г. под огнем противника, бесперебойно поставлял питание для телефонных аппаратов и радиостанций на передний край. 15.1.44 г. разрывом вражеского снаряда были разбиты сани. Тов. Макаров под обстрелом, спокойно, вынес имущество и поставил телефонный кабель и питание на передний край своевременно.

1924 года рождения, член ВЛКСМ, русский, призван в РККА (illegible) РВК. Домашний адрес -

Секретно

ПРИКАЗ Н-032/н Акт.№-2 185

По 188 Гвардейскому стрелковому Ленинградскому ордена Кутузова 3-й степени полку 63 Гвардейской стрелковой Красносельской ордена Ленина Краснознаменной дивизии Ленинградского фронта.

9-го июня 1945 года

ОТ ИМЕНИ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР НАГРАЖДАЮ:

Медалью ЗА ОТВАГУ

1. Наводчика станкового пулемета 3 пулеметной роты, гвардии красноармейца АНАНЬЕВА Ивана Михайловича за то, что в боях за Советскую Родину проявил мужество и отвагу, неоднократно участвовал в ожесточенных боях по разгрому немецких полчищ на Ленинградском фронте.

1925 года рождения, русский, беспартийный, легко ранен 28.10.44г и 2.9.44 г. Наград не имеет. Призван в РККА-Кировским РВК. Домашний адрес

2. Телефониста взвода связи 3 стрелкового батальона, гвардии сержанта ВОЛОВОДЧИК Федора Ивановича за то, что в боях с немецкими захватчиками проявил смелость и мужество, неоднократно участвовал в боях по разгрому немецких захватчиков на Ленинградском фронте.

1920 года рождения, украинец, беспартийный, легко ранен 21.5.44 г. Наград не имеет. Призван в РККА-Ленинским РВК. Домашний адрес-

3. Командира отделения 1 стрелковой роты, гвардии старшину ГРЕЧАНОВА Петра Никитовича за то, что в боях за Советскую Родину проявил смелость и мужество, неоднократно участвовал в ожесточенных боях по разгрому немецких полчищ на Ленинградском фронте.

1917 года рождения, русский, беспартийный, легко ранен 15.10.44 г. и 25.11.44 года. Наград не имеет. Призван в РККА-Джамбульским РВК Джамбульской области. Домашний адрес-

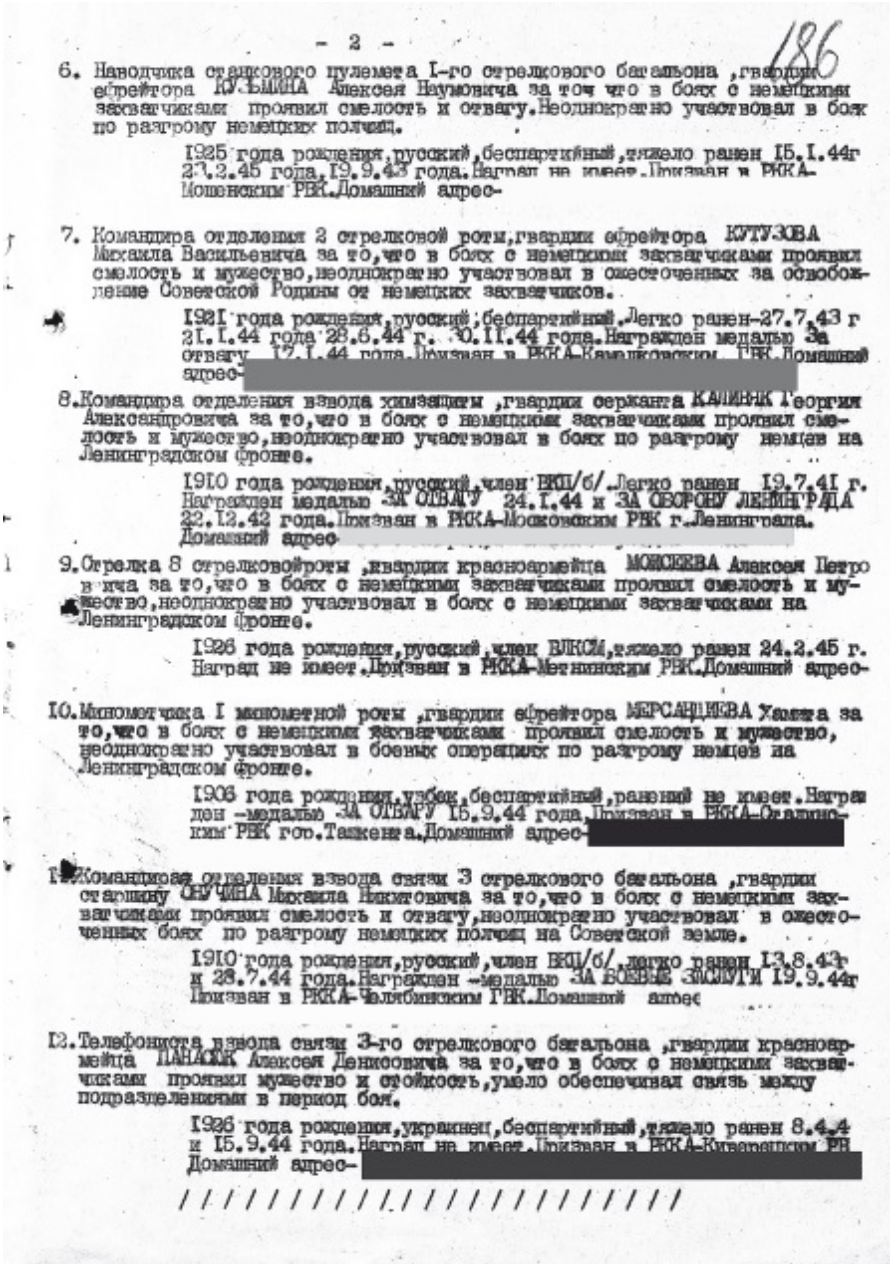
4. Шофера транспортной роты, гвардии сержанта ЗВЕНИГОРОДСКОГО Федора Аникиевича за то, что в боях с немецкими захватчиками проявил смелость и мужество, неоднократно участвовал в боях по разгрому немецких захватчиков на Ленинградском фронте, бесперебойно и своевременно подвозил боеприпасы на передний край, чем способствовал успеху боя.

1919 года рождения, украинец, член ВКП/б/, легко ранен 20.9.43 г. Награжден -медалью За боевые заслуги 21.9.44 г. и 15.6.44 года Призван в РККА-Гуковским РВК. Домашний адрес

5. Писаря-каптенармуса 8 стрелковой роты, гвардии старшего сержанта ИВАНОВА Алексея Ивановича за то, что в боях с немецкими захватчиками проявил смелость и мужество, неоднократно участвовал в ожесточенных боях по разгрому немецких полчищ как на Ленинградском фронте так и на других фронтах.

1906 года рождения, чуваш, канд. ВКП/б/. Легко ранен-15.12.42 г. 15.3.43 года, 29.6.44 года. Тяжело ранен-11.3.43 года, 20.2.44 г. Награжден -медалью ЗА ОТВАГУ 3.7.44 года, 3.3.45 года, медаль За ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА 22.12.42 года. Призван в РККА-Советским РВК. Домашний адрес-

/ / / / / / / / / / / / / / / / / /



- 2 -

186

6. Наводчика станкового пулемета I-го стрелкового батальона ,гвардии ефрейтора КУЗЬМИНА Алексея Наумовича за то что в боях с немецкими захватчиками проявил смелость и отвагу.Неоднократно участвовал в боях по разгрому немецких полчищ.

1925 года рождения,русский,беспартийный,тяжело ранен 15.I.44г 27.2.45 года,19.9.43 года.Наград не имеет.Призван в РККА-Мошенским РВК.Домашний адрес-

7. Командира отделения 3 стрелковой роты,гвардии ефрейтора КУТУЗОВА Михаила Васильевича за то,что в боях с немецкими захватчиками проявил смелость и мужество,неоднократно участвовал в ожесточенных за освобождение Советской Родины от немецких захватчиков.

1921 года рождения,русский,беспартийный.Легко ранен-27.7.43 г 31.I.44 года 28.6.44 г. 30.II.44 года.Награжден медалью За отвагу 12.I.44 года.Призван в РККА-Кимрским ГВК.Домашний адрес-

8.Командира отделения взвода химзащиты ,гвардии сержанта КАЛИНИК Георгия Александровича за то,что в боях с немецкими захватчиками проявил смелость и мужество,неоднократно участвовал в боях по разгрому немцев на Ленинградском фронте.

1910 года рождения,русский,член ВКП/б/.Легко ранен 19.7.41 г. Награжден медалью ЗА ОТВАГУ 24.I.44 и ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА 22.12.42 года.Призван в РККА-Московским РВК г.Ленинграда. Домашний адрес

9.Стрелка 8 стрелковойроты ,гвардии красноармейца МОИСЕЕВА Алексея Петро вича за то,что в боях с немецкими захватчиками проявил смелость и мужество,неоднократно участвовал в боях с немецкими захватчиками на Ленинградском фронте.

1926 года рождения,русский,член ВЛКСМ,тяжело ранен 24.2.45 г. Наград не имеет.Призван в РККА-Метинским РВК.Домашний адрес-

10.Минометчика I минометной роты ,гвардии ефрейтора МЕРСАНДИЕВА Хамита за то,что в боях с немецкими захватчиками проявил смелость и мужество, неоднократно участвовал в боевых операциях по разгрому немцев на Ленинградском фронте.

1906 года рождения,узбек,беспартийный,ранений не имеет.Награ дан -медалью ЗА ОТВАГУ 15.9.44 года,Призван в РККА-Октябрь-ским РВК гор.Ташкента.Домашний адрес-

11.Командира отделения взвода связи 3 стрелкового батальона ,гвардии старшину ОНУЧИНА Михаила Никитовича за то,что в боях с немецкими захватчиками проявил смелость и отвагу,неоднократно участвовал в ожесточенных боях по разгрому немецких полчищ на Советской земле.

1910 года рождения,русский,член ВКП/б/,легко ранен 13.8.43г и 28.7.44 года.Награжден -медалью ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ 19.9.44г Призван в РККА-Челябинским ГВК.Домашний адрес

12.Телефониста взвода связи 3-го стрелкового батальона ,гвардии красноар-мейца ПАНАСЮК Алексея Денисовича за то,что в боях с немецкими захват-чиками проявил мужество и стойкость,умело обеспечивал связь между подразделениями в период бои.

1926 года рождения,украинец,беспартийный,тяжело ранен 8.4.4 и 15.9.44 года.Наград не имеет.Призван в РККА-Киевским РВ Домашний адрес-

/ / / /

подбирается к уху. Откуда он взялся, этот муравей на земле, истерзанной железом. Пот заливает глаза, а я не могу пошевелить даже пальцем, и я продолжаю ждать.

Наконец, я почти уверен, что фриц решил закурить свою вонючую сигарету. И когда он ее подносит к огоньку, я вскакиваю и одним прыжком перелетаю за бугорок. И в это время надо мной проносится автоматная очередь.

Нет, проклятый фашист, ты больше не убьешь меня. Убью тебя я. Или мой однополчанин. А может быть, осколок снаряда расколет твою преступную черепушку. Возможно, прямое попадание бомбы превратит тебя в пыль, и не нужно будет тебе могильной ямы и березового креста. Нет, ты больше не убьешь меня, гитлеровский холуй.

Так сколько рубашек было на мне при рождении? Мы тогда не вспоминали об этом. Каждый день и час мог стать последним.

Это теперь ветераны на досуге могут подсчитывать свое счастье.

31

Наш корпус прошел Курляндию, Ригу и расположился на лесистом побережье Балтийского моря.

Наши землянки находились у подножия береговых дюн. В прибрежных лесах валялось много эсэсовского барахла: погоны, знаки различия, награды. Прижатые к морю нашими войсками, опасаясь за свою шкуру, палачи старались избавиться от признаков принадлежности к этому бандитскому племени.

На море шла работа. Маленькие тральщики прочесывали прибрежные воды. У этих санитаров моря фактически продолжалась война. Эти зеленоватые валы, с пеной яростно накатывавшиеся на берег, должны были быть очищены от железной смерти.

В июне мы двинулись пешим порядком в Ленинград. Нужно было пройти тысячу километров. Шли через деревни, от которых остались печки и трубы. Через города Нарву, Псков, Лугу с немногочисленными уцелевшими домами, изуродованными войной.

Как-то под вечер проходили мимо полей заросших бурьяном и увидели горестную картину. С десяток женщин тащили за собой плуг, за ручки которого держался седобородый старик.

Так возрождалась Русь после нашествия Батыя в 1237 году. Только тогда сошник был деревянным, а теперь железный плуг. Но и тогда и теперь руки были все те же, женские.

Мы молча проходили мимо этих пахарей, и боль за наших людей и ненависть к фашистам клубилась в моем сердце.

Наш каждодневный марш был утомителен и однообразен. Километры, пыль, июньская жара и опять все тоже. Только иногда где-то возникал протяжный звук «а-а-а…» Он становился все громче и громче, и вскоре можно было разобрать, что кричат «ура». Оказывается, это движется медсанбат. На загруженных всяким медицинским скарбом машинах сидят девушки-медички. Это им весь полк кричит «ура». Стихийно. Это мы их благодарим за милосердную работу. А в ответ нам машут руками и одаряют ослепительными улыбками милосердные сестры.

Вечером седьмого июня мы подошли к Ленинграду со стороны Пулкова и расположились на ночь в районе Средней Рогатки, где теперь площадь Победы.

Утром наш 30-й гвардейский корпус должен был пройти через город, который мы защищали 900 дней, торжественным маршем. В Ленинград мы должны войти через три заставы: Невскую, Московскую и Нарвскую. Корпусом командовал Герой Советского Союза генерал Щеглов[69]. Наша дивизия должна была входить в город через Московскую заставу.

Наступивший день нас порадовал солнечной, великолепной погодой, и мы, приведя себя в порядок и надев все регалии, двинулись к Невской твердыне.

Едва мы поравнялись с первыми домами, как попали в окружение ликующих ленинградцев, стоящих по обе стороны Московского проспекта. У многих в руках были цветы, собранные накануне на пригородных полянах. Сколько было улыбок, объятий и слез. Сколько благодарных, сияющих, вопрошающих и изучающих глаз встречало и провожало нас.

Проспекты и улицы, набережные и площади, и всюду люди, люди, люди.

Сколько вас сумело выжить, дорогие ленинградцы, в эту жестокую, голодную и холодную блокаду. Низко вам кланяюсь и всех вас обнимаю, дорогие блокадники.

Был и митинг на Дворцовой площади.

В этом половодье встречи мы медленно продвигались по городу и только к вечеру вышли к Поклонной горе. Тут дома стояли редко, да и людей было мало. Но из-за одного заборчика до нас доносились серебряные звоночки детских голосов, и этот маленький народец задорно приветствовал нас тоненькими веточками рук. Это, наверно, был детский сад. И тут горячая волна ударила в мое сердце и увлажнила глаза. Вот оно, наше племя молодое, из-за которого мы мокли и мерзли, получали ранения и многие отдали свою единственную, неповторимую

жизнь.

У этих ребят было все впереди: светлое детство, человеческая доброта, мирное голубое небо.

Наш полк обосновался в Осиновой роще, а затем перебрался в Сертолово, где мы встретили победу над Японией. В конце октября началась демобилизация. И начали разбредаться славяне. Рушилось солдатское братство.

32

Комната, из которой я уходил на войну, где оставались все пожитки, встретила выбитыми стеклами окна. Чудом уцелело стекло в форточке. В комнату рядом залетел снаряд.

Была комната абсолютно пустой. Даже обои были оборваны на топливо. Исчезло все. Было такое впечатление, что в этой комнате никто никогда не жил. Об утерянном я не переживал. Было только жалко книг, которых до войны набралось порядочно. Позже я узнал, что в наступившие мирные дни принимали макулатуру, и на мои книги соседи получили обои.

Заботливые руки, наводившие порядок в нашей комнате и голова, руководившая ими, видимо, рассуждали так: если хозяин комнаты не вернется с войны и будет он великий праведник, то его немедленно препроводят в рай. А там, на молочных реках с кисельными берегами будет вкушать все, что пожелает. А о такой безделице как книги смешно вспоминать. Ангелы собрали такую большую библиотеку из несданных в земные библиотеки книг, что любому библиофилу не снилось. Ну а если усопший заслуженный грешник, его вне очереди приволокут в ад и будут поджаривать на сковородке и, как заслуженного, еще прополаскивать в кипящей смоле. Тут уж, мои милые, не до книг, не до просвещения, не до культурных развлечений.

В общем, с какой стороны не подойди, забулдыге солдату-покойнику ничто не нужно на этой грешной земле.

А может, хитрый солдат обманет костлявую. Ну что же, он соберет новую кучу книг, лучше тех, что сгорели в пламени войны. Вот так-то, мои любезные сограждане. Нужно чем-то и солдату пострадать за общее дело.

А любезной гражданкой, устроившей генеральный погром в нашей комнате, оказалась задушевная подруга жены, с которой они дружили со школьной скамьи. Она и проживала на одной площадке с нами. Все ценное осело у нее в комоде, а остальное ушло по хозяйству. Так на оселке войны была проверена дружба двух подруг.

Люди, почему вы иногда забываете опираться на посох любви к ближнему?

Но несмотря на такой погром, на душе было хорошо. Какое счастье иметь над головой надежную крышу и тишину!

На завод я пришел в свой цех. В нашей мастерской из довоенных работников остался один мастер. И уцелел, наверно, потому, что всю войну был в эвакуации на Алтае и находился на броне. Остальной народ был из демобилизованных инвалидов.

Завод был покалечен войной. Две тысячи снарядов и бомб крошили его стены и убивали людей. Пришлось в полуразрушенных цехах восстанавливать электрические машины для возрождения предприятий страны. Ведь эти мародеры и грабители немцы нанесли народному хозяйству СССР огромный урон, исчисляемый в 700 миллиардов рублей.

Все это нужно было восстанавливать, и везде нужны были электрические машины. Наступили трудные полуголодные годы. Да и откуда было взяться светлым, если было порушено хозяйство самой богатой части страны. Да и после капитуляции Германии, отказывая себе, мы подкармливали немцев в нашей зоне оккупации.

И теперь идут эшелоны и плывут корабли с нашим продовольствием и товарами в разные страны. Мы работаем в полуразрушенных цехах по десять часов в день, восстанавливая гидрогенераторы для Днепрогэса, Свири и других ГЭС.

Зимой 1946 года стали работать на Курчатова. Наша бригада должна была изготовить десять круглых катушек из полосовой меди весом 4,5 тонны каждая, с прокладкой между ветками из асбеста толщиной 0,4 мм, на изоляционном клее шеллаке.

Эту работу можно было выполнить только на карусельном станке с диаметром планшайбы в семь метров, которая стояла в большом пролете. Стены цеха были в дырах от немецких снарядов. Кроме нас и крановщиков, обслуживавших нашу бригаду, тут никто больше не работал. Холод был такой, как на улице, а от промерзшего металла, казалось, было еще холодней.

Технология намотки катушек заставляла работать без рукавиц, и от холода кожа на руках лопалась до крови.

Мучились с изоляционным лаком. От холода он становился упругим, как резина. При намотке создавалось натяжение, и от него лак с изоляцией выползал из витков. Нужно было много усилий, нервов и терпения, чтобы качественно выполнить эту работу.

Тогда мы не знали, для какой машины нужны наши катушки. Но по вниманию к нашей бригаде чувствовалось, что это важное правительственное задание. Каждый день с гудком группа

руководящих работников завода во главе с главным инженером приходила и проверяла нашу работу, и устраняла помехи, мешающие нам.

Только через несколько лет я узнал, что мы делали катушки для циклотрона – машины, нужной для разложения атома[70].

В эти голодные послевоенные годы нас иногда премировали натурой: однажды я получил четыреста грамм рыбьего жира.

Г. А. Калиняк

Я жил один. Семья была в пригороде у знакомых. Приходилось готовить обед самому. Обед состоял из одного супа, куда входили следующие части: вода, картошка и соль. Причем вода была в неограниченном количестве, чего нельзя было сказать о картошке. Однажды я решил облагородить свой суп и подлил туда грамм пятьдесят рыбьего жира. Через несколько секунд я пришел в ужас. По квартире покатилась волна такого зловонного аромата, который неописуем. Это нужно испытать самому, чтобы иметь представление об этом благоухании. Но было тут одно несомненное достоинство: соседок по квартире как ветром сдуло с кухни.

Суп был тем хорош, что к нему можно было приплюсовать

мысленно любое количество блюд, которое не отягощало желудок как на пирах Лукулла. Как приговоренный к свирепому наказанию, я взялся за ложку, когда была готова эта похлебка. Думал, не сделаю и глотка. Но голод лучший начальник за обеденным столом. Постепенно я втянулся в это ароматное блюдо и даже стал опасаться, что больше не получу такой премии.

Возможно, я плохой гастроном и предвзято оцениваю это фирменное блюдо. Буду признателен любому сварившему такую ушицу и практически доказавшему, что я не достоин такого редкого кушанья.

Тяжелые годы сменились более легкими. Отменили продовольственные карточки, достоинством которых являлось то, что по ним можно было изучать арифметику, столько на них было разных цифр. К тому же, выкупленные по ним продукты не отягощали сумки хозяек.

Стало сытно, но работали мы много и упорно. Завод стал выпускать гидрогенераторы для волжских и сибирских ГЭС. Одна такая машина имела мощность 500 тысяч киловатт и по мощности она ровнялась всему довоенному Днепрогэсу. Волховские гидрогенераторы в 8–9 тысяч киловатт стали юношеским воспоминанием.

33

Сегодня Первое мая. Веселый праздник весны и труда. Я иду на завод. У проходной уже табунятся демонстранты. Сколько дружелюбных лиц здоровается со мной, и я отвечаю им, но не задерживаюсь и иду в проходную, и каждый понимает, что если в такой день человек идет на завод, значит, он дежурит по цеху.

Конечно, немного грустно, что меня не будет в рядах демонстрантов, но что поделать. Нужно и в такой день кому-то быть на заводе.

Сменившийся товарищ уходит, а я, доложившись дежурному по заводу, иду в цех.

Цех один из крупнейших и важнейших на заводе. В главном пролете стоят большие токарные, карусельные, фрезерные и сверлильные станки. Четверть пролета занимает разгонная яма и испытательный стенд. Рядом сборка машин. Но корпус достаточно большой, что тут хватит места для обмотки крупных статоров и якорей. В конце цеха у железнодорожного полотна хозяйство упаковщиков.

К центральному корпусу (пролету) примыкают десять мастерских, где идет пооперационная обработка частей машины.

Готовые части поступают на сборку, которая является повивальной бабкой каждой машины. Сборщики устанавливают каждую машину на стенд, и уже испытанная, она получает путевку к заказчику.

Большую площадь занимает наш цех. В рабочие дни здесь стоит непрерывный шум. Шумят под крышей цеха краны, перебрасывающие детали. Напряженно гудят станки, вгрызаясь в металл. Грохочут кувалды слесарей. Звенит на стенде испытываемый ротор. Все это результат усилий семисот человек, работающих здесь.

При Сименсе-Шуккерте это был завод, а теперь один из цехов завода «Электросила» им. С. М. Кирова. Тут отзвенела моя комсомольская молодость. Тут обрела свое уверенное лицо спокойная зрелость. И тут, наверно, я прожил больше половины того, что отпущено мне природой.

А сегодня тут тишина и строгий порядок. Перед праздником шла генеральная уборка цеха. Блестят от свежей смазки станки. Многие покрашены заново. Цех, как невеста перед смотринами, принарядился и отдыхает. Не торопясь, шагаю по цеху и заглядываю в укромные уголки. Не остался ли где невыключенным мотор. Убрали ли после себя ремонтники тряпки. Да мало ли что. Но нет, всюду порядок и впереди восемь часов дежурства, за которые многое передумается.

Прошло тридцать лет, как я перешагнул проходную завода. Это хороший кусок жизни, отданный работе. Сколько за это время на заводе и вокруг него совершилось событий! Сколько ушло на вечный покой товарищей, работавших рядом.

Если раньше между цехами были пустыри, а в центре заводской территории даже небольшое озеро, то теперь на месте озера выстроен большой материальный склад и пустыри застроены огромными цехами. И теперь на заводе работает не четыре тысячи как в 1929 году, а двадцать тысяч. Если раньше завод стоял на Московском шоссе, а кругом были заболоченные поляны, то теперь это Московский проспект, протянувшийся в сторону Пулково на четыре километра и застроенный красивыми домами.

Этому центральному проспекту района сопутствуют проспекты и улицы, выросшие на месте пустырей. И всюду асфальт, газоны и великолепный парк Победы, посаженный после войны на месте городской свалки.

В общем, за «Электросилой» в сторону Пулково вырос целый город с развитой транспортной сетью (метро, трамвай, автобус, троллейбус), с несколькими гостиницами, кинотеатрами, институтами. Венчает проспект площадь Победы, на которой

сооружен величественный памятник блокадному Ленинграду.

Выходит, мы стареем, а Московская застава молодеет. Это я говорю «застава», а молодые не признают застав. Нарвский, Невский, Московский район – вот и все. И никаких застав не признают. Новое поколение уже не помнит историю района, города, страны. Многие молодые поклоняются только деньгам, тряпкам и прочему вещизму, а на остальное им до лампочки. Время неумолимо движется вперед, и я вижу, как здорово постарел. Это даже не то определение. Просто я стал почти восьмидесятилетним стариком уже в стадии ископаемого предка. Вот такие думы рождаются в отдыхающем цеху.

Но я дежурю не один. Еще есть дежурный монтер Анатолий Вьюшин. Толя общительный человек. Оказывается, он воевал в 1941 году примерно в тех же местах, где и я, но только немного позднее и менее удачно, чем мы. Толя даже не знает, с какой дивизией и полком свела его судьба.

С маршевой ротой он пришел в какой-то лес, где находился, по-видимому, штаб полка. Их развели по подразделениям. Среди реденьких окопчиков на опушке леса Вьюшин вырыл и себе ямку. Все эти хождения и обустройство заняли почти всю ночь. Уже на востоке проклюнулась зорька, как Толя заснул. Он не знает, сколько спал, но проснулся от грохота разрыва немецких снарядов. А потом пошли фашистские танки, а за ними густо повалила немецкая пехота, которая как сумасшедшая орала и бешено строчила из автоматов.

У Вьюшина была одна обойма патрон. Он несколько раз выстрелил из винтовки. Танки и пехота фашистов неумолимо приближалась. Увидел, что несколько соседей-солдат поползли, и он за ними. А сзади резко бухали орудия немецких танков, и кричали фрицы. Ползущие солдаты поднялись и побежали вглубь леса. И он за ними. Так началась бродячая жизнь четырех солдат. Шум боя постепенно затихал – они углублялись в лес. Ориентировались по немецким самолетам, которые стаями шли в сторону Ленинграда. Через несколько дней к ним присоединились еще три товарища. Питались черникой, недозревшей брусникой. Несколько раз копали на покинутых землях картошку. В одном брошенном магазине нашли немного засохшего хлеба и сахара. В разных направлениях громыхали пушки. Несколько раз слышали гул проходящих танков. В небе шли и шли косяки фашистских самолетов на Ленинград.

В первых числах сентября вышли к большому населенному пункту. Это был пригород Ленинграда Детское Село (город Пушкин). Шли по спокойному городу и люди с удивлением смотрели на этих обросших щетиной солдат.

– Я увидел вывеску «Парикмахерская» и машинально зашел туда, – говорил Толя. – Сел в кресло и провалился, как в пропасть. Проснулся постриженным и побритым. Мастер отказался брать деньги за работу.

Вьюшин пристал к какой-то части. А семнадцатого сентября [немцы] заняли Пушкин. Толя Вьюшин воевал в разных частях Ленинградского фронта. Зимой 1942 года был ранен. Лежал в госпитале, где сестры носили ведрами воду из Фонтанки. Он исправил мотор у насоса, и госпиталь перестал испытывать водяной голод. Вообще Толя много сделал в госпитале по электрической части. Когда выздоровел, его не хотели отпускать, но он ушел на фронт. Через две недели был снова ранен и попал в старый госпиталь. Его встретили по-хорошему, как своего. Последний раз Вьюшин был ранен под Выборгом в 1944 году.

Оказывается, Вьюшин был вооружен канадской винтовкой, которые лежали на складах со времен Первой мировой войны. Это были тяжелые, неудобные драндулеты. Ими были вооружены и наши аэростатчики.

За воспоминаниями быстро проходит время. Около четырех часов нас сменяют другие товарищи.

В эти годы мои семейные дела становились все хуже и хуже. Мне вспоминаются первые письма, полученные от жены в конце 1944 года. Она писала: «Если мы встретимся, то жить будем иначе. Я поняла, как была не права до войны». Тогда она на меня тратила 30 слов в день, а теперь 10 в неделю. Так что она выполнила свое обещание жить по-другому.

И тут возник счастливый случай. В 1954 году началась организация коллективных садов. Я ухватился за это неизвестное дело. В тридцати километрах от Ленинграда заводу отвели участок земли. Земля была бросовая – песок вперемолку с камнями, – кое-где заболоченная. И в этих местах было царство мхов столетнего возраста. Росла на этой земле жалкая трава. Кое-где тощие кустики и бескровные осины и березки. Водоемов и дорог не было.

Здесь легкой жизни не предвиделось, да я и не искал ее. Главное, после работы можно было не возвращаться домой в опостылевшее гнездо. В любую погоду я ездил туда, а в воскресенье, чуть свет, я уже был на вокзале. Никакие перепады погоды не могли меня остановить. Если шел приличный дождь, я пережидал его в шалаше, сделанном из плащ-палатки и кусков фанеры. А на мелкий дождь я не обращал внимания, орудуя лопатой и перемещая грунт в соответствии с выработанным мной планом. Сад нужно было создавать упорной работой, на этой обиженной природой и обстоятельствами земле. Некоторые

садоводы считали, что стоит копнуть лопатой землю, как все образуется без особых усилий.

Но я понимал, что нужно вложить уйму труда и немало денег, чтобы эта пустошь стала по-настоящему красивой землей. Прежде чем посадить яблоню и куст смородины, нужно было вырыть яму для яблони диаметром в два метра и глубиной 70 см, а под куст – в два раза меньше. Из ям нужно было удалить песок и камни, а заполнить их дерном, торфом, навозом. Песок и камни нельзя было удалить с участка, чтобы не понизить его. Для этого пришлось на участке разметить дорожки, снять с них дерн, а на его место сыпать песок и камни из ям. Такое перемещение грунта имело и второе преимущество: я мог ходить по дорожкам при любой погоде. Они были всегда сухими. А соседи в дождливую погоду осенью или весной укладывали доски или кирпичи, где им приходилось ходить. Своего дерна для заполнения ям не хватало. Приходилось таскать дерн с пустырей, покупать торф и навоз. За навозом я и сам ходил на совхозное пастбище за два километра.

В общем, тут нужен был труд и еще десять раз труд, подкрепленный деньгами. Трудились садоводы с ранней весны и до заморозков. Приезжали по воскресеньям зимой. Тащили на себе все, что нужно было в хозяйстве. Это было упорство муравья и мощь Гулливера[71].

Зимой я ходил на свалку. Собирал доски, фанеру, картон, гвозди, краску и все это зимой переправлял в сад.

Сад стоял, укутанный зимней тишиной, и среди белого безмолвия сиротливо стояли скелетики первых посаженных деревьев. Снег лежал, точно яблони цвет, чуть розоватый от скупого зимнего солнца, и казалось в январе, что уже чуть-чуть повеяло запахом весны и пробуждения.

На третий год работы в саду появились первые результаты. Сначала ягоды, а потом фрукты пошли на стол сыну. Зацвела и заплодоносила земляника. Забушевали цветы. Было радостно видеть, что из пустыря, благодаря упорству и усилиям, рождается красивая земля, обещающая и благодарная.

Я по-доброму завидовал сыну, его аппетиту. Он сразу мог съесть килограмм яблок и закусить хорошей тарелкой земляники. А мне хватало одного яблока и десяток ягод на день. На заводе, в душном задымленном цеху я мечтал: вот приду в сад и навалюсь на яблоки и ягоды, чтобы отбить во рту заводскую горечь. А в действительности все было не так. Я был равнодушен к плодам и ягодам, но наслаждался формой и расцветкой даров природы, половодьем цветов, которые цвели с конца апреля до глубокой осени.

Яблони «белый налив» дарили прозрачные, душистые и

сладкие плоды. И каждый год плодоносили так обильно, что приходилось ставить под них целый лес подпорок. Или «осенний полосатый» – к началу сентября яблоки наливались румянцем. Стоит дерево, как большой букет цветов в зелени и румянах. А антоновка, строгая, отливающая желтизной своих плодов, старинное произведение искусства садоводов. И еще яблони и груша-тонковетка с яркими красными бочками, нежная и прекрасная. И сережки вишен. И с сизой изморозью сливы, и колючий строгий крыжовник, и прячущиеся в своих душистых листьях кисти черной смородины, и обильно плодоносящая малина, которую мы не успевали собирать, и она, перезрев, падала на землю. И нежные гроздья красной смородины. И разросшийся куст черной рябины, похожий на небольшую рощу, дававший приют для гнездования маленьких птичек, обильно плодоносящий и подвергающийся сентябрьским набегам нахальных дроздов.

И опять цветы, цветы. Нежный, оранжевый, быстро отцветающий мак. Мохнатые листочки дельфиниумов. Горделивые и хрупкие гладиолусы. Многоцветные турецкие гвоздики. Остро пахнущие флоксы. Пышные осенние астры. И конечно, обильно цветущие и нежно пахнущие июльские розы.

Все это вдохновляло на труд, на жажду жизни, на радостную, еще не родившуюся мечту. И всего этого не замечала моя жена. Пришлось расстаться с садами. Но я не жалею об этом. Пару десятков деревьев я оставил на этой недавно бесплодной земле, не считая кустов, ягодников и цветов.

А итог нашей совместной жизни выглядит так. Обычно, когда я приходил домой с получкой, то деньги клал на холодильник. Приходила жена, и она, как коршун, набрасывалась на деньги, пересчитывая их. Так же я поступил, когда принес первую пенсию.

А мне хватает моей пенсии. Да и куда мне лишние купюры. Накопительством я не занимаюсь. Водку не пью. Не курю. В кино и театры из-за глаукомы не хожу. Нарядов мне особых не нужно. Прикрыт грех, ну и ладно. Чтобы не закиснуть мне хватает газет и журналов, ну и книг.

Есть проверенные сведения, что в царство Аида ветеранов партии и войны принимают без сберегательной книжки. Так что можно не беспокоиться за свою потустороннюю судьбу. Вот так произошло отлучение пенсионера от семьи.

В декабре 1967 года, придя с работы, я почувствовал боль в сердце. Боль так быстро нарастала и становилась невыносимой. Казалось, кто-то когтями разрывает сердце на части. Это был инфаркт. Пятьдесят дней в больнице. Пятьдесят дней дома. А потом инвалидность. Я уже не мог работать на своей работе и

стал не нужен цеху.

Спасибо соседям. У них освободилось место ночного сторожа, и я принял этот пост. Тут я и доработал до пенсии. А потом стали одолевать разные болести.

34

Ах, время, время! Оно незаметно донесло нас до тревожных дней. Все больше и больше на земле пахнет порохом и атомной грозой. Это не сумасшедшие и не дураки грозят нас испепелить водородными и нейтронными бомбами. Они даже очень умные – эти Рейган, Коль, Тэтчер и остальная правящая верхушка.

Американские мудрецы подсчитали свои плюсы и минусы, и главный их плюс – средний американец. Это не только белые воротнички, но рабочий и фермер. Этому среднему янки наплевать на то, что убивают вьетнамца, араба, кхмера или русского. Главное для него дом в рассрочку, машина, холодильник, телевизор и, конечно, счет в банке, где оседают доллары, пахнущие кровью африканца, азиата или южного американца, за счет которых его подкармливает умный босс.

Он, как крот, этот пролетарий и фермер, уткнулся в корыто с похлебкой. Он не старается прозреть. Он не хочет слушать, что говорят его соотечественники-коммунисты. Он не читает их газет.

Он, этот средний американец, отрывается от корыта только тогда, когда захлопываются двери кормушки. Тогда он начинает пищать: «Смотрите, я стал безработным. Пожалейте меня, люди добрые». И становится в очередь за миской супа в столовой Армии Спасения. На большее у него не хватает гражданского мужества.

В годы вьетнамской войны с протестами против нее выходили на улицы женщины, студенты, интеллигенция, а пролетариат не пошевелил даже пальцем. Эти американские рабочие не подумали в знак протеста объявить всеобщую забастовку и решительно заявить: «Хватит убивать!». Протестовать против атомной угрозы они не собираются и теперь. Наоборот, они отдают свои голоса президентам-атомщикам. Этот средний американец восхищается, когда президент посылает убивать тех, кто не угоден американским капиталистам. Этот средний янки заходится в патриотическом визге, когда была растоптана свобода маленькой Гренады, когда уничтожаются народы Никарагуа, Сальвадора, Афганистана, когда американский линкор из орудий перепахивает деревни Ливана, а на очереди расправа с Сирией, Ливией, Анголой, Эфиопией. Хотя с Ливией

уже частично расправились прилетевшие из Англии американские бомбовозы. Они разбомбили города Триполи и Бенгази. Сотни убитых и тысячи раненных. И это подлое избиение ливийцев приводит в восторг 2/3 американцев, разжиревших на чужой крови. Этот средний американец хлопает в ладоши и чуть ли не кричит «хайль», как кричали гитлеровские душегубы.

Я прожил долгую жизнь и никогда не желал никому худого – плохой судьбы. Но тут искренне желаю, чтобы такая участь, какая постигла ливийцев, обрушилась на 2/3 американцев.

И не только атомная гроза нависла над миром, но готовятся новые способы уничтожения людей: лазеры, химия, бактериологическое и космическое оружие. И первую скрипку в этой подготовке войны ведут США.

Наше предложение о запрете испытаний ядерного оружия и сокращении обычных вооружений американцами отвергаются. Да и как они будут сокращать вооружение, если у них генеральная цель – уничтожить Советский Союз.

Десятки национальных освободительных революций в Азии, Африке, Латинской Америке показали толстосумам, что надежды на незыблемость диктатуры капитализма должны рухнуть. Если они хотят (а в этом нет сомнения) сохранить на земле свои позиции, то им нужно объединиться, вооружиться и затем нанести удар по коммунистическому миру и, в первую очередь, по Советской стране. Они великолепно понимают, что в мирном соревновании двух систем им надеяться на победу бесполезно. Вопрос стоит так: или-или.

Теперь США чувствуют себя на коне. Им удалось повернуть руль политических настроений вправо во всех основных крупных государствах мира.

Сначала в ФРГ избиратели проголосовали за профашиста Коля. Затем англичане выразили доверие консервативной Тэтчер. Идет в ногу с ними Япония, Италия и европейская мелочь. Такая расстановка политических сил в мире обнадеживает США, и они ускоренными темпами готовятся к третьей мировой войне.

Но эту войну они готовят не только технически, но и психологически. Изобретатель нейтронной бомбы американец Телер подсчитал, что в атомном пекле погибнет половина американцев, но зато исчезнут с лица земли все советские люди, европейцы, азиаты, и если кое-что останется, то это будет так ничтожно, что эти остатки можно не принимать в расчет.

Свободных пространств и бесхозных земель хватит на всех американцев. Ну а работать на этих пустошах будут рабы, привезенные из Африки, конечно, под руководством белого человека – американца. Вот уже тогда пятьдесят два миллиона

американцев, мечтающих стать миллионерами, наконец обретут свою мечту.

И все-таки они плохо считают и прогнозируют, эти умные Телеры. Пятьдесят тысяч накопленных в мире атомных бомб хватит, чтобы превратить десять таких планет как Земля в безжизненные пустыни, захолоделые и мертвые. Так что напрасно зажиревший средний американец после атомного безумия надеется разжиться еще больше. Через 300–400 лет будущие граждане США станут краснеть за своих предков, живших в двадцатом веке, продававших за тридцать сребреников человеческую и пролетарскую совесть.

А пока существует империализм, не будет мира на земле. Не будет в тишине жить человечество.

35

В шестидесятые годы гремела по радио песня «Москва-Пекин». Слушая эту песню, многие думали: «Нет крепче союза, чем союз этих двух государств».

На заводе в курилке шли всякие суды-пересуды на злободневные темы. Вопрос о союзе с Китаем был тогда самым важным. Все тогда радовались победе народной армии Китая, изгнавшей Чан Кайши на остров Тайвань из материкового Китая и первым успехам строительства новой жизни.

Кому могло прийти в голову, что Мао Цзедун и его клика превратят этот союз в грустное воспоминание.

Разве могли мы в СССР подумать, что нас в Китае начнут поливать грязью, будут прививать народам Китая ненависть к нашей стране и будут приравнивать нас к американским империалистам и даже хуже того. О союзе с Китаем мы часто беседовали с Юлисом Врублевским, обмотчиком высочайшего класса, ставшего через несколько лет Героем Социалистического Труда.

Он работал в соседней мастерской еще до войны, и мы с ним были дружны. Однажды Врублевский сказал: «Нам теперь никто не страшен, с нами Китай».

Я промолчал, а он, почувствовав, что я не разделяю его оптимизма, спросил: «А ты как думаешь?».

– Я не верю им. Они вытянут из нас не один миллиард рублей, а после покажут свое истинное лицо.

– Ты неглупый человек, но в этом вопросе здорово ошибаешься, – улыбнулся Врублевский.

Я не стал спорить. Ведь я и сам радовался рождению нового

Китая. Но все же сомневался в искренности их дружбы. Уж больно Мао, как доходили до нас скупые слухи, походил на императорского мандарина. Но, к сожалению, я не ошибся. Не прошло и пяти лет как самые невероятные предположения начали сбываться. Мы построили Китаю двести заводов и каких! А они отвернулись от дружбы и, соревнуясь с продажными писаками Запада, втаптывали [нас] в грязь. На своих картах китайцы стали показывать как свою землю наши земли на Дальнем Востоке и земли среднеазиатских республик. Они еще покажут себя в полную силу, эти соседи на Востоке. Будет литься кровь советских людей как на западе, так и на востоке.

36

Только раз бывает в жизни встреча…

/из песни/

Иногда беспричинно начинает овладевать мной беспокойство. Что бы я ни делал, а где-то в душе шевелится необъяснимое смятение, непонятная устремленность, несозревшее желание.

Проходит день, два и три. Мне становится ясно, что меня тревожит. Я ухожу из дома. Еду на Петроградскую сторону. Выхожу на станции метро «Горьковская» и тихонько иду по бульвару-проспекту.

Октябрь. Давно обнажились липы. Рдеют сочные гроздья рябины, ожидая прилета гостей. Ветер упрямо очищает упавшее золото берез, кое-где придавленное желтой ладонью кленового листа. И только тополя поредевшей, но еще зеленой листвой напоминают, что за углом стоит уходящее лето.

Незаметно я ускоряю шаги. И вот уже вижу большой, угловой серый дом. Он все тот же, как пятьдесят лет назад. Его пощадила война и блокада. Только на подъезде нет таблички с фамилиями жильцов. Видимо за это время новое поколение жильцов сменило прежних, табличку сняли, а новую забыли повесить.

Я останавливаюсь против дома и жадно смотрю на него, с надеждой ожидаю. Все мне кажется, что из подъезда дома выйдет такая знакомая девушка, и я подойду к ней и буду шагать рядом. И стану говорить, говорить обо всем, что накопилось за долгие годы. И если будет – радостно увижу ее чудесную улыбку и потеплевшие или вопрошающие глаза. Это будет как награда за верность, за долгое ожидание и разлуку. И, как в давние времена, я по-прежнему буду стараться нечасто смотреть на нее, чтобы она

не заметила в моих глазах бесенят любви.

…Не было ни осени, ни зелени, ни движения, ни звука. Ни смеха, ни слез. Приходило и жило только прошлое. Неистребимо улыбалось далекое юное счастье.

Любовь – это взлеты и падения. Радость и страдания. Признание и воскрешение из смерти. И летящая в голубизну песня жаворонка. И улыбка твоей души. И свет твоих глаз. Это все ты – молчаливая и рождающая своим голосом музыку. И это вся ты, воскрешающая мечту и очарование, и ответное ликование моего существа.

Если этого нет, значит больше не пламенеет солнце любви. Она больше не цветет, не благоухает. Она угасла и погибла.

Приходили и уходили завоеватели, оставляя порушенные города и села, а любовь оставалась. Цунами превращали берега океанов в пустыню, а любовь оставалась. Только любовь оставила жить в камне прекрасную египтянку Нефертити. Только любовь воздвигла в Агре гробницу Тадж-Махал, которому будут поклоняться люди и после нас. Будут поклоняться камню, под которым лежит когда-то любившее сердце. Только любовь сделала простую женщину императрицей Екатериной Первой. Только любовь позвала в дорогу из Петербурга в далекую Сибирь жен декабристов, где томились их мужья.

Мужество закалила любовь. Песню рождала любовь. И любовь рождала нового человека, новую Любовь.

Навстречу тебе, твоей душе, под солнцем любви, раскрылось мое сердце как первый утренний цветок, благоухая и замирая от счастья.

Ты слышишь, Женечка?

Проходят короткие и долгие минуты, и я возвращаюсь к действительности. Нужно уходить. Встреча с юностью закончилась. Молча прощаюсь с серым домом и ухожу. С тихим шорохом ложатся листья тополей на похолодевшую землю. До новой встречи, старый добрый дом.

Но ведь прошли годы и десятилетия, и моей первой любви столько лет, сколько мне. И может быть, и может быть…

Нет, этого не должно случиться. Она не должна уйти из жизни раньше меня. Мы еще встретимся, славная и хорошая. Что из того, что у нас седины и морщины на щеках, как тонкие щели на дереве старом видны. Это не помешает нам вспомнить юность, разбежавшихся наших друзей и товарищей. Это не помешает нам оценить прожитую жизнь. Мы над многим посмеемся, многое простим, многому поклонимся низко. Я не забыл как через двенадцать лет, после последней нашей встречи, ты нашла меня в Ленинграде, приехав из Москвы. Ты верила, что война не

испепелила меня. Значит, твоя душа не изменила верности далекому прошлому.

Как мало у человека к концу жизни остается сокровенных мест. Я еще не раз приду к этому дому на проспекте-бульваре. И всегда в любое время года тут для меня будет расцветать весна юности.

37

Одиннадцатого марта [1985 года] на пленуме ЦК Партии был избран Генеральным секретарем Михаил Сергеевич Горбачев. Это пятый Генеральный секретарь после смерти Сталина.

Вспоминаю, когда умер Сталин, в народе чувствовалась растерянность. Мы так привыкли к его имени, что казалось, эта смерть нереальна. Думалось, это не могло случиться, хотя и понимали, что бессмертия нет.

Да и не удивительно. Почти тридцать лет Сталин олицетворял партию и государство. Все было связано с его именем. К этому ежечасно приучали нас средства массовой информации. Ведь он был вождь народа, диктатор, сатрап. Мы молились на него и в будни, и в праздники. Он был неколебимый символ веры.

Смерть величайшего и мудрейшего – слишком резким было торможение. Люди со всех концов страны хлынули в Москву. Пришлось ограничивать въезд в столицу. Перестали продавать билеты на поезда московского направления.

Запомнились тогдашние разговоры: кто станет во главе? Как отразится эта смерть на внутренней и внешней политике страны? Что принесет смена руководства народу? Вопросы, вопросы, вопросы. На них могло ответить только время. У власти стали Маленков и Берия. Берия был руководителем НКВД. У него в руках была большая сила. Он мог в удобный для него день устроить в Москве варфоломеевскую ночь, захватить власть и стать диктатором. Этот папа маленький решил ускорить свое возвышение и стать папой большим. Он оглядывался только на Маленкова. Хрущева, ставшего Секретарем ЦК, он просто игнорировал, считая его недалеким мужичком. Но судьбе было угодно посмеяться над Берией. Недалекий мужичок стал его начальником.

Хрущев по своей сути был малокультурным человеком. Но он обладал завидной энергией, храбростью, нахрапистостью и был большой демагог. Хрущев договорился до того, что обещал через десять-пятнадцать лет наступление коммунизма в нашей стране.

А мы тогда ходили в ватниках и шинелях. Нам не хватало хлеба, и капиталистическое окружение не собиралось рушиться. После этого обещания прошел не один десяток лет, а мы так и не можем выбраться из первобытного социализма, не говоря уже о коммунизме.

В актив его добрых дел нужно отнести разоблачение и критику культа личности Сталина. Это был истинно смелый и отчаянный шаг. Начался пересмотр дел репрессированных при Сталине, к сожалению, она не была доведена до конца.

Он поддержал космическую программу наших ученых, завершившуюся блестящим полетом Юрия Гагарина.

Подъем целины, установление нормальных пенсий для пенсионеров. Дальнейшее развитие индустрии, особенно заводов по производству удобрений – все это нужно отнести к положительным делам в деятельности Хрущева. Как и энергичное строительство жилья.

Ратовавший в начале своей деятельности за коллективность в руководстве, через некоторое время он скатился к диктату и сам стал сползать в трясину культа личности. Хрущев был так уверен в своей неприкосновенности, что на городском митинге в Ленинграде выступал пьянющим и вел себя, как подгулявший купчик. Но он забыл, что во все времена существовала карающая рука истории и дворцовые перевороты. Прямо с крымских пенатов он попал на пленум ЦК Партии и был смещен с пьедестала.

Хрущева сменил Леонид Брежнев. При нем заканчивалось освоение целинных и залежных земель, совершенствовались ракеты, атомная техника, шло строительство крупнейших заводов в Тольятти, Набережных Челнах, на Курской аномалии. Строились атомные ледоколы, величайшие ГЭС в Сибири, укреплялась оборона страна. Было начато и закончено вчерне строительство БАМа. Укрепившись в седле власти, Брежнев отошел от коллегиальности руководства, скатился к диктату, к любованию успехами, к забвению настоящей партийной критики во всех звеньях партийной и государственной жизни, к терпимости к извращениям в среде руководящих работников. Предались забвению демократические институты в стране. Все это привело к застою в стране, к духовной пассивности народа.

Я тогда, грешным делом, думал и высказывал в частных разговорах свои сомнения, почему расходятся слова и дела. С больших трибун большие люди критиковали пышные многолюдные свадьбы, а первый секретарь обкома, выдавая свою дочь замуж, собрал 300 гостей. При этом на торжества были взяты из Эрмитажа музейные сервизы, а после свадьбы их не хотели возвращать. Или зачем руководящему работнику шикарная дача?

Пусть во время отпуска в санатории ЦК ему отведут две комнаты, но зачем строить отдельную виллу и не одну?

Но одновременно я себе говорил, прошло время военного коммунизма и аскетизма работников ленинского типа. Нужно забывать вельможам о скромности в быту.

Но теперь вижу: не устарели революционные традиции и принципы.

Такие люди как Горбачев рождаются редко, но все же рождаются. И мы должны только радоваться, что у руля партии и государства наконец встали настоящие коммунисты.

При Брежневе процветала аллилуйщина, трескучее бахвальство, липовые рапорты. Укоренялась семейственность. Вельможное чванство. Махровый бюрократизм. Разрастались негативные явления в виде сращивания мафии с руководством всех степеней. Брежнев верил в свою непогрешимость и прозорливость. Ведь его стали славить с высоких трибун как вождя и великого марксиста. Это была уже проторенная дорожка большим папой Сталиным. Этой «прозорливостью» пользовались большие и малые руководители, нечистые на руку, многие из которых уже ничем не руководят и смотрят на белый свет через железную решетку.

Этот великий марксист не отличался скромностью. Пять звезд Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда, десятки орденов, золотое оружие, маршальское звание, орден Победы. Не хватало только еще звания генералиссимуса.

Что мог совершить во время войны политработник даже не фронтового, а армейского значения в чине полковника, чтобы ему через сорок лет после окончания Великой Отечественной войны вручили орден Победы и золотое оружие.

Эта бьющая в глаза нескромность и тщеславие хорошо подмечена народом. В одном из анекдотов Брежнева спрашивают: «Как к Вам обращаться, по фамилии, или по имени и отчеству?» Леонид Ильич отвечает: «Просто Ильич»[72].

Ставший Генеральным секретарем после Брежнева Андропов был умным, культурным человеком. Но болезнь и смерть сделали его пребывание на этом посту коротким. И несмотря на это, он оставил добрую память о себе.

Сменивший Андропова, Черненко был бледной личностью как руководитель и человек.

Теперь у руководства встал Горбачев М. С. Он как-то сразу пришелся мне по душе. Горбачев разворошил этот застойный омут любителей рапортов, орденов, сладкой жизни, заставил оживиться муравейник нашей жизни после зимней спячки.

Выступает генсек просто, умно, не вещает, а беседует. Не

уходит от острых вопросов, накопившихся в народе, не боится встречаться с народом. На XXVII съезде партии Горбачев поставил задачу: за 15–20 лет увеличить в два раза объем народного хозяйства и шагнуть на новые высоты научно-технического прогресса. Это колоссальная задача. Если мы ее не выполним, то останемся второстепенной державой, с которой перестанут считаться ведущие государства.

За последние десятилетия в стране накопилось много застойного в духовной и хозяйственной жизни страны. Замороженная демократия сковывала творческие силы народа. Резко поставлен вопрос о качестве продукции. 1500 заводов и фабрик получили государственный контроль. В связи с этим мне вспоминается далекий 1935 год, год рождения стахановского движения, пятидесятилетие которого недавно отмечалось.

Безусловно, рекорд Стаханова, нарубившего в сентябре месяце тридцатого года за смену 102 тонны угля, дал толчок к росту производительности труда. И это стоило только приветствовать, если бы этот рост получил в дальнейшем здоровое продолжение. Но, к сожалению, (не по вине Стаханова) движение последователей Стаханова приобрело уродливые формы, за что мы теперь расплачиваемся миллиардами рублей, пускаемых по ветру.

Когда в том тридцать пятом году газеты сообщили о рекорде Стаханова, то каждый завод, фабрика, цех старались найти среди работающих рекордсменов. Такая была дана установка. Каждый партийный и хозяйственный руководитель знал, что будет держать строгий ответ перед вышестоящим руководством, если не будет рапортовать о массовых последователях Стаханова, о росте производительности труда, вернее, о скачке. Никто не хотел вникать, за счет чего стали перекрывать нормы на 300-500-1000 процентов.

Непосредственные руководители коллективов видели, что это, чаще всего, нездоровые проценты. Такие скачки в переработке норм шли не за счет новой прогрессивной технологии или рационализации, внедрения научных разработок, а за счет нарушения технологии и снижения качества продукции.

На основе такой ненормальной производительности труда, каждый год пересматривались нормы выработки в сторону их ужесточения. Это заставляло людей нажимать на педали, изворачиваться, чтобы работая по новым нормам, сохранить прежний заработок. Отсюда пошли истоки пресловутого вала, который порождал и узаконивал брак. И такая работа шла десятилетиями. Брак душил торговлю, покупался и возвращался к изготовителю, душил и его. Пришлось на предприятиях

организовывать цеха для подработки возврата. Так туманно стали называть брак.

Вспоминаю, когда начался этот ажиотаж с переработкой норм на сумасшедшие проценты, мне приходилось говорить по этому поводу с товарищем по работе о том, что это ненормальное проявление нашего усердия, что мы извращаем стахановское движение. А мне отвечали: «Ты что, не понимаешь происходящего, или ты против стахановского движения?»

Я действительно не понимал, почему стахановское движение – хорошее, полезное дело – должно приносить вред. После войны, когда люди ходили в шинелях и не могли купить простую кастрюлю, чтобы сварить похлебку, никто не обращал внимание на качество товара. Но за последние двадцать лет обстановка изменилась. Люди не хотят отдавать свои деньги за уродство и мусор.

Только с приходом нового руководства пришел конец рапортов со словесной шелухой. Происходит энергичное обновление как партийного, так и государственного аппарата. В некоторых райкомах руководство сменилось не по одному разу.

Многие руководители покрылись жирком благодушия, тиной бюрократизма. Практиковалась семейственность, аллилуйщина, очковтирательство, многие становились на путь преступлений перед своей совестью и государством.

Конечно, трудно за короткий срок выкорчевать негативные явления, которые расцветали и укоренялись десятки лет. За эти десятилетия образовалась особая каста руководящих работников, связанная родственными и приятельскими отношениями, антипартийными и антигосударственными делами.

Все эти трескучие рапорты на имя генсеков, начиная от Сталина, кончая Черненко, развратили республиканских, областных и районных руководителей. Каждый секретарь райкома партии чувствовал себя удельным князьком, которому и Москва не указ. Никто этому князьку в районе не смел становиться поперек дороги со здоровой критикой. Пытавшихся критиковать настигала жестокая, незамедлительная кара. Сейчас открылся путь к демократизации, гласности и выборности руководства. Очень трудно новому руководству разгребать завалы мерзости, перевоспитывать зажиревших князьков, прививать вкус настоящей партийности во всех звеньях государственного руководства, прививать ленинские нормы жизни коммунистам.

Я искренне желаю товарищу Горбачеву крепкого здоровья и сил, энергии и времени, чтобы довести до конца задуманную перестройку нашей жизни.

Слишком развратила нас лесть, лживость и расшаркивание

перед сановниками всех мастей. Очень много предстоит борьбы с гнилыми богатеями, накопившимися у нас после смерти Ленина.

Совершается еще одна Революция на моей памяти.

38

Время – великий строитель и эскулап. Оно залечило все раны, нанесенные фашистами нашей земле.

…На обновленной площади у Финляндского вокзала на броневике Революции стоит и призывает нас двигаться вперед наш бессмертный Ленин.

… Победно реет красный стяг над штабом Революции – Смольным.

… По-прежнему из великого прошлого в светлое будущее смотрит баковое орудие «Авроры».

… На Марсовом поле Вечный огонь осеняет розоватый гранит могил, первых героев и жертв 1917 года.

… Я прихожу и склоняю голову перед вами, строгие жители могил Пискаревского кладбища. Тихо стучит метроном. А мне кажется, что это бьются четыреста тысяч сердец блокадников Ленинграда, захороненных здесь.

… Давно сияет золотой шлем Исаакия, и под перезвон курантов летит в неизведанное ангел на шпиле Петропавловской крепости.

… Медный Всадник вздыбил коня и по-прежнему сурово смотрит на Запад.

… Как хорошеет Ленинград. Я иду по его знаменитым проспектам, узнаю старых знакомых и кланяюсь вечным реликвиям.

… Все такой же, как в дни блокады, в золотых доспехах Марса стоит Суворов. Он так и простоял открытый всем смертям всю войну и блокаду Ленинграда, как символ мужества и неустрашимости. Его не охраняли деревянные плиты и песок.

Сколько немцы положили снарядов вокруг него. Но ни один осколок не коснулся бронзового изваяния Генералиссимуса.

… Как и прежде стремительны чудо-кони на Аничковом мосту через Фонтанку. Заботливые руки закопали их в саду Дворца пионеров во время войны и сохранили это творение Клодта; только на гранитных постаментах рваные раны от фашистских снарядов. Они останутся на граните как клятва непобедимого города.

…Все такая же улица Росси. Стройная и певучая как удар смычка. Неповторимый памятник зодчему и человеку.

… Вот и он – по-человечески мудрый мечтатель и бунтарь, соловей и мученик России – аникушинский Пушкин на площади Искусств.

Узнаю и тебя, розоватый дом в начале Невского проспекта. И все так же, как в дни блокады на твоем фасаде начертано: «Граждане, эта сторона улицы во время обстрела наиболее опасна!» Носи и дальше эту надпись, как боевую награду.

… Все такой же Летний сад, выпестованный Петром Великим. Сколько шрамов и рубцов залечили на твоих стволах добрые руки садовников. И ты, благодарный, даришь щедро нам тень и прохладу.

… И ты, стремительная Адмиралтейская игла, с веселым парусником на семидесятиметровой вышке, товарищем героев прошлого, мечтателей и бродяг.

… Вот она, чарующая стрелка Васильевского острова, с бордовыми Ростральными колоннами-маяками. С белокаменной Биржей, вдохновенным подарком зодчего Тома де Томона.

… И необъятная, величавая Дворцовая площадь с главным сооружением: Главным штабом, смотрящим легионом своих окон на Александрийскую колонну и на пышные чертоги Зимнего дворца.

Улицы и переулки. Площади и проспекты. Набережные и мосты. Приветствую вас. Вы ничего не забыли: ни народных восстаний, ни наводнений, ни дней войны и блокады, ни Дня Победы. Мир вам и слава!

39

Прошли годы. Установилась хорошая, нужная традиция встречи ветеранов войны.

[73]…дел этого товарища. Осенью 1985 года читаю в газете «Известия» под фотографией, что Геннадий Петрович Вороновский назначен министром электротехнической промышленности СССР. Если бы под этой фотографией не было такой подписи, я с уверенностью бы сказал, что этот человек мне не знаком.

Такие же превращения произошли с одним из однополчан Аркадием Касаткиным. Он пришел к нам во взвод в конце 1943 года. Был тогда Аркаша милым, хорошим мальчиком-юношей, который к концу войны стал уверенным в себе солдатом – гвардии рядовым. После войны Аркаша учился. Окончил вуз и теперь работает начальником отдела КБ, и уже седина серебрит его шевелюру. При встрече мне нужно очень всматриваться в

него, чтобы уловить облик юного Аркашеньки.

Н. И. Верхолат

К концу 1985 года я списался с еще одним однополчанином Петром Калугой. Фамилия областного масштаба, но живет в Брянской области и работает совхозе. За последние годы хорошо сложились его житейские дела. Прошло то время, когда на трудодень выдавали по 200 грамм зерна и запрещали держать коров, урезая приусадебные участки земли. Получил от него посылку: знаменитая брянская картошка и кусок сала. Эта посылка душевно растрогала. Человек готов поделиться всем, что есть у него хорошего. Вот что значит солдатское братство.

Судя по присланной фотографии, от былого Петра осталась только одна фамилия. Любопытно, как он вступал в войну. Тринадцатого июня 1941 года взвод, где служил Калуга, занимался хозяйственными делами, а потом, раздевшись до трусов, солдаты стали стирать свое обмундирование и белье. Только развесили постирушку, как была объявлена боевая тревога. Каждый солдат получил по двести патрон к винтовке и стал в строй. Взвод бегом в одних трусах направился занимать оборону. Сокращая расстояние, три километра бежали через лес, продираясь через малинник и густой подлесок. Конечно, ободрались до крови. Прибежав на берег Балтики, стали рыть траншеи и строить землянки.

А 22 июня на полуострове Ханко узнали, что началась война.

Да и мне нельзя похвастаться моложавостью и стройностью гусара. Стоит только со стороны посмотреть, как я иду – и все станет ясно.

Может быть правы молодые, которым я мешаю своей неспешной походкой. Кажется им, стоит только чаще переставлять ноги и никто не будет в обиде за задержку. Ведь это не трудно понять человеку, перешедшему из пенсионного возраста в возраст ископаемого неандертальца.

Но вся беда в том, что эту простую истину не хотят понять ноги. И может быть их нужно понять, этих молодых, когда они в транспорте не уступают место старикам.

Наверно, в семьдесят пять лет человек не устанет больше, чем он устал. А ведь у молодых все впереди: тревоги, радости и вся жизненная усталость. К тому же, как приятно, сидя, читать книгу или газету или беседовать с рядом сидящей молодой спутницей. И несмотря ни на что, я люблю эту жизнь, этот мир последней зрелой любовью старого человека. Я люблю его с ошибками и горестями, с большими и малыми радостями. Он такой огромный, этот мир, вечно стареющий и обновляющийся, такой манящий и мудрый, такой необъятный и неизведанный.

Вот почему каждый новый день я встречаю как первый день творения.

…Еще по ночам и по утрам стоят крепенькие морозы, а зеленушка-синичка пищит за окном: «Спасибо, что подкармливали зимой. Но мне пора в лес. Лето такое короткое, а мне нужно воспитать не одну семью». Это март.

… Конец весны. В честь наступления лета каштаны зажгли свои пышные свечи, перед памятником Петру Первому у Инженерного замка.

…Ласково светит солнце. Май. Слабый ветерок играет фатой. Они идут, пара молодых и влюбленных, к памятнику блокадному Ленинграду, чтобы положить на постамент цветы, часть своего счастья в день свадьбы.

… Сидящий на подоконнике моего окна воробушек в черном галстуке заглядывает бусинкой глаза в окно и хочет спросить: «Кто ты?».

Здравствуй, серенькая птаха. Для тебя наступила благодатная пора.

… Из глубины вселенной проклюнулась изумрудная первая звездочка. Кому ты подаришь счастье? Или ты наградишь счастьем всех живущих на земле?

…Белый шлейф тянется за самолетом. Легкого тебе пути, большая летящая птица. Счастья вам, пассажиры. Это летит и моя

несбывшаяся мечта.

… Ах, какой я забывчивый и медлительный. Нужно побывать на Васильевском острове. Там идет большая стройка, на заболоченном побережье Невской губы, засыпанным песком со дна Маркизовой лужи. Чтобы бегло осмотреть эту стройку, нужен хотя бы день. А ноги – транспорт прошлого века.

… Вот на столе лежит еще нераскрытая книга. Это на белом поле продолжают жить чья-то мудрость и совесть, радость вдохновенья и хрустальная мечта, присевшая отдохнуть перелетная птица.

И еще сколько всего призывает и манит к себе, а времени так мало отпущено природой. Время бежит, бежит впереди меня. И не догнать его, не остановить это летящее время.

Вот почему я просыпаюсь, наверно, раньше всех. Зажигается свет в первом окошке в доме напротив. А за ним начинают светиться остальные глаза домов. Люди готовятся к труду. Какие они счастливые.

40

Итак, отпраздновали сорокалетие Победы над немецким фашизмом. Все месяцы, предшествовавшим этому дню, я находился в плену воспоминаний о прошлом – далеком и трудном, неизгладимым из памяти.

Когда я читал газеты, несколько раз в день у меня горестно сжималось сердце, и слезы сами по себе катились из глаз.

Хорошо, что их никто не видел, а то сказали бы: «Старик стал безволен и сентиментален». Разве могут понять нас, ветеранов, наши нынешние соотечественники, если они не мокли под дождем, не спали на снегу и под снегом. Не видели, как под пулеметным огнем смертельными рядами ложится пехота, как дымящимся костром падает наш самолет. Разве нынешнее поколение людей может понять наши слезы, если они не видели, как среди рвущихся снарядов бежит по пояс обнаженный и обожженный танкист с глазами, полными нечеловеческой муки, хрипящий от смертельной боли, а ты ничем не можешь ему помочь.

Кто из живущих теперь смотрел 1418 дней и ночей в глаза войны, [кто] может сердцем понять наше душевное состояние?

В эти дни зарубежные журналисты с иудиным удивлением спрашивают нас: «Почему вы все время вспоминаете войну? Прошло столько лет после ее окончания, а вы все твердите о ней и о мире. Мы же тоже за мир, но не вспоминаем войну».

Конечно, американцам нет нужды вспоминать войну, которая не бушевала на их территории. Последние сто лет войны обходили США стороной. Вот почему я хочу спросить вас, пишущие хамелеоны, есть ли у вас такой город как Ленинград, в котором от немецкой блокады и голода, за пять месяцев погибло 640 тысяч мирных жителей – женщин, стариков, детей.

И есть ли такой город как Ельня, в котором и теперь населения в шесть раз меньше, чем до войны.

После сказанного вы, на Западе, хотите, чтобы мы забыли войну и в знак покорности неизбежной судьбе взяли крест в руки и уже теперь начали рыть рвы-могилы для жертв новой войны. Это вы, продажные журналисты, делаете удивленное лицо, когда мы вспоминаем о последней войне. Тысячи памятников погибшим от рук немецких фашистов, стоят у нас перед глазами и стучат в наши сердца неутихающей болью. У нас хорошая память на прошлое и зоркий взгляд в будущее.

Прошло сорок лет, как окончилась Отечественная война 1941-45 годов. Сколько нас, ветеранов, доживет до пятидесятилетия Великой Победы.

41

Итак, часы отсчитали мне три четверти века. Правда, в этот день не палили пушки. Не стреляли шампанским бутылки. В этот день шел дождь со снегом. В общем, погода была такая, как во время похорон по шестому разряду, когда в грозовую ночь покойник сам идет и гроб под мышкой несет.

Что такое семьдесят пять лет по сравнению с вечностью. Тут даже не найти сравнения, так это ничтожно. Как говорили в старину – мизерабль[74].

А если сравнить с веком, можно с любым, но лучше с двадцатым. Он нам ближе и понятней. Разве поймешь, что говорили при Мономахе или Веспасиане? Пожалуй, и в том и в другом случае нужно нанимать переводчика, а он во все времена кое-что стоил.

А в наши дни? Люди и события стоят перед глазами, хотя за давностью лет иногда видятся в тумане. Сколько за неполный век было свершений на земле и в космосе. Сколько полыхало войн, в огне которых сгорели миллионы людей.

…И сколько было предательств перед совестью человечества. Сколько за эти три четверти века было Революций: буржуазных, национальных, пролетарских и сколько родилось идей и учений, не оправдавших себя.

И на фоне всего этого, что значит одна жизнь рядового человека. Какой след она оставит в истории и на дорогах, по которым идут народы.

Когда я был молод и зелен, мне хотелось стать великим путешественником. Но однажды вспомнил, что все существенное уже открыто, а на мелочи размениваться не захотелось.

Мне показалось, что можно стать приличным летчиком, но были подрезаны крылья[75], и я не взлетел.

И, наконец, решил – буду поэтом. К удивлению увидел, что больших поэтов и без меня много, а стать маленьким – на это у меня не хватило таланта.

И я стал просто рабочим, потом солдатом и снова рабочим.

Пробежали годы. Прошли десятилетия. Раскидала жизнь моих школьных друзей и товарищей. Испепелила война старую заводскую гвардию. По разным краям разбрелись однополчане.

Где они, и как у многих сложилась судьба? Нет на эти вопросы ответа.

Пришла еще одна осень. Октябрь. Расстелили по земле свои золотистые плащи осенние березы. Отплакала осень серыми дождями. Отзвенела капелью. Отбродила туманами по опустевшим полям и перелескам. Откричалась криками пролетающих журавлей.

Лебединые тени былого прощально машут крыльями. Я поставлю сейчас последнюю точку, но жизнь продолжается. Хотя и стоит рядом небытие, без которого человек не познал бы до конца верность и предательство, дружбу и равнодушие, любовь и ненависть, и не увидел бы лик вечности.

Друзья и товарищи! Живые и мертвые! Я прошел с вами много тропинок и дорог, чувствовал тепло ваших рук и щедрость души.

Примите и вы горячую признательность моего сердца, и пока я с вами, вы для меня бессмертны.

1970–1989

К читателю

Летом 2013 года, моя мама, Татьяна Николаевна Клоченко (девичья фамилия Верхолат), рассказала мне про переписку моего деда, Николая Ивановича Верхолата, со своим однополчанином Георгием Александровичем Калиняком. Общение в письмах зародилось между фронтовыми товарищами на заре восьмидесятых годов прошлого века и продолжалось несколько лет.

Поначалу не придав особого значения переписке, я взял в руки внушительную пачку писем, адресованных деду. Они представляли собой пожелтевшие от времени двойные листы в широкую линейку, вырванные из школьных тетрадей, с характерным запахом от долгого лежания в шкафу.

Начав читать, как оказалось, написанную Калиняком Г.А. историю своей жизни, я, сам того не ожидая, погрузился в мир, в котором жили мои предки с начала XX века. Рассказывая о себе, автор, имевший врожденный писательский талант, прекрасно сумел передать дух того времени. Очень скоро чтение захватило меня целиком.

Охваченный чувствами патриотизма и гордости за нашу Советскую Родину я не смог удержаться от желания в память о героях Великой Отечественной войны добавить свой практически незримый, но надеюсь не напрасный штрих в картину истории страны.

Так началась работа по созданию труда о жизни одного замечательного человека.

Отсканировав все письма, я привез их в Санкт-Петербург и показал профессору кафедры организации и методики образовательного процесса Военно-морской академии им. Н. Г. Кузнецова, кандидату педагогических наук, доценту Сергею Эдуардовичу Звереву. Имея богатейший опыт в издании книг по военной риторике, Сергей Эдуардович высоко оценил письма и предложил опубликовать данный материал.

Здесь на помощь пришел мой друг, инженер-программист кафедры организации и методики образовательного процесса Военно-морской академии им. Н. Г. Кузнецова, Олег Дмитриевич Шакин. Благодаря его кропотливым усилиям, более 60 писем, написанных от руки, разными, порой выцветшими чернилами обрели электронный вид.

После литературной редакции, выполненной С. Э. Зверевым, письма превратились в текст книги, от чтения которой, мы надеемся, дорогие читатели, вы получили удовольствие.

10.09.2014 г.

Юрий Анатольевич Клоченко
капитан 2 ранга
адъюнкт Военно-морской академии

notes

Примечания

1

За подвиги в годы Гражданской войны четырьмя орденами Красного Знамени было награждено 4 человека; в их числе С. С. Вострецов.

2

Партмаксимум-максимальный месячный оклад, существовавший до 1934 г. для членов партии-руководящих работников учреждений и предприятий.

3

Река Чулка, приток р. Чулым, находится в бассейне р. Оби.

4

Коровяк – коровий навоз.

5

Низкие и широкие крестьянские сани с расходящимися врозь от передка боками.

6

Значение выражения неясно. Возможно, древесина трактуется как дар бога Пана-покровителя лесов и дикой природы в древнегреческой мифологии. Не исключено, что зажиточные домовладельцы, скрывавшиеся за крепкими заборами, именовались в народе *панами,* которые в советской мифологии выступали символом угнетения.

7

Пеклеванный хлеб – хлеб, выпеченный из мелко размолотой и просеянной муки.

8

Молоховец Е.И.-классик русской кулинарной литературы, автор книги «Подарок молодым хозяйкам или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве» (1861).

9

Друг Г. А. Калиняка, о котором речь пойдет впереди.

10

Мысль автора до конца неясна. Николай I действительно оказывал покровительство поэту.

11

Дальтон-план – метод обучения в школе. Метод был предложен американской деятельницей народного образования Хелен Паркхерст. Впервые испробован в школе в городке Дальтон в штате Массачусетс, от которого получил свое название.

12

Волна репрессий 1937–1938 гг., связанная с именем наркома НКВД Н. И. Ежова.

13

Отметку «удовлетворительно».

Газете «Комсомольская правда».

15

О деньгах, которые совершенно обесценились в годы революции.

16

Судя по всему, автор имел в виду джинсы, бывшие в последние годы советской власти большим дефицитом.

17

Известный советский комик 30-х гг XX века.

18

Известный американский актер 30-х гг XX века.

19

Фарцовка (разг., от англ. for sale)-В СССР в 50-80-е гг. XX в. добывание и/или спекуляция вещами, выменянными или перекупленными у приезжих иностранцев.

20

Самый дешевый советский автомобиль, производства Запорожского автозавода.

21

1 Мая-День международной солидарности трудящихся-и 7 Ноября-День Великой Октябрьской социалистической революции-государственные праздники СССР.

22

Надпись на пионерском значке образца 1922 года; в 1929 году ее сменила надпись «Всегда готов!»

23

«Эх, да, расскажи, расскажи, бродяга, Чей ты родом, откуда ты?» (Цыганский романс).

24

Модная в 30-е гг. кепка.

25

Очевидно, Конногвардейский манеж.

26

Из-за надувных шин.

27

Очевидно, жаргонное обозначение стоянки извозчиков.

28

Так называли людей, занимавших какое-либо общественное положение до Октября.

29

«Нарпит» (народное питание) – государственная организация общественного питания в СССР носила это название до 1930 года.

30

Профсоюз.

31

Вышний Волочек основан в 1471 г., получил статус города в 1770 году

32

Любопытный фразеологический оборот, означающий некое неопределенное время, аналог старорежимного «во время оно».

33

Школа фабрично-заводского обучения.

Рабочий комитет.

35

Торгсин (Торговля с иностранцами) – сеть советских магазинов, торговавших на валюту и драгоценные металлы.

36

«Березка» – сеть советских магазинов, торговавших товарами повышенного спроса преимущественно импортного производства.

37

Строка из песни. Правильно: «Штурмовые ночи Спасска…»

38

Величайшее несчастье, когда нет истинного друга. Стих арабского поэта иль-Мутанаббия (915–965) (А. С. Грибоедов. «Письмо к Булгарину»).

39

Дом заключения.

Очевидно, искаженное просторечное от «галерея».

41

8-й механизированный корпус под командованием генерал-майора Д. И. Рябышева и бригадного комиссара Н. К. Попеля вел бои в составе Юго-Западного фронта.

42

Правильно: Западным особым военным округом.

43

Кроме генерала армии Д. Г. Павлова, было расстреляно еще 6 генералов.

44

Помощник командира взвода.

45

Немецкий истребитель конструкции В. Мессершмитта.

46

В речи И. В. Сталина на Красной площади 7 ноября 1941 года об этом было сказано так: «Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть годик, – и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений».

47

Имеется в виду броня-освобождение от военной службы по причине острой необходимости для народного хозяйства.

48

В ходе первой попытки прорвать блокаду Ленинграда с 10 по 26 сентября 1941 года войска 54-й отдельной армии смогли продвинуться на синявинском направлении на 6-10 километров, но прорвать блокаду не удалось. Командующий армией маршал Г. И. Кулик был снят с должности.

49

Вторая попытка прорыва блокады в октябре-декабре 1941 года также закончилась неудачей. Генерал-майор И. И. Федюнинский командовал 54-й армией; генерал-майор А. Л. Бондарев-8-й армией.

50

188-й гвардейский стрелковый полк 63-й гвардейской стрелковой дивизии.

51

136-я стрелковая дивизия с 12 по 18 января действовала на направлении главного удара 67-й армии Ленинградского фронта и 18 января 1943 г. соединилась с частями 18-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии Волховского фронта в районе Рабочего Поселка № 5, завершив тем самым прорыв блокады Ленинграда. За мужество и героизм, проявленные в этих боях, 136-я стрелковая дивизия была преобразована 19 января 1943 года в 63-ю гвардейскую стрелковую, а командиру дивизии полковнику Н. П. Симоняку присвоено звание Героя Советского Союза.

52

Участвовавшие в Мгинской наступательной операции 63-я и 45-я гвардейские стрелковые дивизии в составе войск 67-й армии частично взломали оборону противника у д. Арбузово, но развить первоначальный успех не смогли. Немецкое командование укрепило оборону резервами, и наступление советских войск было приостановлено. Ожесточенные бои продолжались несколько недель; обе стороны понесли большие потери. Части 67-й армии неоднократно атаковали позиции немецких войск, но всякий раз отступали, не добившись успеха. В свою очередь немецкие войска безуспешно пытались выбить советские войска с занимаемых позиций. Так, например, в начале августа 58-я немецкая пехотная дивизия при поддержке нескольких танков «тигр» была брошена в контрнаступление, но встреченная мощным огнем советской артиллерии понесла большие потери и лишь незначительно продвинулась вперед.

53

По частям.

54

Полковой медицинский пункт.

55

Импровизированные надгробия.

Скорее всего, это были танки Т-40, вооруженные 23-мм пушкой НАП.

Самолет был переименован в 1944 году.

За этот подвиг Н. И. Верхолат был награжден медалью «За отвагу».

Орденом Отечественной войны Степени Н. И. Верхолат был награжден в 1985 году.

60

Слова из песни «Волховская застольная».

61

А.Ф. Щеглов командовал 63-й гвардейской стрелковой дивизией с 20 апреля 1943 по 5 октября 1944 г., полковник, с 3 июня 1944 г. генерал-майор.

62

Генерал-майор И. И. Федюнинский в декабре 1943 года был назначен командующим 2-й ударной армии, наносившей удар с Ораниенбаумского плацдарма. Главный удар был нанесен на Ропшинском направлении, что привело к соединению с войсками 42 армии и разгрому петергофско-стрельнинской группировки немцев в районе Ропши.

63

Гауптвахта.

64

Вещевой мешок.

65

В период с 3 по 13 сентября 1944 г. 30-й гвардейский стрелковый корпус был переброшен с нарвского плацдарма в район Тарту, совершив 300-километровый переход. От Гдова корпус следовал походным порядком. Ночными переходами, по грунтовым дорогам, размытым сильными осенними дождями, с артиллерией, моторизованными частями и конным обозом корпус совершил марш более чем в 200 км за шесть дней.

Очевидно, прозвище Г. А. Калиняка на фронте за его близорукость.

За этот подвиг Г. А. Калиняк был награжден медалью «За отвагу».

68

Автомат МП-40.

69

Генерал-майор А. Ф. Щеглов командовал 30-м гвардейским стрелковым корпусом с октября 1944 г по июнь 1945 г.

70

Циклотрон предназначен для придания заряженным частицам высоких энергий.

71

Дописано Г. А. Калиняком другими чернилами, очевидно, позже, когда он просматривал записки.

72

Так в годы советской власти принято было ласково называть В. И. Ленина.

73

Здесь в воспоминаниях Г. А. Калиняка не хватает одного письма.

Очевидно, от одного из значений miserable (франц.) – убогий, ничтожный.

75

Намек на плохое зрение.